

Сёрен Кьеркегор

Девять
бесед
1843
года

Сёрен Кьеркегор

Девятъ
беседа
1843
года

Москва 2016

Сёрен Кьеркегор

Девять бесед 1843 года / Пер. с датского
А. В. Лызлова — М.: 2016. — 324 с.

ISBN 978-5-9907589-1-9

Книга включает в себя девять бесед, написанных С. Кьеркегором (1813-1855) в 1843 году, в которых автор размышляет о важных для него местах Св. Писания. Книга адресована не только профессиональным философам и богословам, но и всякому заинтересованному читателю.

ISBN 978-5-9907589-1-9

© Лызлов А.В., перевод,
примечания, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	7
Две назидательные беседы	
<i>Предисловие</i>	10
Чаяние, присущее вере. Новый год	13
Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше	58
Три назидательные беседы	
<i>Предисловие</i>	94
Любовь покрывает множество грехов	96
Любовь покрывает множество грехов	124
Утвердиться во внутреннем человеке	144

Четыре назидательные беседы

<i>Предисловие</i>	190
Господь дал, Господь взял – благословенно имя господне	192
Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше	223
Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше	253
Стяжать свою душу в терпении	289

От переводчика

Сёрен Кьеркегор — мыслитель и писатель, которого в России любят и знают многие. Счастливо избегая судьбы модного философа, с которым нередко знакомятся, чтобы казаться сведущими, Кьеркегор неизменно находит тех, кого он — каждого как *единственного* — «с радостью и благодарностью называет своим читателем». Тем не менее, очень многие из его работ на русский язык до сих пор не переводились.

Нам посчастливилось начать знакомить русскоязычного читателя с серией работ, которые С. Кьеркегор обозначал как «беседы» (Taler). Были опубликованы две книги: сборник из трёх работ, так и озаглавленный «Беседы» (2009), и

книга «Евангелие страданий» (2011). Продолжая начатое дело, мы публикуем теперь самые первые из его бесед, написанные в 1843 году. Первые две из них С. Кьеркегор выпустил одновременно со своей книгой «Или-или».

Каждая из бесед представляет собой размышление над тем или иным местом из Священного Писания — размышление, которое призвано помочь каждому услышать слово Писания как слово Божие, обращённое лично к нему, — услышать, чтобы последовать этому слову. С. Кьеркегор, — и он не раз даёт это читателю понять, — ждёт, что читатель будет не соотносить прочитанное с различными внешними контекстами, но станет искать приложить его к своей собственной жизни. Тогда читатель становится фигурой, как и автор, творческой: жизнь и мысль автора творчески преломляется в слове, а это слово, в свою очередь, творчески преломляется читателем в его жизни. Такой читатель, — пишет С. Кьеркегор, — «делая моё своим, делает для меня больше, чем я для него». В этом звучит щедрость автора, побуждающая каждого из нас с любовью и радостью благодарно принять его дар — его слово.

ДВЕ НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ

1843

---

*Покойному
Михазлу Педерсену Кьеркегору
бывшему торговцу трикотажем
в нашем городе
моему отцу посвящаются
эти беседы*

Предисловие

Х

отя эта небольшая книга (названная «беседами», а не проповедями, ведь её автору не дана власть *проповедовать*; «назидательными беседами», а не беседами для назидания, ведь ведущий эти беседы ни в коей мере не претендует на то, чтобы быть учителем) желает лишь быть тем, что она есть, то есть, чем-то совсем не обязательным, и жаждет, втайне явившись на свет, лишь оставаться сокрытой, всё же прощаясь я с ней не без почти что сказочной надежды. Поскольку она, будучи издана, отправилась — в переносном смысле — в своего рода странствие, я на краткое вре-

мя позволил себе последовать за нею взглядом. Я смотрел за ней, как она шла одинокой тропой или одиноко по проезжей дороге. После одного-двух небольших недоразумений, когда она была обманута поверхностным сходством, она, наконец, повстречала того единственного, кого я с радостью и благодарностью называю *моим* читателем, того единственного, кого она ищет, к кому она словно простирает руки, того единственного, кто так отзывчив, что даёт ей себя найти, кто так отзывчив, что принимает её, застанет ли она его в мгновение встречи радостным и дерзновенным или «усталым и задумчивым»¹. — Поскольку же она, будучи издана, в прямом смысле тихо стоит, не меняя места, я на краткое время позволил себе остановиться на ней взглядом. Она стояла, словно

---

¹ Эти слова, взятые С. Кьекегором в кавычки, отсылают, по-видимому, к работе морского офицера Ф. К. Лютке «Святое ободрение в часы усталости и задумчивости» (Копенгаген, 1764 г.), в которой, в обращении «К читателю» автор пишет: «Я назвал эти размышления *“Святое ободрение в часы усталости и задумчивости”* не потому только, что они были составлены и написаны в такие часы, но потому, что в такие часы они и лучше всего читаются». — Здесь и далее под арабскими цифрами — примечания переводчика.

неприметный маленький цветок, укрывшийся в огромном лесу, который не выдаёт себя ни особым великолепием, ни ароматом, ни образом жизни. Но вот я видел, или словно бы видел, как птица, которую я называю *моим* читателем, вдруг заметила её, стремглав бросилась вниз, схватила её и унесла к себе. И увидев это, я уже не видел дальнейшего.

Копенгаген, 5-го мая 1843 г.²

С. К.

---

² 5-го мая — день рождения Сёрена Кьеркегора

1. ЧАЯНИЕ, ПРИСУЩЕЕ ВЕРЕ

Новый год

МОЛИТВА

Минул ещё один год, Отец наш Небесный! Благодарим тебя за то, что и этот год Ты соделал временем Твоей милости; и хотя нам придётся отвечать за этот год нашей жизни, мы не цепенеем от ужаса, ибо мы вверяем себя Твоему милосердию. Новый год стоит на пороге со своими требованиями, своими задачами; и если мы и вступаем в него обременёнными и озабоченными, поскольку не можем и не хотим скрывать от самих себя мысль о похоти очей, прельщавшей нас; о сладости мести, соблазнявшей нас; о злобе, в которой мы были упорны; о холодном сердце, бежавшем прочь от Тебя, — то всё же мы вступаем в него не совсем с пустыми руками, ведь мы желаем взять с собой и воспоминания о боязливых сомнениях, которые были умирены; о потаённых тяготах, которые были облегчены; о подавленности, которая сменилась вдохнове-

нием; о радостной надежде, которая не была посрамлена. И даже когда в мгновения грусти мы желаем укрепить и ободрить душу, думая о великих людях, Твоих избранных орудиях, которые в тяжелой душевной борьбе, когда страх охватывал сердце, не теряли свободы духа, не лишались мужества, и небеса оставались для них отверсты, — то к явленному на них мы желаем приложить и наше свидетельство, будучи убеждены, что даже если наше мужество по сравнению с их является лишь малодушием, наша сила — бессилием, то Ты пребываешь всё Тем же — тем же сильным Богом, Который в борьбе испытывает дух, тем же Отцом, без воли Которого ни один воробей не упадёт на землю.

Аминь.

то послание апостол

Павел пишет к Галатам (3 глава с 23 стиха до конца)¹.

Мы собрались здесь в первый день нового года, благоговейные слушатели! Праздник, ко-

---

¹ А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона до того времени, как надлежало открыться вере. Итак закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою; по пришествии же веры мы уже не под руководством детоводителя. Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе. Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники.

торый мы сегодня празднуем, не имеет особого церковного названия, и всё же торжество этого дня не становится для нас из-за этого менее желанным, и этот день не менее серьёзно, чем другие праздники, приглашает нас к тихому раздумью. Мы собрались сегодня в доме Божиим, где всегда должно говориться об одном, даже если и различным образом в зависимости от времени и обстоятельств. Год миновал и начался новый; в нём ничего ещё не произошло; прошлое завершено, настоящего ещё нет, есть только будущее, которого ещё нет. В повседневной жизни мы порой желаем друг другу разного рода благ. Чем лучше мы, как мы думаем, знаем характер, мысли и увлечения человека, тем легче рискуем мы пожелать ему какого-то определённого блага, которое было бы значимо именно для него и отвечало бы его жизни. И в день Нового года мы не упускаем возможности проявить участие и расположение к ближним, желая им каких-либо благ. Но поскольку в этот день мысль о будущем и о сокрытых в нём неисследимых возможностях живо присутствует в нас, наши пожелания часто бывают обобщёнными: мы надеемся, что пожелание большего объёма легче сможет вместить многообразие того, что

может случиться в будущем; нам кажется слишком трудным желать чего-то определённого перед лицом неопределённого и неопределимого. Но мы не позволяем этой трудности помешать нам выражать пожелания и не даём мысли время на то, чтобы поколебать наше сердце в его таинственном и неопределённом побуждении к этому, — мы следуем нашему расположению к ближним, которое, если даже для него и слишком высокая честь называться любовью, всё же при этом не сводится к легкомыслию. Исключение составляет лишь случай, когда мы с особым чувством относимся к какому-то человеку. Его жизнь сильнее затрагивает наше сердце, о его благе мы больше беспокоимся. Чем в большей мере это так, тем неодолимее чувствуем мы себя в затруднении. Погружаясь в грядущее, наша мысль блуждает тогда, неустанно стараясь вырвать или выманить у грядущего то, что оно хранит в потаённости; пытаюсь нащупать след, она устремляется от одной возможности к другой, но тщетно; и душа, которая жаждет обрести подходящее пожелание, становится грустной, она сидит и ждёт, чтобы мысль вернулась назад и просветила её, открыла ей, что же такое могла бы она отважиться пожелать, вложив в это всю

глубину своего чувства. То, что другие делают легко и непринуждённо, оказывается для этого человека трудным и тягостным; то, с чем сам он легко справляется, когда дело идёт обо всех прочих людях, оказывается трудным для него, когда дело идёт о том, кого он любит сильнее всего, — и это затруднение оказывается тем большим, чем сильнее он любит. Наконец, он совсем теряет, он не хочет выпустить из-под своей защиты того, кого он любит, не хочет отдать его на произвол грядущего, и однако он вынужден это сделать; он хочет сопроводить его всеми благи-ми пожеланиями, однако у него нет ни одного.

Если бы снедаемая беспокойством душа какого-нибудь человека почувствовала себя заложницей подобного затруднения, то этот человек, наверное, обратил бы свои мысли и к тем свидетельствам, которые он слышал в храмах Божиих; он, возможно, стал бы ходить в храм, чтобы опять же искать и исследовать, не найдёт ли он там такого пожелания, которое столь полно отвечало бы тому, чего он ищет, что он мог бы отважиться вложить в это пожелание всю глубину своей души, не приберегая ни малейшей её части для того, чтобы пожелать чего-то ещё, тоже важного для того, кого он любит;

которое столь полно отвечало бы тому, чего он ищет, что скорее можно было бы опасаться, что ему не хватит душевной глубины для того, чтобы пожелать этого так, как следует этого желать; пожелание, вдогонку которому не нужно было бы желать того, чтобы это осталось и не ушло; пожелание, которое, когда человек уже не желает этого, не оставалось бы его доносить; пожелание, которое касалось бы не какой-то отдельной вещи, желая которой, приходилось бы забыть о какой-то другой отдельной вещи, которая потом могла бы всплыть совсем некстати; пожелание, которое касалось бы не настоящего, но отвечало бы будущему, ведь именно будущее дало этому человеку самый повод чего-то кому-то желать. Если бы такое пожелание нашлось, он обрёл бы свободу и радость, он радовался бы этому пожеланию и ещё более тому, что он может пожелать это другому.

И ведь в храмах Божиих говорится о многих хороших вещах. Здесь говорится о мирских благах, о здоровье, радостных днях, богатстве, власти, удаче, прекрасных воспоминаниях; и здесь предостерегают от них: того, кто имеет эти блага, предостерегают, чтобы он им не верил; того, кто их не имеет, предостерегают, чтобы

его сердце не было к ним обращено. О вере идёт здесь иная речь. Говорится, что она — величайшее благо, что она прекраснее и драгоценнее всего, что в ней вся полнота блаженства, что она несопоставима ни с чем иным и ничем иным не заменима. Но отличается ли она от других благ лишь тем, что она — высочайшее благо, будучи в остальном подобной им всем — столь же зыбкой и непостоянной, достаемойся только немногим избранным и редко кому на всю жизнь? Если бы это было так, тогда было бы необъяснимо, почему в храмах только и говорится что о вере и почему она вновь и вновь восхваляется и славится. Ведь тогда говорящий должен был бы или обладать этим благом, или испытывать в нём нужду. Если бы он обладал им, он, наверное, сказал бы: «Я без сомнения признаю, что это прекраснейшее из благ, но восхвалять его перед другими — нет! — я не могу так поступить, ведь от этого станет ещё тяжелее тем, кто его не имеет; к тому же с этим благом сопряжена сокровенная боль, которая делает меня одиноким больше, чем самые тяжкие страдания». И это, конечно, было бы благородно и милосердно с его стороны. Тот же, кто не имел бы этого блага, не мог бы славить его. Тогда вышло бы

нечто обратное тому, что на самом деле имеет место; вера стала бы единственным благом, о котором никогда не говорилось бы в храме Божиим; ведь это благо было бы слишком велико, чтобы кто-то осмелился предостерегать против него, слишком великолепно для того, чтобы кто-то осмелился восхвалять его — ведь он бы тогда опасался, что перед ним окажутся те, кто не имеют его и не могут его получить. Но тогда, значит, вера отлична от всех других благ; она не просто высочайшее благо, но она — благо, которому всякий способен стать причастен; и тот, кто радуется обладанию этим благом, радуется и о бесчисленном человеческом роде; «ведь то, чем я обладаю», — говорит он, — «тем обладает или то способен получить всякий человек». Тот, кто желает веры другому человеку, желает её самому себе; тот, кто желает её самому себе, желает её всякому человеку; ведь то, в силу чего другой человек её имеет, это не что-то такое, чем этот другой от него отличается, но то, в чём он с ним един; то, в силу чего он обладает верой, это не что-то такое, чем он отличен от прочих, но то, в чём он полностью един со всеми.

И пожелание веры было бы как раз таким пожеланием, какого искал в растерянности тот

человек; пожеланием, которое он мог бы высказать от всего сердца, вложив в это всю свою крепость, всю душу; пожеланием, в которое он мог бы вкладывать всё большую и большую глубину чувства по мере того, как всё более глубокой становилась бы его любовь. — Так что он захотел бы пожелать веры тому, кого он любит. —

Если бы некий человек пришёл к другому человеку и сказал ему: «Я много слышал, как веру превозносят, называя её прекраснейшим из благ; я же чувствую себя её не имеющим, и я — хотя мне мешают перипетии моей жизни, рассеянность души, множество хлопот и многое другое — сознаю в себе одно лишь желание, одно-единственное: обрести её», — а человек, к которому бы он пришёл, был бы расположен благожелательно и ответил: «Это прекрасное и благочестивое желание, которое ты не должен оставлять, и оно, вероятно, будет исполнено», — не правда ли, эта речь показалась бы ему любезной, и он охотно выслушал бы её, ведь мы всегда охотно слушаем, когда речь идёт об исполнении нашего желания. — Но время шло, а у него всё оставалось по-прежнему. Тогда он пошёл к другому человеку и ему тоже открыл своё беспокойство и свое желание. И этот че-

ловек посмотрел на него серьёзно и сказал: «Как ты можешь так заблуждаться; твоё желание не просто благочестиво и прекрасно, его не просто следует не оставлять ни за какую награду, но ты намного ближе к тому, чего ты желаешь, чем ты думаешь, ведь это — твой долг, ты должен² иметь веру, и если ты её не имеешь, то это твой грех и твоя вина». — Эта речь удивила его, и он подумал: если это так, если вера так легко приобретается, она, по-видимому, не столь прекрасна, как о ней говорят; иначе вышла бы нелепица. За другими благами человек едет на край света; они таятся в далёких местах, в которые человек может попасть лишь с большим риском для себя; или, даже когда это не так, с их распределением происходит то же, что с водой в купальне Вифезда, о которой мы

---

² В датском переводе Евангелия, которым пользовался С. Кьеркегор, слова, которые в русском переводе передаются глаголами повелительного наклонения («возлюби», «веруйте» и т.п.) передаются с помощью конструкции с глаголом «должен»: «ты должен любить...», «вы должны веровать...» и т.п. С этим связана важная для С. Кьеркегора тема Евангельского «должен». По мысли С. Кьеркегора, если Евангелие говорит тебе: «Ты должен», - значит, ты это можешь, и потому твоя вина, если ты этого не делаешь.

читаем в Священном Писании³: Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в неё — да, кто первый входил в неё, тому улыбалась удача. Так неужели с верой — высочайшим из благ — не должно быть так, но она должна приобретаться безо всякой трудности? Между тем он, наверное, стал бы серьёзно думать об этом, и вот когда он по-настоящему глубоко обдумал бы это, он, возможно, сказал бы: «А ведь этот человек был прав, всё так, как он сказал; его речь была дерзновенной, в ней были сила и смысл; именно так следует отвечать; ведь что толка в пожеланиях». И он стал бы в безмолвии трудиться в сердце своём; и всякий раз, когда его душа хотела бы отдохнуть от желания веры, он обращался бы к ней, говоря ей: никто ведь не заставлял тебя желать, — и продолжал бы подвизаться. И когда его душа страшилась бы, он обращался бы к ней, говоря ей: ты страшишься оттого, что желаешь, ведь страх это форма, которую принимает желание; но никто ведь не заставлял тебя желать, — и продолжал бы подвизаться. И когда он был бы близок к отчаянию,

---

³ Ин 5:1-16.

когда он говорил бы: я не могу; все люди могут, только я не могу. о! если бы я никогда не слышал тех слов, если бы мне дали спокойно идти как я шёл с моей заботой — и моим желанием; — он обращался бы к своей душе, говоря ей: теперь ты лукавишь; ведь ты говоришь, что ты желаешь, но делаешь вид, будто речь идёт о чём-то внешнем, чего можно желать, хотя ты знаешь, что хотеть можно лишь чего-то внутреннего; ты лжёшь самому себе; ведь ты говоришь: все люди могут, только я не могу, — хотя ты знаешь, что в том, в силу чего другие люди это могут, они полностью едины с тобой, так что если бы ты поистине не мог этого, то не могли бы и другие. Ты предаёшь при этом не только самого себя, но, покуда это относится к тебе, и всех людей; и с ложным смирением исключая себя из их числа, ты коварно подрываешь их силу! — И он продолжал бы подвизаться. Если бы он долгое время проходил такое воспитание под руководством детоводителя⁴, он, возможно, обрёл бы веру. «Проходил воспитание», — здесь можно подумать, будто должен быть кто-то другой, кто бы его воспитывал. Однако это не

---

⁴ Т.е. закона. См. Гал 3:24.

так; это лишь иллюзия, лишь кажимость. Один человек может многое сделать для другого, но он не может дать ему веру. В мире мы слышим, как люди говорят отличные друг от друга вещи. Один говорит: «Моё образование это мой собственный труд, я ничем никому в этом не обязан», — и он полагает возможным гордиться этим. Другой говорит: «Этот замечательный мастер был моим учителем, и я для меня честь иметь право называть себя его учеником», — и он полагает возможным гордиться этим. Мы не станем решать здесь, насколько они правы, рассуждая так, но если их слова не пусты, то им, конечно, многое дано: ведь первому изначально достаточно самого себя, а второму выпала благоприятная возможность стать учеником выдающегося мастера. Что же тогда сказать нам, благоговейные слушатели, нам, кто слишком незначительны для того, чтобы стать учениками? Если бы некто сказал: «Когда люди отвергали меня, я обращался к Богу, Он стал моим Учителем, и в этом моё блаженство, моя радость, моя гордость», — разве это менее прекрасно? И однако, всякий человек может и смеет это сказать; может сказать это, не солгав, и если в его словах появляется ложь, то не оттого, что эта мысль не-

верна, но оттого, что он искажает её. Если его лоб приплюснут, почти как у животного, или если он высится более гордо, чем свод небес; если его рука простирается, чтобы повелевать царствами и государствами, или если она протянута для того, чтобы собрать крохи, которые падают со стола богатого; если его намёку послушны тысячи, или если никому до него нет дела; если его уста источают дивные речи, или если из них исходит лишь невнятный шум; если он — исполненный сил мужчина, противящийся буре, или, напротив, беззащитная женщина, ищущая укрытия от непогоды — это ничего, ровным счётом ничего здесь не значит. Всякий может это сказать, если у него есть вера; ведь в вере и обретается это прекрасное. И ты знаком с верой, мой слушатель, ты не боишься, когда её именуют, как если бы этим её забирали бы у тебя, и ты лишь впервые в мгновение прощания с нею получал бы возможность ощутить её блаженство. Или ты её не знаешь? Ах! будь это так, ты был бы весьма несчастен. И ты не мог бы в печали сказать: «Тот, Кто даёт даяния добрые, обошёл мою дверь»; ты не мог бы в печали сказать: «Буря и непогода отняли её у меня»; — ведь Тот, Кто даёт даяния добрые, не обошёл

твоей двери, и буря и непогода не отняли её у тебя, ведь они не могут этого сделать.

И вот пожелание веры оказалось бы как раз таким пожеланием, какого искал тот растерявшийся человек; и он больше не был бы в нужде. Но здесь обнаружилась бы новая трудность; ведь когда он пожелал бы веры, ему стало бы ясно, что это благо не может быть получено посредством пожелания; ведь и сам он не мог, пожелав, получить это благо, — но это заботило его меньше, чем то, что он не мог дать его другому, пожелав ему этого; другой мог бы обрести его, лишь сам того возжелав. И он снова был бы вынужден отпустить другого, предоставить другому самому себе, и его пожелание вновь оказалось бы бессильно. Но ведь не таково было его намерение. Он, напротив, желал сделать всё для другого; ведь желая чего-то другому, я не требую его содействия. И так же мыслил себе это наш растерявшийся человек. Он как бы желал сказать тому, кого он любит: «Будь спокоен и беззаботен, тебе ничего не нужно делать; ты просто будь доволен и счастлив, радуясь всем тем хорошим вещам, которые я стану тебе желать. Я буду желать без устали, я не отступаю от всеблагого Бога, дающего добрые даяния, я

подвигну Его к этому моими молитвами, и ты получишь всё сполна». Смотри, когда он думал назвать отдельные хорошие вещи, они казались ему столь сомнительными, что он не смел пожелать их другому; но вот он нашёл то, чего искал, нашёл то, что он мог уверенно пожелать, и вот пожелать этого не получалось!

Он снова был растерян, снова озабочен, снова загнан в тупик. Является ли вся жизнь лишь противоречием, которое любовь не может разрешить, но может лишь сделать труднее? Эту мысль он не мог вынести, он должен был найти выход. Должно быть, что-то было не так в его любви. Тогда он понял, что сколь бы сильно ни любил он, он любил неправильно; ведь если бы было возможно своим пожеланием дать другому все хорошие вещи, в том числе и высочайшее благо, веру, то именно это сделало бы другого менее совершенным существом. Тогда он нашёл, что жизнь прекрасна, и вера великолепна ещё и тем, что ни один человек не может дать её другому, но при этом она — высочайшее, благороднейшее, самое святое в человеке — есть у всякого человека, если он желает ей обладать; что великолепие веры как раз в том, что лишь так она может обретаться; и что она потому

есть единственное непреложное благо, что её можно иметь, лишь постоянно приобретая, и приобретать, лишь постоянно творя её.

Этот растерянный прежде человек был теперь успокоен; однако произошло изменение и с ним самим, и с тем, о чём благе он так беспокоился, с их отношением друг к другу. Они оказались отделены друг от друга: один был заключён — скажем так — в рамках своих правомочий, другой же строго в пределах своих границ. Их жизнь стала более полной смысла, чем прежде, но при этом они стали друг другу словно чужие. Его сердце, которое прежде было столь богато на пожелания, теперь стало бедным; его руки, которые прежде были столь готовы помочь, теперь приучились покоиться; ведь он знал, что так не поможешь. То, что он понял, было истинным, но эта истина не сделала его счастливым. Является ли тогда жизнь противоречием, которое истина не может разрешить, но может лишь сделать тяжелее? — ведь чем он глубже познавал эту истину, тем больше он чувствовал себя отделённым от другого и тем более бессильным в отношении него. И всё же он не мог ни желать, чтобы это было неправдой, ни хотеть перестать эту истину знать, пусть даже она и разделяла их

навек так, как сама смерть не могла бы их разделить. Эту мысль он не мог вынести, он должен был найти разрешение, и он понял тогда, что его отношение к другому только теперь обрело свой истинный смысл. «Если бы я, — сказал он в себе, — моим пожеланием или даянием мог бы подарить ему высочайшее благо, тогда я мог бы и забрать его у него, пусть даже ему и не было бы нужды опасаться этого, да! хуже того, если бы я мог это сделать, то в то же мгновение, когда бы я дал ему это благо, я забрал бы его у него; ведь как раз тем, что я дал бы ему высочайшее, я забрал бы высочайшее у него; ведь высочайшим является то, что он может обрести это сам. Поэтому я стану благодарить Бога за то, что это не так; моя любовь лишь утратила своё спокойствие и нашла радость; ведь я знаю, что я, приложив даже все свои силы, не смог бы сохранить за ним это благо так надёжно, как он сам сохранит его; и он не должен благодарить меня — не потому, что я освобождаю его от этого, но потому, что он мне вовсе ничем не обязан. Разве придётся мне теперь меньше радоваться о нём, меньше радоваться тому, что он владеет самым дорогим из всех благ. О, нет! я буду радоваться лишь больше, ведь если бы он был этим обязан

мне, это расстроило бы наши отношения. Если же он не обладает этим благом, я могу быть ему весьма полезен: я стану сопровождать его мысль, побуждая его понять, что это благо — высочайшее, я не дам ему впасть в помрачение, в котором ему будет неясно, способен ли он обрести это благо; я пройду вместе с ним через все сомнения, пока у него, если он не имеет веры, не останется лишь одного объяснения своего несчастья, состоящего в том, что он *не хочет* её иметь; этого он не сможет вынести и непременно обретёт её. С другой стороны, я стану восхвалять пред ним великолепие веры, и — пусть он и обладает верой — приведу его к желанию ей обладать. И вот сегодня, в первый день года, когда мысль о грядущем соблазняет нас многообразными возможностями, я покажу ему, что в вере он обладает единственной силой, способной одолеть грядущее, я стану говорить ему о чаянии, присущем вере».

А мы, благоговейные слушатели, не должны ли и мы сделать то же самое и по случаю праздника поговорить друг с другом:

О чаянии, присущем вере.

Говоря о чаянии, присущем вере, мы гово-

рим и о чаянии как таковом; говоря же о чаянии, мы, естественно, думаем, что перед нами те, кто чего-то чают. Но ведь те, кто чают чего-либо, чувствуют счастье и радость. К ним ли тогда в первую очередь должно быть обращено слово, звучащее в этом святом месте, или скорее к тем несчастным, что подвели черту под своей жизнью и уже ничего не чают? Пожалуй, следовало бы обратиться к последним, если бы только мы были в силах им что-то сказать. Им нужно было бы сказать о том, сколь ничтожна та мудрость, к которой они пришли, сколь удобно они устроились, ожесточив свою душу; нужно было бы вырвать у них подушку лени, на которой они желают бессмысленно проспать свою жизнь; показать им, каким высокомерием исполнено их отличие от прочих людей, ведь тогда как все другие люди, сколь бы счастливы или сколь бы обременены заботами они ни были в жизни, всегда готовы признать, что Бог может подвести итог, тогда как все другие люди признают, что в Судный день они не смогут ответить и на тысячную долю того, что будет им предъявлено, эти выговорили себе право предъявлять справедливые претензии к жизни, претензии, которые в своё время сделают подведение ито-

гов весьма трудным — но только подводить их будут не они. Вот что следовало бы им сказать; но мы лучше будем обращаться к тем, кто ещё чего-то чают.

Число чающих в мире всегда было крайне велико, и чаяния их столь непохожи, что очень трудно объять их все разом. Но всё же в одном все чающие схожи: они чают чего-то грядущего; ведь чаяние и грядущее мыслятся нераздельно. Но, быть может, неправильно занимать себя грядущим; быть может жалоба, которую часто случается слышать, — жалоба на то, что человек, увлекшись грядущим, забывает настоящее, — имеет веские основания. Мы не станем отрицать, что такое порой имеет место, даже если меньше всего в наше время, но мы и не преминем напомнить, что в самой способности к этому заключено как раз величие человека, что она доказывает его божественное происхождение; ведь если бы для него не было никакого грядущего, то не было бы и прошедшего, а если бы для него не было бы ни грядущего, ни прошедшего, то человек жил бы в порабощении, подобно животному: голова его была бы нагнута к земле, а душа порабощена мгновению. Нельзя было бы в этом смысле пожелать жить для на-

стоящего; в этом смысле было бы непонятно, если бы кто-либо пожелал представить это как нечто великое. Но где мы должны полагать границу, в какой мере нам позволительно заниматься грядущим? Ответ не труден: только когда мы одолели грядущее, только тогда мы можем обратиться к настоящему, только тогда наша жизнь в настоящем обретает смысл. Но разве же это возможно? Ведь грядущее — это целое, а настоящее — его часть; как могли бы мы одолеть целое прежде, чем пришли бы к его первой части; как могли бы мы, одолев его, обратиться к тому, что шло первым? Разве не так, разве не ставит здесь мысль себе нелепую задачу? Нет, отнюдь. Ведь всё это как раз возможно; и мы готовы восхвалять далеко не всякое отношение к грядущему. Жизнь того, кто совершенно оставляет грядущее, становится сильна в настоящем лишь в недостойном её смысле; тот же, кто погружается в грядущее, не одолевая его, имеет в лице его ещё одного врага, делающего его слабым в борьбе с настоящим. И лишь у того, кто одолевает грядущее, его настоящая жизнь становится здоровой и сильной.

Так что быть способным заниматься грядущим это знак благородства человека; борь-

ба с грядущим облагораживает человека более всего. Тот, кто борется с настоящим, борется с отдельной вещью, против которой он может употребить всю свою силу. Поэтому если бы помимо этого человеку не с чем было бы сражаться, он бы, возможно, шествовал всю жизнь напролёт от победы к победе, но так и не узнал бы ни себя самого, ни свою силу. А тот, кто борется с грядущим, имеет более опасного противника, и не может пребывать в неведении о себе самом; ведь он борется с самим собой. Грядущее это не что-то такое, что *есть*; оно занимает силу у самого человека, и, выманивая у него силу, показывает себя внеположным ему как противник, с которым ему предстоит столкновение. И будь человек сколь угодно силен, никто из людей не сильнее себя самого. Поэтому в жизни мы часто видим как те, кто из всех битв вышли победителями, становятся бессильны, когда им приходится иметь дело с грядущим противником, как их руки словно немеют при этом. Они, привыкшие, быть может, и весь мир вызывать на бой, находят здесь противника, чей смутный облик способен их ужаснуть. Поэтому, наверное, часто люди, которых Бог призвал испытать себя в борьбе, в сражении, казав-

шесся людям ужасным, принимая бой, уходили тем самым от более страшной битвы; в пылу борьбы они смеялись, быть может, вспоминая о той невидимой брани, что была прежде. Люди в мире восхищались ими, думая, будто они победили в самом опасном бою, а для них это было словно игра по сравнению с тем, что прежде им довелось испытать и чего никто из людей не видел. Ведь, конечно, тот, кто сильнее других, побеждает других в борьбе; но, конечно, никто из людей не сильнее себя самого. И вот, когда человек борется с грядущим, он понимает, что сколь бы он ни был в прочем силён, есть противник, который сильнее: это он сам, — и этого противника он не может одолеть своими силами, не может одолеть себя самого.

Однако верно ли изображать борьбу с грядущим как столь опасную? «Будь мы молоды или стары, мы все уже что-то пережили, и грядущее не столь уж ново, ведь нет ничего нового под солнцем; грядущее это прошедшее. Будь мы молоды или стары, мы все имеем опыт, в который желаем облечься; мы желаем идти по тропе догадки и следовать руководству предположения; мы желаем одолеть грядущее с помощью силы умозаключения, и так вооружившись, идём мы

смело ему навстречу». И ведь это благо, когда человек вооружён, идя сражаться, и ещё лучше, если он вооружён сообразно тому, чего требует сражение. Если человек, которому предстоит борьба на беговой дорожке, пожелает облачиться в тяжёлые доспехи, он будет изрядно вооружён, но вряд ли ему это будет на пользу. И не так ли обстоит здесь с вооружением того, кому предстоит бороться с грядущим? Ведь опыт — двуличный друг, который говорит то одно, то другое; и предположение — это неверный руководитель, который покидает человека тогда, когда тот больше всего в нём нуждается; и догадка — это расплывчатый взгляд, который близорук; и умозаключение — это праща, которой человек разит скорее себя, чем противника. И к тому же, эти орудия нелегко применить; ведь предположению сопутствует страх, догадке — тревога, умозаключению — беспокойство, и значит получающая опыт душа не остаётся неизменной в этом опыте. Так что мы были бы изрядно вооружены, облекшись в опыт, но не для той борьбы, которая нам предстоит — борьбы с грядущим; ведь мы искали бы превратить грядущее в нечто настоящее, в нечто отдельное, но грядущее это не нечто отдельное, оно — не

часть, но целое.

Как же следует нам выйти навстречу грядущему? Когда моряк плывёт по океану, где всё вокруг меняется и где волны рождаются и умирают, он не смотрит вниз на волны, ведь они постоянно изменяются. Он смотрит вверх на звёзды: и почему? — потому что они надёжны; и как стоят они теперь, так они стояли во времена отцов и будут стоять для последующих поколений. Благодаря чему тогда побеждает он изменчивое? Благодаря вечному. Благодаря вечному человек может одолеть грядущее; ведь вечное это почва для грядущего, и потому оно позволяет человеку проникнуть в его суть. Какова в человеке вечная сила? Это вера. Чего чаёт вера? Вера чаёт победы, она, как нас столь серьёзно и столь трогательно учит Писание, ожидает, что тем, кто любит Бога, все вещи будут содействовать ко благу⁵. Но чаяние, обращённое к грядущему, чаяние победы, оно ведь одолевает грядущее; верующий побеждает грядущее прежде, чем он приступает к настоящему, и эта победа не может быть отнята у него, она лишь может сделать его сильнее для дела в настоящем.

---

⁵ Рим 8:28. Любящим Бога ... всё содействует ко благу.

Значит вера чаёт победы! Радостная душа, ещё не вкусившая трудностей жизни, ещё не прошедшая школу житейских забот и не возросшая в двусмысленной мудрости опыта, говорит всем сердцем: да! этому чаянию; ведь она чаёт победы во всём, во всех битвах и искушениях, или точнее, она чаёт победить без борьбы. Мы не хотим быть тем строгим лицом, которое остановит юного на его пути, но не хотим и искать для него утешения, когда он поймёт, что это чаяние, сколь бы прекрасным оно ни было, это всё же не чаяние, присущее вере; скорее мы хотим быть тем, кто будет звать его на битву, когда он будет чувствовать себя бессильным; тем, кто поможет победе дать ему знак, когда он будет считать всё потерянным. Напротив, печальный, тот, кто едва отошёл от слёз о потере, случившейся в настоящем, формирует грядущее иначе, — ведь грядущее легко и споро, оно податливей, чем глина, и потому всякий формирует его сообразно тому, как он сам сформирован. Находящийся в печали не чаёт победы, он только что слишком тяжко ощутил свою потерю; и хотя потеря эта принадлежит прошедшему времени, он всё же берёт её с собой, он ожидает, что грядущее время предоставит ему хотя бы

покой для того, чтобы он мог быть тихо занят своей болью. — Опытный человек порицает образ действия обоих. Ведь когда ты обладаешь почти всеми благами, которых только можно желать, то следует быть готовым к тому, что житейские беды посещают и дом счастливого; когда ты потерял всё, то следует думать, что время таит немало драгоценных лекарств для болящей души, и что будущее, как любящая мать, скрывает многие благие дары: в счастье следует быть в некоторой степени готовым к несчастью, в несчастье — к счастью. Такая речь опытного ничуть не тщетна: ведь и радостный, который не легкомыслен, и печалющийся, который не отчаялся, охотно будут внимать его словам, и оба охотно устроят свою жизнь, руководствуясь ими. Счастливый станет взвешивать теперь те блага, которыми он обладает. Лишение некоторых, — будет думать он, — не причинит ему боли, потеряв же другие, он сможет легко перенести эту боль. Лишь одно единственное благо он не сможет потерять, не потеряв свою радость, и он не сможет потерять его отчасти, не потеряв его целиком, и вместе с ним — свою радость. Итак, он будет подготовлен теперь к потере своих благ, он будет, послушавшись со-

вета опытного человека, в некоторой степени подготовлен к несчастью. Но опытный человек говорил: лишь в некоторой степени. И эти слова могли в том числе относиться к тому единственному благу, которое он не мог бы потерять, не потеряв своё счастье, которое он не мог бы потерять отчасти, не потеряв его целиком. Опытный человек не станет разъяснять свои слова, он повторяет их в их неизменности, незыблемости, предоставляя их толкование и применение тому, кто ими руководствуется. И тут и счастливый, и находящийся в печали, становятся нетерпеливы. Это слово: до некоторой степени, — слово, которое должно быть разрешающей силой, становится силой вяжущей, пленяющей их; оно продолжает звучать безучастно, не заботясь об их усилиях понять его, не внемля их мольбам о разъяснении. Опыт, которым они желали руководствоваться, привёл к сомнению; речь опытного человека оказалась речью, рождающей сомнение.

Верующий, напротив, говорит: я чаю победы. Эта речь ничуть не тщетна: ведь и счастливый, который не легкомыслен, и печалющийся, который не одержим сомнениями, охотно прислушались бы к его речи. И вот радость вновь

возвращается в радостную душу, и душа чаёт победы, победы во всех битвах, во всех искушениях. Опыт научил её тому, что ей, быть может, предстоит борьба. Но она благодаря вере чаёт победы во всех сражениях, лишь на мгновение она словно бы останавливает саму себя и говорит: «нет, это уж слишком, это невозможно, такой великолепной жизни не может быть; ведь сколь богата юность в своём высочайшем счастье, но это превосходит даже самую радостную и заветную надежду юности». — Да, конечно, это превосходит самую заветную надежду юности, и всё же это возможно, даже если всё обстоит не совсем так, как ты полагаешь. Ты говоришь о многих победах, но вера чаёт лишь одной, точнее, она чаёт победы. Если бы некий человек услышал о том, что есть учение, способное дать каждому необходимое, он мог бы сказать: «Это невозможно — дать человеку всё, что ему необходимо; мне, например, нужно так много всего», — и тогда другой человек, указав ему на Священное Писание, мог бы по праву свидетельствовать о том, что в нём он найдёт всё необходимое, — но первому пришлось бы понять, что всё обстоит не совсем так, как он полагал. Ведь Писание говорит: одно толь-

ко нужно⁶. Так и с верой: когда ты говоришь о многих победах, ты подобен тому, кто говорит, что ему многое нужно. Но одно только нужно, и вера чаёт победы.

И победа ожидает верующего, и потому он радостен и отважен, — да и как иначе, если он чаёт победы! Но я слышу голос, который, наверное, знаком и тебе, мой слушатель. Он говорит: «Это приятно слушать, это высокие слова и благозвучная речь, но серьёзность жизни поистине учит чему-то иному». Чему же научила серьёзность жизни тебя, говорящего так? Не тому ли, что твои желания не были исполнены, твои просьбы не были удовлетворены, твои хотения не были услышаны, твои стремления не осуществились. Вот чему научила она тебя, но не об этом идёт у нас речь; она научила тебя также приходить со лживыми устами на помощь людям, высасывать веру и доверие из их сердец, и делать это святым именем серьёзности. Почему же серьёзность жизни научила тебя именно этому? Не могла ли она научит тебя иному? Когда жизнь учит двоих людей разному, это может происходить оттого, что сами они различны. Если двоих детей воспитывать вместе,

---

⁶ Лк 10:42.

так что они будут делить одну и ту же судьбу, и когда будут хвалить одного, будут хвалить и другого, когда один будет получать замечание, будет получать и другой, когда одного будут наказывать, будут наказывать и другого, они могут при этом научиться совершенно разным вещам. Один может научиться всякий раз, когда его хвалят, не гордиться; всякий раз, когда ему делают замечание, смиряться, внимая наставлению; всякий раз, когда его наказывают, получать исцеление посредством страдания; — другой же может научиться всякий раз, когда его хвалят, надмеваться; всякий раз, когда ему делают замечание, ожесточаться; всякий раз, когда его наказывают, копить тайную злобу. Так и ты. Если бы ты любил людей, то серьёзность жизни, пожалуй, научила бы тебя не кричать о себе, но умолкнуть, и если ты терпишь бедствие и не видишь земли, по крайней мере не посвящать в это других; она, пожалуй, научила бы тебя улыбаться по крайней мере до тех пор, пока ты мог бы полагать, что кто-то, глядя тебе в лицо, ищет в нём ответа, свидетельства. Жизнь тогда, быть может, подарила бы тебе грустную радость видеть, как другим удаётся то, что тебе не удаётся, и утешение в том, что ты сделал для этого то,

что мог сделать, задушив вопль страха, рвавшийся из сердца — вопль, который помешал бы им. Почему же ты не научился этому? Раз ты не научился этому, мы не можем принимать во внимание твою речь. Мы не осуждаем тебя за то, что ты сомневаешься, ведь сомнение лукаво, и может быть трудным вырваться из его силков. Но мы требуем от сомневающегося, чтобы он молчал. Он ведь видит, что сомнение не сделало его счастливым, зачем же тогда верить другим то, что сделает их столь же несчастными. И что он выигрывает от этого? Он губит самого себя, и делает других несчастными. Он губит самого себя, вместо того, чтобы найти, быть может, покой в молчании, удалившись тихо нести свою одинокую боль; губит себя ради того, чтобы кричать о себе, чтобы стать значимым в глазах людей, выдавая за завидную честь и отличие самое свойство сомневаться или хотя бы возможность усомниться. Сомнение это глубокое и лукавое страдание, но тот, чью душу оно не захватило так, чтобы он онемел, тот лживо приписывает себе это страдание; и то, что он говорит, есть поэтому не просто неправда в себе и для себя, но прежде всего неправда в его устах. И, смотри, как раз поэтому мы не внемлем ему.

Итак, вера чаёт победы. Приходящее извне сомнение ей не помеха; ведь оно само себя посрамляет тем, что говорит. Но сомнение упорно, оно тайными путями подкрадывается к человеку, и когда вера чаёт победы, оно нашёптывает ему, будто это чаяние — обман. «Чаяние, которому не определены время и место, это лишь обман; так можно всегда оставаться чающим; такое чаяние это колдовской круг, из которого душа не может выскользнуть». Действительно, чаяние, присущее вере, не даёт душе как бы выпасть из себя самой в многообразное, так что душа пребывает в себе самой; но если бы человек выскользнул из этого круговращения, это было бы, пожалуй, величайшим злом, которое с ним может случиться. И из всего этого ведь вовсе не следует, что присущее вере чаяние это обман. Да, чаяние того, кто чаёт чего-то отдельного, может быть обмануто, но не так обстоит дело с верой. Когда мир начинает безжалостно испытывать человека, когда жизненные бури рушат роскошные чаяния юности, когда существование, казавшееся столь любезным и мягким, обращается в немилосердного хозяина, который требует обратно всё — всё, что он дал так, что он может это забрать, — тогда верующий смо-

трит с грустью и болью на себя и на жизнь, но всё же он говорит: есть чаяние, которого ничто в мире не может отнять у меня, — это чаяние, присущее вере, а вера чаёт победы. Я не обманут; ведь когда мир сулил мне многое, я не поверил, что он сдержит слово; моё чаяние было обращено не к миру, но к Богу. И это чаяние не обмануто; даже в это мгновение я вижу, как оно радостно побеждает, и великолепие этой победы перевешивает боль всех потерь. Если бы я потерял это чаяние, тогда всё было бы потеряно. Но я уже победил благодаря этому чаянию, и само моё чаяние есть победа.

Разве не так бывает в жизни? Если бы был человек, к которому твоё отношение было бы столь глубоко, что ты смел бы сказать: я верю ему, — не правда ли, до тех пор, пока все отвечало бы твоему желанию, или пусть и не вполне отвечало бы ему, но было бы таким, что ты мог бы легко согласовать это с твоими представлениями, ты верил бы ему точно так же, как верили бы ему и другие; но если бы произошло нечто непредвиденное, необъяснимое, тогда другие отпали бы, или (давайте не подменять понятия) тогда они бы показали, что они никогда ему не верили. А ты остался бы верен. И

ты бы понял, что вера твоя основана не на этих обстоятельствах и не на твоей способности объяснить и предвидеть происходящее, ведь в противном случае твоя вера была бы основана на твоих представлениях, и была бы отнюдь не верностью, но скорее уверенностью в себе. И ты бы считал скандалом для себя выскользнуть из этого круга; ведь в твоих устах слова: я верю ему, — значили бы больше, чем в устах других людей, и ты бы чувствовал, что никакое изменение не способно заставить тебя поступить так, как другие, до тех пор, пока твоя вера ещё что-то значит. Но здесь ты, быть может, и ошибался бы — не в том, что ты верил бы, не в том, что верил бы так, но в том, что верил бы так человеку. Быть может, необъяснимость твоей веры была бы легко объяснима; быть может, это была бы прискорбная уверенность, явно свидетельствующая о том, что твоя вера зиждется лишь на прекрасных фантазиях, и тебе скорее следовало бы от неё отказаться. Мы этого не знаем. Но мы знаем, что если ты в своей вере забыл, что есть вера, высочайшая этой, то твоя вера была при всей её красоте тебе лишь в погибель. Если же ты, напротив, верил Богу, то разве могла бы твоя вера когда-либо обратиться в прекрасные

фантазии, которые ты скорее должен был бы оставить? Ведь разве может Он измениться, Он, у Которого нет изменения и ни тени перемен⁷? Разве может Он быть неверен, Он, благодаря Кому верен всякий верный человек; быть лжив, Он, благодаря Кому ты сам имеешь веру? Разве может возникнуть какое-то объяснение, которое показало бы Его иным, нежели любящим правду и держащим своё слово?

Люди, когда им всё удаётся, когда для них наступают хорошие дни, когда они удивительным образом чувствуют себя в ладу со всем и со всеми, тогда они верят, и в своей радости не забывают, наверное, непрестанно благодарить Бога; ведь всякий человек охотно благодарит за всё благое, что он получает, но сердце всякого человека слишком податливо к тому, чтобы с той же охотой желать самому определить, что есть благо. Когда же всё изменяется, когда на смену былой их радости приходит печаль, тогда они отпадают, тогда они теряют веру или (давайте не подменять понятия) тогда они показывают, что никогда её не имели. Но ты не поступал так, мой слушатель. Когда ты обнаруживал в самом себе изменение, когда всё начинало меняться

---

⁷ Иак 1:17.

вокруг тебя, тогда ты говорил: «Теперь я признаю, я понимаю, что то, что я называл своей верой, было лишь фантазией. Я дерзко вообразил, будто я творю то высочайшее, на что человек способен в своём отношении к другому: верю ему; вообразил, будто я творю ещё более высокое и прекрасное, столь блаженное, что язык не в силах это описать: верю Богу; и вся моя радость о прочих вещах помогала мне думать так; но теперь я вижу, что вся моя вера была лишь мимолётным движением, лишь отблеском моего земного счастья; но я не желаю питать себя дерзкими и пустыми речами, не желаю ни говорить, будто я потерял веру, ни сваливать вину на этот мир, или на людей, ни тем более обвинять Бога». Так искал ты, мой слушатель, остановить себя самого, когда тебя тянуло заблудиться в печали; ты не ожесточался душой, ты не был столь глуп, чтобы желать представить все так, будто если бы не случилось чего-то отдельного, ты сохранил бы веру, ты не был столь жалок, чтобы желать иметь что-то общее с этой мнимой мудростью. И смотри, ты обращался, опять же, пусть и не сразу, к чаянию, присущему вере. И вот, когда тебе ничего не удавалось, когда то, что ты так долго созидал, в одно мгновение ру-

шилось, и ты снова с большим трудом должен был начинать всё с начала; когда твоя рука становилась бессильной от усталости, и твоя походка нетвёрдой, ты всё же крепко держался чаяния, присущего вере, чаяния победы. И даже если ты не говорил об этом другим, чтобы они не осмеяли тебя за то, что ты при всей бедственности своего положения ещё чаял победы, ты всё же в глубине сердца верно хранил это чаяние. «Радостные дни, пожалуй, могут украсить мою веру», — говорил ты себе, — «и я украшаю её в такие дни венками радости, но это не может служить свидетельством того, что я верю; тяжкие времена способны наполнить слезами глаза, а душу печалью, однако они не способны лишить меня моей веры». И если даже несчастья не прекращались, твоя душа оставалась мягкой. «Прекрасно всё же», — говорил ты себе, — «что Бог не желает тем самым показать мне Себя в вещах чувственных; я разделён с Ним, чтобы встретиться вновь; ведь я не мог бы желать всю жизнь быть ребёнком, постоянно требующим подтверждений, знамений и удивительных дел. Если бы я оставался ребёнком, то я не мог бы любить всей крепостью и всей душой. Теперь же мы разделены, мы не видим-

ся каждый день, лишь таинственно встречаемся мы в победоносные мгновения чаяния, присущего вере».

Итак, вера чаёт победы, и это чаяние не может обмануться ничем, если только человек не обманывает сам себя, лишая себя чаяния тем, что он дурно полагает, будто он потерял веру или будто нечто единичное отняло её у него, или же пытается лгать сам себе, представляя, что есть нечто единичное, имеющее силу лишить человека веры, и находит удовлетворение в тщеславной мысли, будто именно это и поразило его, находит радость в том, чтобы пугать других, уверяя, будто есть нечто такое, что способно надсмеяться над самым благородным в человеке и что даёт право тому, кто это испытал, насмеяться над другими.

Однако, быть может, какой-нибудь человек скажет: эта речь очень связна и согласована сама с собою, но посредством неё не продвигаешься дальше, и значит это никчёмная и бессмысленная речь. — Посредством неё не продвигаешься дальше. Но разве человек может желать продвигнуться дальше того, чтобы побеждать? Ведь тогда ему пришлось бы оставить это. Разве так уж никчёмно и бессмысленно то, что человек осоз-

наёт на самом деле, есть ли у него вера или нет? Ведь когда я говорю: я верю, — то мне чаще всего, пожалуй, самому неясно, что я обозначаю этими словами. Возможно, я ошибаюсь, возможно, я всего лишь выстраиваю представление о будущем, возможно я желаю, надеюсь, алчу и жажду чего-то, томлюсь, возможно я уверен в грядущем, и при всём при этом мне кажется, будто я тем самым верю, хотя это и не так. Если же я, напротив, задаю сам себе вопрос: чаешь ли ты победы, — тогда обмануться уже труднее; тогда я начинаю понимать, что не верит не только тот, кто не чаёт совсем ничего, но и тот, кто чаёт чего-то отдельного или основывает своё чаяние на чём-то отдельном. И разве не важно то, что лишь тот, кто разобрался с грядущим, может целиком и полностью быть в настоящем; а разобраться с грядущим можно лишь одолев его, и это возможно благодаря как раз вере, ведь она чаёт победы. Всякий раз, когда я застаю свою душу не чающей победы, я знаю, что я не верю; когда я знаю это, я знаю и что мне нужно делать; ведь если и не легко верить, первым условием для того, чтобы я мог прийти к вере, является осознание того, верю я или нет. Ведь мы потому так часто заблуждаемся, что мы ищем

уверенности в том, что сбудутся наши чаяния, вместо уверенности веры в том, что мы верим. Верующий не требует никаких доказательств в пользу своего чаяния, «ведь, — говорит он, — если я буду искать подтверждений моей вере, то они, говоря в пользу моего чаяния, одновременно будут опровергать его. Моя душа не бесчувственна к радости и боли об отдельных вещах, но, слава Богу, отдельные вещи не способны ни подтвердить, ни опровергнуть чаяние, присущее вере. Слава Богу! Время не может ни подтвердить, ни опровергнуть это чаяние, ведь вера чает вечного. И сегодня, в первый день года, который побуждает думать о будущем, я не стану ни изнурять свою душу многоразличными чаяниями, ни расплывать её в многообразных представлениях; я, напротив, соберу её в себе самой, и, насколько возможно, здоровым и радостным выйду навстречу грядущему. Оно принесёт то, что оно должно и может принести; многие чаяния будут посрамлены, многие исполнятся, так, вероятно, будет: этому научил меня опыт; но есть одно чаяние, которое не будет посрамлено — я знаю это не из опыта, но опыт не имеет и власти это опровергнуть: это чаяние, присущее вере, а вера чает победы».

Есть одно небольшое слово, хорошо знакомое прихожанам, хотя и не всегда принимаемое во внимание, слово, которое кажется малым и незначительным, однако столь богатое содержанием; тихое и в то же время столь взволнованное; спокойное и в то же время столь исполненное томления. Это слово: наконец; ведь оно звучит в конце многих молитв, читаемых в церквях: «и вот, наконец, обрящем блаженство». Старший среди нас, кто близок к итогу своей жизни, мысленно смотрит на пройденный путь, вспоминает былое и поблекшие образы становятся вновь живыми; он переполнен многообразным содержанием пережитого, он утомлён и говорит: и вот, наконец, обрящем блаженство. Юный, кто стоит ещё у начала пути, мысленно смотрит вперёд на долгую дорогу, мысленно проживает то, что должно ещё прийти: мучительные решения, тихие заботы, грустное томление, боязливые сомнения; он утомлён от этих мыслей и говорит: и вот, наконец, обрящем блаженство. Да, это великий дар — мочь по праву употреблять это слово, но этому никто не может научиться от другого человека, но каждый в одиночку учится этому от Бога и с Божьей по-

мощью. Поэтому мы желаем вверить Тебе, Отец наш Небесный! наши сердца и наши мысли, чтобы радости жизни или её печали никогда не могли так уловить нашу душу, чтобы она забыла это разрешающее нас слово; но чтобы мы и не произносили его от нетерпения и внутреннего беспокойства; то есть, чтобы это слово как верный друг сопровождало нас во многих жизненных обстоятельствах, сообразовывалось бы с нами, не изменяя себе, было нашим утешением, нашей надеждой, нашей радостью, нашим ликованием, звучало для нас высоко и вдохновенно, тихо и напевно; обращалось к нам, увещевая и предостерегая, ободряя и предупреждая, пока в последний час это слово не унесёт нашу душу прочь из мира, туда, где мы поймём его полный смысл, когда Бог, Который вёл нас в мире, — Тот же Самый Бог, — заберёт от нас этот мир и откроет Свои объятия, чтобы в них принять истосковавшуюся душу. Аминь! —

**II. ВСЯКОЕ ДАЯНИЕ
ДОБРОЕ И ВСЯКИЙ
ДАР СОВЕРШЕННЫЙ
НИСХОДИТ СВЫШЕ**

МОЛИТВА

Из Твоей руки, Боже наш! желаем мы всё принять; Ты простираешь её, Твою крепкую руку, уличая мудрых в их глупости; Ты отверзаешь её, Твою нежную руку, и питаешь всё живое, благословляя его. И если порой кажется, будто Твоя рука ослабела, Ты взращиваешь в нас большую веру и доверие, чтобы мы твёрдо держались Тебя; и если порой кажется, будто Ты отнимаешь от нас Твою руку, то мы-то знаем, что Ты лишь до времени затворяешь её; затворяешь, тая в ней тем более щедрые благословения; затворяешь, чтобы снова отверзть, и питать всё живое, благословляя его.

Аминь.

Э

то послание пишет святой апостол Иаков (1 глава, стихи 17-22):

Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены. 18. Восхотев, родил Он нас словом истины, чтобы нам быть некоторым начатком Его созданий. 19. Итак, братия мои возлюбленные, всякий человек да будет скор на слышание, медлен на слова, медлен на гнев, 20. ибо гнев человека не творит правды Божией. 21. Посему, отложив всякую нечистоту и остаток злобы, в кротости примите насаждаемое слово, могущее спасти ваши души.

*Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены. Эти слова столь дивны, столь притягательны, столь трогательны, что, конечно, не их вина, если уши слушающего были к ним глухи, и если сердце его не откликалось на них. Это слова Господня апостола, и хотя мы не глубже него понимаем их смысл, мы всё же верим и знаем, что эта речь не пуста и беспочвенна, что это не пустомыслие в изящном облачении, но что эти слова тверды и надёжны, испытаны и верны, ведь они отвечают жизни апостола, написавшего их. И сказаны они не между прочим, но с особым вниманием; и не минувшему они принадлежат, но их сопровождает увещевание, обращённое к нам: *Не обманывайтесь, братия мои возлюбленные* (стих 16); и мы дерзаем верить, что они не только сильны возвысить душу, но имеют крепость и нести её — слова, которые несли апостола по морю жизни через все шторма и бури. Они сказаны не без связи с другими словами; апостол хочет предотвратить ужасное заблуждение, будто Бог искушает человека, хочет предотвратить прельщение сердца, желающего искушать Бога, и говорит: *Не обманывайтесь, братия**

мои возлюбленные; и мы дерзаем быть твёрдо убеждёнными в том, что это увещевание сильно разоблачить прельщение, что оно сильно остановить заблуждающуюся мысль.

Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены. Эти слова вновь и вновь звучат в мире, и всё же многие продолжают жить так, словно они никогда не слышали их; а если бы они услышали их, то, пожалуй, это сбило б их с толку. Они идут беззаботно по жизни, и дружелюбная судьба делает всё для них лёгко доступным, всякое их желание исполняется, всякое их дело имеет успех. Не ведая как, пребывают они в сердцевине движения жизни, они словно звено в цепи, соединяющей прошлое с будущим; их несут вперёд волны современности, и им не важно, почему это так. Привольно дыша в объятиях природы, по законам которой человеческой жизни позволено развиваться в мире так же, как ковру цветов расцветать на лугу, они остаются радостны и довольны в череде житейских событий и не желают ни в какое мгновение отрываться от них, всему честно отдавая своё: платя благодарностью тому, кому они приписывают благие

дары; оказывая помощь тому, кто, как они думают, нуждается в ней. Что в мире есть добрые и совершенные дары, они, конечно, знают, и они знают, откуда эти дары приходят; ведь земля приносит урожай, и небо даёт дождь ранний и поздний¹, и друзья и родные заботятся о лучшем для них, и их замыслы, разумные и мудрые, имеют успех, что естественно, ведь и сами они мудры и разумны. Для них жизнь не таит загадки, и однако сама их жизнь это загадка, это сон, и серьёзное увещевание апостола: *Не обманывайтесь*, — не останавливает их, у них нет времени уделить ему внимание, равно как и словам, о которых идёт у нас речь, — ведь разве заботит волну, откуда она приходит и куда она уходит потом? И если бы среди них нашлись те, кто вдруг, очнувшись для чего-то более высокого, уделили словам апостола внимание, они быстро бы справились с этими словами. Они на мгновение заняли бы ими свою мысль, а затем сказали бы: «Мы теперь поняли эти слова, так дайте же нам новые мысли, которые ещё не поняты нами». И ведь они не были бы неправы: слова апостола не трудны; и всё же тем, что, поняв эти слова, они пожелали бы их оставить, они пока-

---

¹ Ср. Иак 5:7.

зали бы, что на самом деле они не поняли их.

Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены. Эти слова так утешительны, так умягчают боль, и всё же много ли найдётся тех, кто уразумел в них обилие утешения и припал к ним, и тех, кто верным образом сумел найти в них утешение! Обременённые заботами, те, которым жизнь не дала состариться и умереть, оставаясь детьми, кого она не кормила грудным молоком удачи, но кто рано были отучены от груди; печальные, искавшие проникнуть мыслью через всё изменчивое к тому, что пребывает, — они восприняли слова апостола и вняли им. Чем полнее им удавалось погрузиться в эти слова душой, забыть всё, кроме них, тем вернее эти слова их укрепляли, тем вернее эти люди исполнялись доверия. Но вскоре их крепость сменяло разочарование; ведь сколь бы сильное доверие они ни обрели, они при этом не получали силы плыть через море жизни; напротив, их терзаемая заботами мысль и растерянный дух искали вернуться вспять к богатому утешению этих слов, которое, как им казалось, противоречило опыту их жизни. Наконец, они начинали считать эти сло-

ва едва ли не опасными для своего душевного мира; ведь они пробуждали в них доверие, которое постоянно не оправдывалось, они давали им крылья, которые хотя и возносили их к Богу, но не помогали им идти по жизни. Не отрицая, что эти слова несут действительное утешение, эти люди начинали чуть ли не бояться этого утешения, даже если они и хвалили его. Если бы у некоего человека было роскошное украшение, которое никогда бы не приедалось ему, но всегда казалось бы ему чудесным, и время от времени он доставал бы его из шкатулки, чтобы полюбоваться, но тут же вынужден был бы признаться себе: я не могу носить его в повседневной жизни, и у меня нет надежды дожидаться торжественного повода для того, чтобы его надеть, — то, откладывая затем это украшение в сторону, он с грустью думал бы о том, что хотя он и владеет им, но жизнь не даёт ему возможности по-настоящему с радостью достать его из шкатулки.

Так и эти люди сидели в тихой печали; они не ожесточались против утешения этих слов, они были достаточно смиренны, чтобы признать, что жизнь это тёмная речь, и так же, как они, по их разумению, были скоры на слышание,

ожидая разъясняющего слова, так они были и медленны на слова, медленны на гнев. Они не осмеливались бросаться словами, лишь бы пришёл благоприятный час. Ведь если бы он пришёл, они были бы спасены: так они полагали, и так, быть может, сказал бы ты, мой слушатель. «Есть лишь Дух, который свидетельствует на небе, и нет духа, который свидетельствовал бы на земле!² И лишь небо и дух, бегущий земли, знает, что Бог благ, а земная жизнь ничего не знает об этом! Радость обитает лишь на небесах, а на земле — одни печали или всего лишь знание о том, что на небе есть радость! Бог, Сущий на небесах, забирает от нас благие дары и прячет их от нас на небе, чтобы некогда мы получили их в ином мире!» — так, быть может, говорил ты в заблуждении твоего сердца. Ты не требовал, чтобы ради тебя были явлены знамения и чудеса, ты не требовал по-детски, чтобы всякое твоё желание было исполнено, лишь об одном свидетельстве просил ты неустанно; ведь твоя обременённая заботами душа хранила одно лишь желание. Если бы оно было исполнено, то настал бы долгожданный торжественный повод, и ты от всего сердца смог бы засвидетельствовать,

---

² Ср. 1 Ин 5:7-8.

что всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше. Но, смотри, как раз в этом тебе было отказано; и твоя душа потеряла покой, её начало бросать из стороны в сторону страдание, вызываемое желанием; она не стала упрямой и дикой, ты не отбросил в нетерпении узду смирения, ты не забыл, что ты на земле, а Бог на небе. Смиренно молясь и горя желанием, искал ты словно бы искутить Бога: это желание для меня так важно; моя радость, мой душевный мир, моё будущее, — всё зависит от этого; для меня это столь важно, для Бога же это так легко, ведь Он — Всемогущий. Но твоё желание оставалось не исполнено. Напрасно ты искал покоя; бесплодно и неустанно ты пробовал все средства, ты поднимался на головокружительные вершины предположений, чтобы следить, не откроется ли возможность найти то, чего ты ищешь. Как только тебе казалось, что ты видишь искомое, ты был уже наготове с молитвами, желая видимое сделать действительным. Но эта возможность оказывалась миражом. Тогда ты снова спускался, ты предавался дурманящей слабости, внушённой печалью, и думал, что должно пройти время; и было утро, и был вечер, но день, которого ты так жаждал, не наступал.

И ведь ты делал всё, ты молил непрестанно, все более глубоко погружаясь в молитву, всё более искушающе. Ах! и всё равно не случилось того, чего ты искал. И ты отступался, ты готов был терпеть, ты готов был тихо томиться и ждать, если бы только ты мог быть уверен в том, что вечность принесёт исполнение твоего желания, принесёт тебе то, что искали видеть твои глаза, и чего жаждало твоё сердце. Ах! и в этой уверенности тебе тоже было отказано. Но вот, когда суетная мысль устала трудиться, а бесплодные желания изнурили душу, тогда, быть может, ты весь утих, и твоя душа неприметно исполнилась кротости, воспринимающей слово, насаждённое в тебе и способное сделать твою душу блаженной, — слово о том, что всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше. И тогда ты исповедовал в смирении, что Бог, конечно, не обманул тебя, ведь в обмен на твои земные хотения и негодные просьбы Он дал тебе небесное утешение и святые мысли; что Он не обделил тебя, ведь, отказав тебе в исполнении твоего желания, Он воздвиг в твоём сердце веру, и вместо желания, которое, если бы и во всём было исполнено, принесло бы тебе самое большее весь этот мир, даровал тебе веру,

благодаря которой ты обрёл Бога и победил этот мир.³ Тогда ты познавал в смиренной радости, что Бог и поныне — всемогущий Творец неба и земли, Который не только сотворил мир из ничего, но и явил чудо, ещё превосходнейшее: из твоего нетерпеливого и переменчивого сердца соделал нетленную красоту кроткого и молчаливого духа⁴. Тогда ты признавал, пристыженный, что это хорошо, так хорошо для тебя, что Бог не позволяет Себя искушать; тогда ты начинал понимать увещание апостола и то, как оно противостоит заблуждению, состоящему в желании искушать Бога. Тогда ты сознавал, сколь скверно ты себя вёл. Ведь ты хотел, чтобы Бог заместил Свои мысли о том, что тебе полезно, твоими представлениями, и в то же время ты хотел, чтобы Он был всемогущим Творцом неба и земли, способным поэтому исполнить твоё желание. Но ведь если бы Бог стал разделять с тобой твои представления, Ему пришлось бы перестать быть всемогущим Отцом. В своём ребячливом нетерпении ты хотел словно бы исказить вечное существо Бога, и ты был достаточно ослеплён для того, чтобы внушать самому себе,

---

³ Ср. 1 Ин 5:4.

⁴ 1 Пет 3:4.

будто тебе помогло бы, если бы Бог на небесах знал бы, что тебе полезно, не лучше, чем ты сам, — так, словно тебе не пришлось бы однажды с ужасом обнаружить, что ты хотел того, что ни один человек не в силах был бы понести, если бы таковое осуществилось. Позвольте нам на мгновение сказать нечто по нашему неразумию и по человеческому рассуждению⁵. Если бы был человек, которому ты бы по-настоящему доверял, потому что ты верил бы, что он желает тебе блага; но у тебя было бы одно представление о том, что тебе полезно, а у него другое, тогда, не правда ли? ты стал бы пытаться убедить его, стал бы, возможно, просить и умолять его исполнить твоё желание, но если бы он продолжал отказывать тебе в этом, то ты перестал бы его просить, ты сказал бы: если бы я теперь своими мольбами подвиг его сделать то, что он не считает правильным, тогда случилось бы нечто худшее: я оказался бы слаб настолько, что сделал бы и его столь же слабым, и сразу бы потерял и его и моё к нему доверие, даже если бы в момент опьянения я и назвал его слабость любовью.

Или, быть может, с тобой этого не было; ты был уже, возможно, слишком взрослым, что-

---

⁵ Ср. 2 Кор 11:21; Рим 3:5.

бы питать такие ребячливые представления о Боге; чересчур зрелым, чтобы так слишком по-человечески думать о Нём; ты желал, возможно, подвигнуть Его твоим упорством. Ты признавал, конечно, что жизнь это тёмная речь, но ты не был по увещанию апостола скор на слышание в ожидании, не прозвучит ли слово, которое всё разъяснит, нет, ты был, вопреки его увещанию, расторопен на то, чтобы злиться. Жизнь — это тёмная речь? Так пусть же она таковой и пребудет, ты не станешь заботиться о разъяснении! — и твоё сердце ожесточалось. Внешне ты был, возможно, спокойным и дружелюбным, и твоя речь была, возможно, доброжелательной, но в самой глубине потаённой мастерской твоей мысли ты говорил, нет, ты этого не говорил, но там ты слышал голос, который говорил: Бог искушает человека. И холод сомнения леденил твой дух, и сомнение мертвило твоё сердце. И если жизнь порой вновь пробивалась внутри тебя, там уже неистовствовали дикие голоса, голоса, которые не принадлежали тебе, но которые при этом звучали у тебя изнутри. Ведь почему твоя жалоба была столь бурной, твой крик столь пронзительным, почему в самой твоей молитве был такой вызов? Не потому ли, что

ты полагал свои страдания столь тяжкими, свои горести столь убийственными, что считал свою жалобу такой справедливой, а свой голос сильным пронзить небеса и вызвать Бога из его потаённых глубин, где Он сидел, как мнилось тебе, в равнодушном спокойствии, безразличный к миру и ко всем Своим творениям? Но Небо затворяет себя для такой дерзкой речи, и пребывает написанное: *Бог ... и Сам не искушается ни от кого*⁶. Бессильна была твоя речь, бессильна была твоя мысль и твоя рука; и Небо не слышало твоей молитвы; но когда ты смирился под крепкую руку Божию⁷ и в духе своём уничижено вздыхал: Боже мой, Боже мой, грех мой велик, он больше, чем то, что может быть прощено, — тогда небеса вновь отверзались и Бог смотрел, как об этом пишет пророк, из своего окна вниз на тебя, и говорил: ещё малое время; ещё малое время, и Я обновлю лице земли⁸, — и вот лицо твоё обновлялось, и в твоей дерзкой душе сострадающая Божия милость возвращала кротость, восприимлющую слово апостола. Тогда ты, смиряясь пред Богом, признавал, что Бог

---

⁶ Иак 1:13.

⁷ 1 Пет 5:6.

⁸ Пс 103:30.

не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь своими страстями⁹, как и ты обольстился своими гордыми, высокомерными и упрямыми мыслями. Тогда ты ужасался своего заблуждения, будто мысль о том, что Бог искушает человека, способна дать разъяснение жизни; ведь когда жизнь стала для тебя тёмной речью, ты прислушался к такому разъяснению, но теперь тебе приходилось признать, что оно как раз сделало всё необъяснимым. Тогда ты признавал, смиренный и пристыженный, что хорошо, что Бог не позволяет Себя искушать, что Он — всемогущий Бог, Который силен сокрушить всякую дерзкую мысль, не давая тебе в отчаянии остановиться на таком разъяснении тёмной речи жизни, которое ни один человек не способен вынести.

Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены. Эти слова так понятны, так просты, и всё же много ли тех, кто действительно их понимают, кто действительно понимают, что эти слова — драгоценная монета, которая великолепнее всех

---

⁹ Ср. Иак 1:13-14.

сокровищ мира, и в то же время — разменная монета, полезная в повседневной жизни.

Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный от Бога. Апостол употребляет два выражения. «Всякое даяние доброе», — говорит он и выявляет этим внутреннейшее существо даяния, дара: показывает, что он — здоровый и благословенный плод, лишённый всякой нездоровой и пагубной примеси. «Всякий дар совершенный», — говорит он, выявляя, в каком ближайшем отношении находится с Божьей помощью это доброе даяние к приемлющему его человеку: давая понять, что оно, будучи благим и добрым в себе и для себя, не оказывается для человека несущим ему урон и гибель. Этим двум выражениям отвечают два других. «Дар нисходит свыше, от Отца светов». «Нисходит свыше», — говорит апостол, обращая мысль верующего вверх, к небесам, откуда берёт начало всё доброе: и то благословение, что питает уста, и то, что питает сердце; вверх, к небесам, откуда нисходят добрые духи, служащие спасению человеков¹⁰; вверх, к небесам, где добрые намерения обращаются в небесные дары. «От Отца светов», — говорит апостол, указывая, что Бог

---

¹⁰ Ср. Евр 1:14.

Своим вечным светом пронизывает всю тварь, что Он ведаёт мысли людей издалеца и знает доподлинно все их пути, что Его вечная любовь всё предваряет, так что всякое Его «даяние доброе» становится «совершенным даром». Ведь Бог, Сущий на небесах, даёт дары не так, как человек, который даже если бы и имел что-то хорошее, что он хотел бы подарить, дарил бы это как бы вслепую и наугад, с радостью, конечно, потому что это было бы доброе даяние, но и с грустью, ведь он не мог бы доподлинно знать, на пользу ли пойдёт другому его дар. «Всякий добрый и всякий совершенный дар», — говорит апостол; «всякий» — что это значит? Указывает ли этим апостол на то, что широко простёртый небесный кров это огромная кладовая, и что при этом всё содержимое неба это благие и добрые дары; указывает ли он на то, что Бог берёт из этих богатых запасов и сообразуясь со временем и с возможностями изредка даёт немного одному и немного другому, тому больше, а этому меньше, а кому-то совсем ничего, но при этом всё, что Он даёт — благое и совершенное? Со вниманием выслушаем следующие слова: «у Которого нет изменения и ни тени перемены». Если бы апостол желал представить всё

так, как мы сказали, то он бы, наверное, вместо этих слов добавил бы: «по любви Божией, по любви Бога милости и утешения, дающего благие дары», — или сказал бы что-то подобное сильнее и лучше, чем мы способны сказать; он, наверное, прежде всего наставил бы верующего к благодарности за то, что ему уделяются благие дары, — к благодарности, сознающей рамки времени и возможностей. Но он не делает этого. Он предостерегает от заблуждения, будто Бог искушает человека, и от заблуждения, будто Бог позволяет Себя искушать; он подчёркивает, что Бог неизменен, что Он пребывает Тем же, тогда как всё изменяется; он увещевает любить Бога так, чтобы наше существо могло стать подобным Ему, чтобы мы могли обрести Бога в неизменности и постоянстве, и спасти свои души в терпении¹¹. Таким образом, он говорит не о характере отдельных даров, но о вечном отношении Бога к верующему. Когда радость освещает жизнь, и всё в ней становится светло и ясно, апостол предостерегает от этой ясности, и наставляет всё возводить к Отцу светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены. Когда печаль кладёт тень на нашу жизнь, когда

---

¹¹ Ср. Лк 21:19.

уныние затуманивает наш взор, когда тучи забот закрывают Бога от наших глаз, тогда звучит увещание апостола, что у Бога нет ни тени перемены. Апостол предостерегает от того, чтобы блаженное существо Бога было заслонено беспокойством искушения, внушающего, будто Его сердце холодно или слабо; он подчёркивает, что Отец светов, Своей всемогущей рукой соделавший всё хорошо весьма¹², и теперь постоянно, во всякое мгновение, творит всё благим, творит без изъяна добрые и совершенные дары для всех, у кого есть ещё сердце для того, чтобы быть смиренными, есть ещё сердце для того, чтобы быть исполненными доверия.

Однако сомнение хитро и лукаво, оно не упрямится и не кричит о себе, как порой полагают; оно скромно и лукаво, оно не вторгается дерзко и бесцеремонно, и чем скромнее оно, тем оно опаснее. Оно не отрицает ни того, что эти слова прекрасны, ни того, что они утешительны, ведь если бы оно стало отрицать это, сердце возмутилось бы против него; оно лишь говорит, что эти слова трудны и едва ли не загадочны. Оно же, мол, желает помочь обременённой заботами душе понять эти слова апостола о том,

---

¹² Быт 1:31.

что всякий благой и всякий совершенный дар от Бога. «Что этим сказано?» — говорит оно. «Разве не то, что всё, что приходит от Бога, это благой и совершенный дар, и всякий дар, который благ и совершенен, приходит от Бога». Казалось бы, это объяснение просто и естественно, и всё же в него лукаво вкралось сомнение. И вот оно продолжает: «поэтому чтобы, прибегнув к этим словам, человек мог стяжать мир в своей жизни, он должен быть способен или установить, что из приходящего приходит от Бога, или же установить, какие из даров могут быть по праву и поистине названы благими и совершенными. Но как это возможно? Ведь разве человеческая жизнь является непрерывной цепью чудес? Как же человеческому разуму сумеет проложить путь через необозримый ряд производных причин и следствий, пройти через всё промежуточное и взойти таким образом к Богу? И разве способен человеческий разум решить с уверенностью, какой дар для человека благ и совершенен? Разве он не терпит в этом раз за разом крушение? Сколь часто и человечество, и отдельные люди с болью для себя постигали, что дерзко искать проникнуть туда, куда нет доступа человеку — это сумасбродство, не

остающееся безнаказанным!» И здесь сомнение оканчивало своё объяснение слов апостола, тем самым успев покончить с его словами, успев превратить апостольскую авторитетную речь в болтовню, переходящую из уст в уста без силы и смысла. Сомнение вело себя достаточно скромно и не требовало начисто стереть эти слова и предать их вечному забвению. Оно лишь вырывало их из сердца и предавало устам.

Так ли это было, мой слушатель? Может быть, эти слова принадлежат не Господню апостолу? Может быть, они принадлежат воинству духов поднебесных? Может быть, над ними тяготеет проклятие быть неприютными в мире и не находить себе дом в человеческом сердце; может быть тяготеет над ними рок делать человека растерянным? Нельзя ли остановить это пугающее движение, в котором мысль изматывает саму себя, неспособная двинуться дальше? Быть может, это Бог искушает человека если не чем иным, то тем, что Он возвещает слово, которое просто запутывает его мысль?

Апостол Павел говорит: *всякое творение Божие хорошо, если принимается с благодарением*¹³. Апостол говорит эти слова прежде всего

---

¹³ 1 Тим 4:4.

с тем, чтобы предостеречь от земного мудрования, которое желает поработить верующего букве закона. И что при этом делает апостол? Он возвышает душу верующего над земными и конечными заботами, над мирским мудрованием и сомнением с помощью божественной мысли, что человек должен всегда благодарить Бога. Такая благодарность ведь совершенно отлична от той, которую один человек согласно обычаю воздаёт другому человеку; ведь лжеучителя¹⁴ как раз считали, что верующие грешат против Бога, когда они преступают обычаи. Не верно ли тогда для всякого человека в его отношении к Богу, что всякий дар есть дар благой и совершенный, когда он принимается с благодарением?

Не так ли ты, мой слушатель, толковал эти слова апостола? Тогда ты не терялся, размышляя о том, какой из даров благ и совершенен, или о том, какой из даров от Бога; ведь, — говорил ты, — всякий дар благ, когда он принимается с благодарением из руки Божией, и всякий благой и совершенный дар приходит от Бога. Ты не спрашивал со страхом: что же приходит от Бога, — ты радостно говорил от чистого серд-

---

¹⁴ О которых говорит апостол Павел в 1 Тим 4:1-3.

ца: то, за что я благодарю Бога. Ты не обременял свою душу рассмотрением того, что есть благой и совершенный дар; ведь ты, исполненный доверия, говорил: я знаю, это то, за что я благодарю Бога, и потому я благодарю его за это. И когда ты так толковал это апостольское слово, твоё сердце расширялось, и ты не искал узнать от жизни многое, ты желал познать лишь одно: *что любящим Бога всё содействует ко благу*¹⁵.

Является ли тогда слово апостола о том, что всякий благой и всякий совершенный дар нисходит свыше, от Отца светов, тёмной и трудной речью? И если ты думаешь, будто ты не можешь его понять, дерзнёшь ли ты настаивать на том, что ты желал его понять? Когда ты сомневался, что́ из всего приходит от Бога, или какой из даров является благим и совершенным, отваживался ли ты испытать это? И когда радость, легко играя, улыбалась тебе, благодарил ли ты Бога? И когда ты был столь силён, что словно бы не нуждался ни в какой поддержке, благодарил ли ты тогда Бога? И если тебе было отказано в том, чего ты желал, благодарил ли ты Бога? И когда ты сам должен был отказать себе в том, чего ты желал, благодарил ли ты Бога? И

---

¹⁵ Рим 8:28.

когда люди поступали с тобой несправедливо и обижали тебя, благодарил ли ты Бога? Мы, конечно, не говорим, что несправедливость людей переставала тем самым быть несправедливостью, к чему такая нездоровая и скверная речь! Было ли это несправедливостью, ты решай сам; но возвёл ли ты несправедливость и обиду к Богу, и принял ли её из Его рук как благой и совершенный дар? Если да, тогда ты достойно истолковал это слово апостола, тогда твоё толкование великолепнее, чем если бы все ангелы заговорили огненными языками.

Но кто имеет такое мужество, такую веру, кто так любит Бога? Кто такой радостный и стойкий воин, бдящий на жизненном посту, никогда не смежая глаз? И если ты, мой слушатель, и поступал так, разве не скрывал ты это от самого себя? Не говорил ли ты сам себе: я понимаю слово апостола, но в то же время я понимаю, что я слишком труслив, или слишком горд, или слишком ленив для того, чтобы захотеть его на самом деле понять? Не увещевал ли ты сам себя? Не размышлял ли о том, что у боящегося, даже если эта речь и кажется суровой, что у боящегося сердце тоже лживое, и что он лишён неподдельной любви? Не размышлял ли над тем,

что тот, кто падает духом, тоже подлежит суду, а смиренное сердце не приходит на суд? Не размышлял ли о том, что печальный тоже не любит Бога всем сердцем, а тот, кто радостен в Боге, победил этот мир? И бдел ли ты тогда по крайней мере над самим собой? Держался ли свято слова апостола? Хранил ли его в красоте чистого сердца, не желая ничем, никакой хитрой взяткой остроумия откупиться от глубокой боли, с которой тебе приходилось снова и снова сознавать, что ты никогда так не любил, как любят тебя: сознавать, что ты был неверен, когда Бог был верен¹⁶; что ты был теплохладен, когда Он был горяч; что Он посылал тебе благие дары, а ты обращал их во вред себе; что Он тебя спрашивал, а ты не желал отвечать; что он говорил с тобой как с другом, а ты всё прослушал; что Он обращался к тебе серьёзно, а ты всё искажил; что Он исполнял твоё желание, а ты благодарил Его тем, что приносил Ему новые желания; что он исполнял твоё желание, а ты, оказывается, не желал по-настоящему и был скор на гнев? Чувствовал ли ты глубокую печаль в том, что ты для того, чтобы сказать о своём отношении к Богу, нуждаешься в столь многих словах? Был

---

¹⁶ 2 Тим 2:13.

ли ты хотя бы честен по отношению к себе самому, и значит, по отношению Богу в твоих с Ним отношениях? Не откладывал ли ты ответ перед Богом, не предпочитал ли, замкнувшись, заниматься самоедством? Был ли ты скор на то, чтобы терпеть боль этого ответа, размышлял ли над тем, что Он возлюбил тебя первым? Был ли ты скор на то, чтобы судить себя самого и признать, что Он отнюдь не обязан тебя любить, ведь ты так медлен на то, чтобы любить в ответ? Если ты так поступал, ты обретёшь, конечно, мужество благодарить — благодарить и тогда, когда то, что происходит, странно для твоих глаз; ты обретёшь мужество понимать, что всякий благой и всякий совершенный дар нисходит свыше, мужество уразуметь это в любви, и веру принять это мужество; и это тоже — благой и совершенный дар.

Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены. Эти слова столь целебны, столь врачующи, и всё же часто ли исполненной раскаяния душе удавалось дать им по-настоящему исцелить её, часто ли понимала она судящую серьёзность и в то же

время сострадательную милость этих слов?

Или, быть может, мой слушатель, в твоей жизни не было повода считать трудными эти слова? Быть может, ты всегда был доволен собой, так доволен, что ты, возможно, благодарил Бога за то, что ты не таков, как прочие люди? Быть может, ты был так умён, что находил глубокий смысл в бессмысленной речи о том, будто это великолепно — быть не таким, как прочие люди? ... Что тогда могло сделать для тебя трудными эти слова? Если бы человек сам был благим и совершенным даром, если бы он был лишь приемлющим и принимал бы всё из руки Божией, да! как смог бы он принять что-либо иное, нежели благие и совершенные дары? Но когда ты смирялся с обычной участью человека, ты ведь признавал тогда, что ты и не благ, и не совершенен, что ты не являешься лишь приемлющим, но всё, что ты принимаешь, искажается. Можно ли равное быть постигнуто чем-то иным, нежели равным; может ли благое оставаться благим в чём-то ином, нежели благое; может ли здоровая пища остаться здоровой и в больной душе? Человек не является лишь приемлющим, он привносит нечто от себя, и ты никак не мог понять, как то нездоровое, что ты

привносишь, может превратиться во что-либо, кроме как во вред для других. Ты понимал, наверное, что только твоё благодарение Богу делало всё для тебя благим и совершенным даром, ты твёрдо держался того, что и другой человек может таким же образом всё обрести; но была ли сама твоя любовь, рождавшая благодарение, была ли она чиста, не искажала ли она приемлемое тобой? Способен ли человек на что-то большее, нежели любить? Знает ли мысль и язык более высокое выражение любви, нежели непрестанное благодарение? Нет, лишь более низкое, более смиренное; ведь даже тот, кто непрестанно готов благодарить, любит Бога в меру своего совершенства; но любовь человека к Богу лишь тогда истинна, когда человек любит Бога в сознании своего несовершенства. Какова тогда эта любовь? Это любовь покаянная, которая прекраснее всякой другой любви, ведь она обращена к Богу! вернее и глубже всякой другой любви, ведь когда ты каешься, тебя любит Сам Бог. В покаянии ты всё приемлешь от Бога, даже выражение благодарности, которое ты приносишь Ему, — приносишь, подобно ребёнку, который что-то дарит родителям, в чьих глазах этот дар — забава, ведь они принимают,

то, что сами дали. Не так ли было с тобой, мой слушатель? Ты желал непрестанно благодарить Бога, но даже это было столь несовершенным. Тогда ты понимал, что Бог есть Тот, Кто всё в тебе творит, и Кто поэтому позволяет тебе иметь эту радость ребёнка от того, что Он принимает твоё благодарение как дар от тебя. Эту радость Он дарит тебе, если ты не испугался боли раскаяния и той глубокой печали, в которой человек становится по-детски радостен в Боге, если ты не испугался понять, что вот — любовь: не то, что мы любим Бога, но то, что Бог любит нас.

И ты, мой слушатель, ты, кто простым и смиренным образом понял мысль о том, что ты не таков, как прочие люди, найдя в неё глубокий смысл, сумел ли ты столь же легко избежать неверного понимания читаемых нами апостольских слов? Ты, конечно же, здраво разумел, что всякий благой и всякий совершенный дар исходит от Бога, ах! но ты не мог постичь, как может этот дар не обратиться в тебе во что-то вредоносное. Так, роса и дождь — это благой дар свыше, но если бы ядовитая трава сознавала саму себя и могла говорить, она, возможно, сказала бы дождю: «Остановись, вернись обратно

в небо, чтобы я лучше погибла от засухи, не освежай мой корень, чтобы я не росла, становясь ещё более вредоносной»! Думая так, ты не понял ни себя, ни слово апостола; ведь если бы всё так и было, то неверным было бы, что от Бога нисходит всякий совершенный дар. Ведь Бог тогда был бы Кем-то, Кто не больше боязливо-го человеческого сердца; как же мог бы от Него нисходить тогда всякий благой и совершенный дар?

Возможно, в твоей жизни было что-то такое, о чём ты желал, чтобы оно стало небывшим, и если бы это произошло, ты бы с радостным благодарением принял всякий благой дар из руки Божией. Твоя радость при одной мысли о том, что этого могло бы не быть, была столь велика, что этим ты словно бы желал искусить Бога сделать то, что случилось, небывшим. Но Бог не искушается никем. Ты пытался, быть может, забыть это, дабы твоё благодарение не было бессильным, словно шатающийся зуб. Ах! и если ты сумел это забыть, как мог бы ты понять тогда слово апостола? Если для тебя оказалось возможным это забыть, то тебе не пришёл всякий благой и всякий совершенный дар от Бога; ты удалил себя от благословения не тем, что неког-

да совершил, но своим жалким, самолюбивым и своевольным пониманием слова апостола — так же, как удалил себя от него и тот, чьё желание не было исполнено, и кто при этом не считал неисполнение желания тоже благим и совершенным даром. И здесь не важно, что твоя задача, быть может, намного трудней, чем его.

Или, быть может, ты понимал слово апостола иначе, думая, что и наказание Божие — это благой и совершенный дар. Твой внутренний гнев словно желал прийти на помощь гневу Божьему, позволяя наказанию тебя терзать; однако это наказание оказывалось другим, чем ты ожидал. Оно, быть может, затрагивало не только тебя, хотя виновен был именно ты, — оно, быть может, распространялось на других, хотя именно ты должен был быть его мишенью. Если ты, тихо размышляя, и признавал, что божественное Провидение умеет точно попасть в человека, умеет сделать себя ему понятным, даже если никто другой не понимает его, всё же слово апостола становилось для тебя тёмным, ведь наказание давало тебе повод искушаться. Ты терялся в двусмысленности того, что считать наказанием, а что просто случаем; и если всё было лишь случаем, твоя душа требовала наказания,

а если это было наказанием, ты не мог принять его целиком на себя. Ты был готов отказаться от всего, оставить всякое желание, всякую просьбу; ты был готов оставить представление о том, что то лучшее, что ты творил в предельном усилии твоей души, само за себя свидетельствовало о своей благодати, и о том, что оно — нечто иное, нежели скверна и грех; ты был готов терпеть любое наказание, но то, что сопрягалось с твоим наказанием — сопрягалось, затрагивая других людей, — ты не мог понести, и ты недоумевал: разве и это — благой и совершенный дар? И вот твоя душа помрачалась, и ты не мог понять слово апостола. Но что ты делал тогда? отбрасывал это слово? О! нет, ты его удерживал крепко, хотя тебе приходилось нелегко. И когда вокруг собирались все демоны, готовые освободить твою душу от безумия отчаяния с помощью объяснения, будто Бог не есть любовь, не правда ли? тогда ты крепко хватался за это слово, даже если и не понимал его, ведь ты в твоём непонимании всё же надеялся на него, и выронить его тебе было страшнее всего другого.

Поступал ли ты так, мой слушатель? Если да, то хотя твой внешний человек и тлеет, но вну-

тренний обновлялся¹⁷, и ты начинал понимать, что всякий благой и всякий совершенный дар нисходит свыше, если он принимается с благодарением, ты начинал понимать, что покаяние это благодарение не только за наказание, но и за всю свою участь, и что тот, кто в раскаянии желает просто претерпеть наказание, тот в глубочайшем смысле не желает любить в настоящем сознании своего несовершенства. И как Сам Господь говорит: уже сегодня¹⁸, так и Господень апостол говорит: уже сегодня всякий благой и всякий совершенный дар нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены, уже сегодня, и это при том, что Он сегодня Тот же, что и вчера¹⁹.

Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены. Эти слова столь дивны, столь притягательны, столь

---

¹⁷ 2 Кор 4:6.

¹⁸ Кьеркегор имеет ввиду слова Спасителя, сказанные Им на кресте благоразумному разбойнику: уже сегодня (в Синодальном переводе: ныне же) будешь со Мною в раю.

¹⁹ Ср. Евр 13:8.

трогательны, они так утешительны, так умягчают боль, они так просты и понятны, так целебны и так врачующи, что мы молим тебя, Боже наш! чтобы ты сделал уши тех, кто ещё не внял им, готовыми их принять; чтобы Ты исцелил неверно понимающее их сердце и научил его их понимать; чтобы ты склонил заблуждающуюся мысль под спасительное иго послушания этому слову; чтобы ты дал исполненной раскаяния душе сердечную чистоту и прямоту, чтобы дерзновенно его понять; и чтобы ты даровал понявшим его всё возрастать и возрастать в блаженстве, снова и снова понимая его. Аминь.

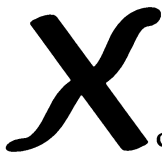
**ТРИ НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ
БЕСЕДЫ**

1843

---

*Покойному
Михаэлу Педерсену Кьеркегору
бывшему торговцу трикотажем
в нашем городе
моему отцу посвящаются
эти беседы*

Предисловие

Хотя эта небольшая книга (названная «беседами», а не «проповедями» потому, что её автор не имеет власти *проповедовать*; «назидательными беседами», а не беседами для назидания, потому, что говорящий ни в коей мере не претендует быть *учителем*) прекрасно знает вместе со мной то, что я, её автор, знаю ещё лучше: что она неприметна, и потому, рискнув выйти в путь, легко может потеряться или погибнуть в этом огромном мире, или быть унесённой хищной птицей и так и не прийти туда, куда идёт, — всё же в мгновение прощания с ней я смело закрыл за ней дверь, без

страха, без всякой тени боязни. И вот в своей малости выходит она, и сама о себе печётся, и идёт, исполняя порученное и узнавая свой загадочный путь — пока не находит того, кого я с радостью и благодарностью называю *моим* читателем, — находит того, кто ищет её, того чуткого человека, кто читает вслух самому себе то, что я пишу в тишине; кто разрешает своим голосом чары письма, своим голосом изводит из плена то, что немые буквы словно таят на устах и, тщетно сиюсь сказать это сами, заикаются, произнося лишь несвязные звуки; кто настроен так, что спасает пленные мысли, которые жаждут на волю, — того чуткого человека, кого я с радостью и благодарностью называю *моим* прибежищем, кто делая моё своим, делает для меня больше, чем я для него. И если бы даже она его не нашла или если бы нашла не таким, мне всё же было бы радостью отправить её; ведь «что прохлада от снега во время жатвы, то верный посол для посылающего его: он доставляет душе господина своего отраду» (Притч 25:13).

С. К.

1. ЛЮБОВЬ ПОКРЫВАЕТ МНОЖЕСТВО ГРЕХОВ

---

1 Пет 4:7-12¹

---

¹ Впрочем, близок всему конец. Итак, будьте благо-разумны и бодрствуйте в молитвах. Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов. Будьте страннолюбивы друг ко другу без ропота. Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители много-различной благодати Божией. Говорит ли кто, *говори* как слова Божии; служит ли кто, *служи* по силе, какую даёт Бог, дабы во всём прославлялся Бог через Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь. Возлю-бленные! огненного искушения, для испытания вам посы-лаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас стран-ного...

Ч

то делает человека великим, дивным в глазах всякой твари, приятным в очах Божиих? Что делает человека сильным, сильнее всего мира; что делает человека слабым, слабее ребёнка? Что делает человека твёрдым, твёрже скалы; что делает человека мягким, мягче, чем воск? — Любовь. Что старше всего? Любовь. Что будет жить дольше всего? Любовь. Что не может быть присвоено, но делает всё своим? Любовь. Что не может быть отдано, но само даёт всё? Любовь. Что стоит, когда всё переходит? Любовь. Что утешает, когда бессильно всякое утешение? Любовь. Что

остаётся, когда всё изменяется? Любовь. Что пребывает, когда несовершенное упраздняется? Любовь. Что свидетельствует, когда прощество умолкает? Любовь. Что не ослабевает, когда видения прекращаются? Любовь. Что изъясняет, когда тёмная речь завершается? Любовь. Что претворяет благословение в изобилие даров? Любовь. Что претворяет силу в ангельскую речь? Любовь. Что делает преизобильной лепту вдовы? Любовь. Что делает мудрой речь простеца? Любовь. Что никогда не изменяется, даже если изменяется всё? Любовь; и лишь то есть любовь, что никогда не становится чем-то иным. Ведь и язычник воспевал любовь, её красоту и силу; но всё же его любовь могла превратиться во что-то иное, и это иное он воспевал едва ли не ярче. Любовь была прекрасна, она была прекрасней всего, однако месть была сладка, была всего слаще. И мысль язычника о любви и о небесном была столь несовершенна, таким самолюбивым виделось ему всё и на небе, и на земле, что он мнил, будто та же сила, что щедро дарит людям радость любви, завистливо выговаривает себе и право мести, ведь нет ничего слаще мести. Не удивительно, что месть всегда таилась в любви язычника, что страх не был из-

гнан, даже если он и тонул в забвении; не удивительно, что в тишине плёл сети враг, даже если любовь и почивала безмятежно, что гнев сидел, затаившись, в засаде и ждал подходящего случая; не удивительно, что, дождавшись, он буйно вскипал, вздымаясь во всей своей дикости; не удивительно, что он затоплял душу язычника, которая жадно пила его запретную сладость и убеждалась тем самым в своём родстве с небесным! Не удивительно, что в язычестве не была счастливой ни одна любовь, и не был счастлив ни один человек вплоть до наступления последних времён, которые могли лишь ещё горше поглумиться над ним, внушая ему представление, будто он был некогда счастлив! Не удивительно, что к радости всегда примешивалась тревога, что мгновение было образом смерти и пролетало, страша душу даже в мгновение радости! И как бы мог язычник победить этот мир; но если он был бессилен победить его, как бы мог он сделать его своим союзником?!

Что никогда не изменяется, даже если изменяется всё? Любовь; и лишь то есть любовь, что никогда не становится чем-то иным. Ведь и благочестивый иудей свидетельствовал о любви, но его любовь была чадом непостоянства и

изменчивости, и он знал толк в ненависти к своему врагу. Даже если он и предоставлял отмщение Господу как только Ему принадлежащее, он не был чужд сладости мести; ведь сладко и сознание того, что Божье отмщение страшней всякого человеческого гнева, что если человек проклинает своего врага, то Господь проклинает нечестивого со всем потомством его на много колен. Не удивительно, что страх не смежал здесь очей, даже когда любовь была всего беззаботней; не удивительно, что злоба, даже когда любовь меньше всего желала бы этого, сидела в тиши и подсчитывала отданное и полученное, твоё и моё! Не удивительно, что здесь ни одна любовь не была счастливой до наступления последних времён, когда эта любовь только и могла бы свести наконец со всеми свои *неверные* счёты.

Что никогда не изменяется, даже если изменяется всё? Любовь. И лишь то есть любовь, что никогда не становится чем-то иным; она отдаёт *всё* и *на этом основании* ничего для себя не требует; она ничего для себя не требует и потому ничего не способна потерять; она благословляет, благословляя и тогда, когда её проклинают; она любит своего ближнего, и для неё враг тоже

является ближним; она предоставляет отпущение Господу, утешаясь тем, что Он ещё милосерднее.

Эта та любовь, о которой говорит апостол Пётр в прочитанном нами слове, и так же как об этой любви многообразным образом и многократно свидетельствовали апостолы, так и здесь Пётр засвидетельствовал её силу, говоря: любовь покрывает множество грехов.

Именно это слово, это свидетельство мы желаем ближе рассмотреть, размышляя над тем, *как любовь покрывает множество грехов?*

Но как говорить нам об этом? Должны ли мы говорить, не давая себе времени медлить, исследуя эти слова, поскольку самый их звук несёт тихий укор, пробуждая тоску по тому, о чём они говорят, вызывая стремление к этому, к цели, которая предлежит всякому человеку. Должны ли мы говорить так, чтобы, если возможно, единственный и в этот час решился бы обрести благоприятное мгновение²; чтобы слово подвигло того, кого оно встретило стоящим

---

² Ср. 2 Кор 5:2.

праздно³, выйти на ристалище⁴; того, кого оно встретило на ристалище, начать свой бег; того, кого оно застало бегущим, усилиться допеть за совершенными. Должны ли мы говорить как для несовершенных?! Должны ли мы помнить, сколь редко ещё можно встретить того, кто не познал или совершенно оставил «детское знание мира», что месть сладка; должны ли мы помнить о том, что всякий, кто честен, слишком часто застаёт себя бездумно и настойчиво изъясняющим на опыте эту печальную истину: то, что месть сладка. Должны ли мы помнить, сколь редко ещё можно встретить того, кто предоставлял бы отмщение Господу в надежде, что Он имеет ещё более мягкое объяснение вины, и что Его суд ещё милосерднее; что Он превосходит сердце человека; и, напротив, сколь часто всякий, кто честен, бывает должен признаться себе в том, что он отнюдь не отказывается от мести, предоставляя отмщение Господу. Должен ли я помнить о том, сколь редко ещё можно встретить того, кто бы так простил, чтобы раскаивающийся враг действительно был его ближним; кто, прощая, действительно устранял бы

---

³ Ср. Мф 20:6.

⁴ Ср. 1 Кор 9:24.

разделение, и не находил бы никакого различия в том, что он был призван ранним утром, а его враг в одиннадцатый час⁵, или в том, что он был должен пятьдесят динариев, тогда как его враг — пятьсот⁶. Должен ли я помнить о том, сколь редко ещё можно встретить того, кто любил бы так, чтобы его уши были глухи ко всякому шёпоту зависти, когда у его врага всё идёт хорошо, потому, что сердце его не знало бы зависти, и любило бы так, что «его глаза не жалели бы прощения», когда удача благоприятствовала бы его врагу; кто любил бы так, что когда его врагу приходилось бы туго, забывал бы, что тот — его враг. Должны ли мы предостеречь и от того, что в глазах людей является меньшей виной, против известной ловкости ума, искусно обнаруживающей ошибки людей, — ловкости, которая не злоупотребляет этим познанием для того, чтобы судить, и которая не столько задевает ближнего своим праздным любопытством, сколько чинит преграды самому её носителю. Должны ли мы убеждать всякого стремиться к христианской любви потому, что всякий из нас столь часто сам нуждается в прощении. Должны ли

---

⁵ Ср. Мф 20:1-16.

⁶ Ср. Лк 7:36-50.

мы убеждать всякого человека судить самого себя и потому не думать судить других; должны ли мы предостеречь его от того, чтобы судить и осуждать, ведь никто не может видеть насквозь другого, так что порой бывало, что гнев небес не поражал того, на чью главу призывали его люди, но Господь смотрел на него кротко и милостиво, втайне радуясь о нём; должны ли мы убеждать всякого не призывать усиленно гнев на главу другого, чтобы своей непримиримостью не собрать ещё больший гнев на свою главу в день Суда.

Должны ли мы говорить так? да, чаще всего нам было бы полезно услышать это, но крайне трудно так сказать это, чтобы говорящий сам не пришёл в противоречие со своей речью, чтобы он не начал судить других. И даже судя самого себя, трудно опять же не впасть в неверное понимание и не создать помехи другим. Поэтому мы изберём более лёгкую задачу: мы остановимся на самих этих словах, и так же, как в мире есть певцы всякой иной любви, так и мы воспоём и восхвалим ту любовь, что имеет силу совершать это чудо: покрывать множество грехов. Мы будем говорить как для совершенных. Пускай даже здесь и найдётся тот, кто не

чувствует себя совершенным, наша беседа не сделает для него исключения. Мы позволим нашей душе, внемля, стоять в слове апостола, которое — не обманчивый поэтический оборот и не дерзкое восклицание, но верная мысль и непреложное свидетельство, и которое может быть понято, только если оно берётся дословно.

Любовь покрывает множество грехов. Любовь ослепляет, — говорит древнее слово, не думая обнаружить тем самым в любящем некий изъян или указать на его наивность: ведь только когда любовь нашла себе место в его душе, он ослеп, и только по мере того, как любовь побеждала в нём, он становился всё более слеп. И разве любовь теряла в совершенстве, когда она, сперва желавшая обмануть себя и словно бы не видеть того, что она всё же видела, наконец и вправду переставала это видеть? И кто лучше бы спрятал — тот, кто знал бы, что он нечто сокрыл, или тот, кто забыл бы и это? Для чистого всё чисто⁷, — говорит древнее слово, не думая выявить в чистом некий изъян, который должно избыть; напротив, чем чище становится он, тем чище становится всё для него. И разве терял чи-

---

⁷ Тит 1:15.

стый в совершенстве, когда он, сперва спасаясь от нечистоты тем, что стремился словно бы не знать того, что он всё же знал, наконец и вправду переставал это знать?

Корень того, о чём мы говорим, не просто в том, что человек видит, ведь то, что человек видит, коренится в том, как он видит. Всякое смотрение не есть простое вняtie, обнаружение; оно одновременно и творчество, а потому решающим оказывается то, как *есть* сам смотрящий. Когда в одном и том же один видит одно, а другой — другое, тогда первый открывает то, что второй сокрывает. Если дело идёт о вещах внешнего мира, то здесь бывает не так важно то, как *есть* смотрящий, или, вернее, более глубокая устроенность смотрящего порой не имеет особого значения для того, что оказывается настоящим при рассмотрении этих вещей; напротив, чем более то, что рассматривается, принадлежит духовному миру, тем более важно то, как сам человек *есть* в самом своём существе; ведь всё духовное усваивается лишь благодаря свободе, но то, что усваивается благодаря свободе, то одновременно и сотворяется. Различие тогда коренится во внутреннем, а не во внешнем, и

изнутри исходит⁸ всё, что делает нечистым человека и его взгляд. Внешние глаза ничего здесь не значат, но «изнутри исходит ... завистливое око»⁹. А завистливое око обнаруживает много того, чего любовь не видит; ведь завистливое око видит даже, что Господь творит несправедливость своей добротой. Когда в сердце обитает зло, очи видят досадное им, когда же сердце чисто, очи видят Перст Божий; ведь чистые всегда видят Бога¹⁰, «а делающий зло не видел Бога» (3 Ин 11).

Внутренним определяется тогда, что человек открывает, и что он сокрывает. Когда в сердце обитает желание греха, глаз открывает множество грехов и делает это множество ещё изобильнее: ведь око — светильник для тела, и если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма!¹¹ Когда в сердце обитает страх греха, ухо открывает множество грехов и делает это множество ещё изобильнее, так что такому человеку не помогла бы и слепота; ведь лукавый человек опускает глаза и подслушивает своими

---

⁸ Ср. Мф 15:11.

⁹ Мк 7:21-22.

¹⁰ Ср. Мф 5:8.

¹¹ Ср. Мф 20:1-16.

лукавыми ушами (Сирах 19:24). Когда в сердце человека обитает любовь, глаза удержаны и не открывают ни явного деяния греха, ни тем более скрытого; ведь как тот, «кто мигает глазами, носит в душе зло» (Притч), так и тот, кто понимает его подмигивание, нечист. Когда в сердце обитает любовь, тогда уши удержаны и не слышат ни слов мира сего, ни горькой хулы; ведь как тот, «кто скажет брату своему: “рака”, подлежит синедрionу»¹², так и тот, кто слышит это, когда это говорится ему, не совершенен в любви. Когда в сердце обитает гневливость, человек скор на то, чтобы обнаружить множество грехов, ему всё ясно с полуслова. Когда же в сердце обитает любовь, человек понимает медленно, и не слышит неосторожно брошенного слова, и не понимает его, когда оно повторяется, ведь он уготовал для этого слова хорошее место и ждёт уразуметь его в хорошем смысле; он не понимает долгой речи гнева или насмешки, ведь он ожидает ещё одного слова, которое сделает эту речь осмысленной. Когда в сердце обитает страх, человек легко открывает множество грехов, обман и мошенничество, измены и интриги, он видит, что

---

¹² Мф 5:22.

Всякое сердце — как сети,
Все же лжецы — словно дети,
Всякая клятва — как тень¹³.

Но любовь, которая покрывает множество грехов, никогда не бывает обманута. Когда в сердце обитает скупость, человек смотрит одним глазом за тем, что даёт, и семью за тем, что принимает (Сирах 20:14), и тогда он легко открывает множество грехов. Но когда в сердце обитает любовь, глаза никогда не бывают обмануты; ведь любовь, давая, не следит за отданным, но её глаза всегда взирают на Бога. Когда в сердце обитает зависть, глаза обретают силу выведывать нечистое и в чистом; но когда в сердце обитает любовь, глаза имеют силу даже из нечистого вывести доброе на свет; и эти глаза видят не нечистое, но доброе и чистое, каковое они любят и возвращают, любя. Да, сила мира сего и доброе, переводя его на свой язык, выставляет злым, но есть превосходящая её сила, которая и злое переводит как доброе, — это любовь, которая покрывает множество грехов. Когда в сердце обитает ненависть, грех лежит у

---

¹³ Цитата из одного из псалмов Томаса Кинго (1681).

дверей¹⁴ человека и обступает его множеством вожделений; когда же в сердце обитает любовь, грех убегает прочь так далеко, что человек уже не видит его. Когда в сердце обитают ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия¹⁵, не нужно далеко ходить, чтобы обнаружить множество грехов, и не нужно много времени на то, чтобы сотворить их видение; но когда в сердце обитают радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание¹⁶, не удивительно, что человек, даже и стоя посреди множества грехов, остается чужд им, оказывается словно бы чужестранцем, не понимающим обычаев этой страны и не способным уяснить эти обычаи; и разве не покрывает он тем самым множество грехов?!

Или же это не так, и мы должны с умным видом сказать: количество греха в мире пребывает равным себе независимо от того, обнаруживает ли его любовь или нет? Или мы должны отложить слово апостола и вместе с ним любовь, о которой оно свидетельствует, как красивый речевой оборот, не способный выдержать

---

¹⁴ Быт 4:7.

¹⁵ Гал 5:20.

¹⁶ Гал 5:22-23.

опытной проверки? Но понимает ли такого рода здравомыслие любовь столь же хорошо, сколь хорошо оно понимает множество грехов? Да и разве пожелает оно точно так же признать, что количество грехов остаётся равным себе независимо от того, обнаружил ли здесь рассудок нечто новое; разве не станет оно, напротив, превозносить проницательность рассудка в раскрытии и исследовании сокрытых грехов? Но ведь тогда опять же остаётся истинным то, что рассудок открывает множество грехов, а любовь покрывает и сокрывает их; и первый образ смотраения ничуть не истиннее второго. И если бы даже был третий образ смотраения, при котором человек не становился бы ни рассудочно знающим о грехе, ни любяще незнающим, но просто знал бы о нём, разве не было бы такое знание не человеческим. А значит, то, что любовь покрывает множество грехов, это не риторическое выражение, но самая истина, и в этом сила христианской любви, великой не яркими подвигами, как иная любовь, но безмерно великой этим своим тихим чудотворением.

* * *

Счастливы человек, что видел мир во всём

его совершенстве, когда всё ещё было хорошо весьма¹⁷, счастлив человек, который был вместе с Богом свидетелем красоты творения, но блаженнее та душа, что соработает Богу в любви, той блаженной любви, что покрывает множество грехов.

* * *

Любовь покрывает множество грехов. Множество — это страшное слово, когда речь идёт о грехах, и оно легко наводит на мысль о другом предмете, в связи с которым оно тоже часто употребляется, — на мысль о множестве творений, побуждающую нас думать о громадном числе родов, о великом множестве живых существ, числа которым не счесть, поскольку никакого числа не было бы достаточно, и поскольку нет такого мгновения, когда можно было бы приступить к счёту; ведь во всякое мгновение на свет рождается бесчисленное множество новых живых существ. Не так ли обстоит и со множеством грехов; ибо как сказано, что «кто имеет, тому дано будет и приумножится»¹⁸, так бывает и с грехом, и один грех рождает многие, и множество грехов прирастает и прирастает.

---

¹⁷ Быт 1.

¹⁸ Мф 13:12.

Но любовь покрывает множество грехов. Если бы глаза любви не были удержаны, если бы её взгляд не сокрывал от неё это множество, как отважилась бы она тогда желать упразднить силу греха?! Итак любовь покрывает множество грехов благодаря тому, что для её глаз они всегда уже сокрыты.

Древний мудрец сказал: удерживайся от ссоры — и ты уменьшишь грехи (Сирах 28:9). Но тот, кто уменьшает грехи, тот покрывает множество грехов, и покрывает его дважды: тем, что сам не грешит, и тем, что предотвращает от этого другого. И всё же тот, кто удерживается от ссоры, предотвращает другого от греха лишь на мгновение, и, возможно, тот обратится на другую сторону и вновь станет искать ссоры, но о том, кто обратит грешника от ложного пути его, апостол Иаков говорит, что он покроет множество грехов¹⁹.

Но возможно ли верно поведать о том, как любовь покрывает множество грехов; не многообразнее ли, чем даже грех, проявляется лю-

---

¹⁹ Иак 5:20.

бовь? Когда она видит надломленную трость²⁰, она умеет покрыть множество грехов, чтобы трость не надломилась под тяжестью. Когда она видит курящийся лён²¹, она умеет покрыть множество грехов, чтобы пламя не угасло. Когда она одержала победу над множеством грехов, она умеет вновь сокрыть их множество и готовит праздничный пир, подобно отцу блудного сына²², она стоит с распростёртыми объятиями и ждёт заблудшего, и всё ему забывает, и подвигает его всё забыть, чем опять же покрывает множество грехов; ведь любовь не заходится в плаче от множества грехов — для этого она должна была бы взирать на грех, тогда как она покрывает множество грехов. И когда многообразный грех противится ей, любовь являет себя ещё многообразнее, не уставая верно тянуть с ним неравное ярмо, не уставая всему верить, всего надеяться, всё переносить²³. Когда грех ополчается против любви и желает разделаться с ней, когда за добро он платит бранью, издёвкой и хохотом, любовь не отвечает бранью на брань,

---

²⁰ Ис 43:2; Мф 12:20.

²¹ Там же.

²² Лк 15:11-32.

²³ 1 Кор 13:7.

она благословляет, а не проклинает²⁴. Когда грех злобно завидует любви, когда он, ненавидя её, желает заставить любовь саму грешить, тогда нет лжи в её устах²⁵, но лишь молитва и увещевание. Когда же молитвы и увещевания лишь распаляют грех, становясь поводом к новому множеству грехов, любовь не отверзает уст своих²⁶, но остаётся не менее верна, подобно верной жене, спасающей любовь по-женски — «без слов» (1 Пет 3:1). И вот грех мнит, что он добился своего, что их пути скоро разойдутся, но смотри, любовь остаётся с ним на пути²⁷. Грех желает оттолкнуть от себя любовь, он принуждает её идти с ним поприще, но смотри, она идёт с ним два²⁸; он ударяет её в правую щёку, но смотри, она подставляет другую²⁹; он берет у неё рубашку, но смотри, любовь отдаёт и верхнюю одежду³⁰. Грех тогда чувствует уже

---

²⁴ Ср. Рим 12:14.

²⁵ Ис 53:9; 1 Пет 2:22-23.

²⁶ Ис 53:7.

²⁷ Мф 5:25.

²⁸ Мф 5:41.

²⁹ Мф 5:39.

³⁰ Мф 5:40.

своё бессилие, он не может этого терпеть, он желает отделаться от любви и тогда оскорбляет её столь глубоко, сколь возможно; ведь он думает, что любовь не в силах простить более 7 раз. Но смотри! Любовь оказалась в силах простить семижды семьдесят раз³¹, и скорее грех устал быть прощаемым, чем любовь прощать. Да, как есть сила греха, выносливо изнуряющая всякое лучшее чувство в человеке, так есть и небесная сила, которая не даёт пищи греху и морит голодом множество грехов, и эта сила — любовь, которая покрывает множество грехов.

Или же это не так? Или мы должны восхвалить лучше мирскую премудрость, искусно изображающую множество грехов, нагнетая страх? Но разве не должны мы скорее спросить такую премудрость, откуда она взяла такие свои познания? И если бы она сумела убедить любовь вести себя так же, как она, то любовь никогда ничему не положила бы начало и ничего бы не достигла. Но любовь начинает с того, что покрывает множество грехов, и заканчивает тем же, с чего начала — тем, что покрывает множество грехов.

* * *

Счастлив человек, чьи грехи покрыты, но блаженнее любовь, покрывающая множество грехов.

* * *

Любовь покрывает множество грехов. Если бы любовь победила в мире, тогда, конечно, множество грехов сокрылось бы, будучи покрыто любовью, и всё усовершилось бы в любви. Если бы войско любви было бесчисленным в мире, если бы числом оно было равным войску врага и могло бы сражаться один против одного, неужто любовь не победила бы тогда, не оказалась бы сильнейшей! Но когда, напротив, те, кто служат любви, малы числом, и каждый из них одинок, способна ли любовь действительно покрыть множество грехов? И не есть ли тогда слово апостола, если мы пожелаем увидеть что-то помимо благочестивого неведения любви и её рвения в отведённых ей границах, не есть ли тогда это слово прекрасная, но праздная речь? Не должны ли мы отнести к слову апостола как к вдохновенному сумасбродству и скорее восхвалить мирскую премудрость, говорящую, что жизнь течёт по своим законам, и даже если в мгновение нужды окажется, что любовь живёт по соседству с нечестием, нечестию это ничего

не даст. Но готов ли рассудок столь же легко утверждать противное этому — то, что на любовь никак не влияет соседство нечестия с ней? Разве станет он отрицать, что в жизни невинному приходится часто страдать с виновным? Давайте спросим рассудок. Древний язычник³², превозносимый в язычестве как мудрец, плыл с нечестивцем на одном корабле. И вот когда корабль попал в бедствие на море, нечестивец возвысил голос, желая помолиться; но мудрец сказал ему: «Помолчи; ведь если небо увидит, что ты на борту, то корабль потонет». Итак, разве не верно, что виновный может быть причиной гибели невинного? Но тогда не верно ли и обратное? Рассудку просто недостаёт мужества верить в это, и он, имея довольно безверной премудрости для того, чтобы обнаружить бедственность жизни, не имеет сердца для того, чтобы постичь силу любви. Разве не так? Рассудок способен сделать человека лишь унылым и малодушным, а любовь дарит свободу и мужество, и потому всякое слово апостола свободно и дерзновенно. Что если бы на борту корабля вместо нечестивца был апостол?! Но разве же не было этого? Плыл языческий корабль, направляясь из Крита

---

³² Биас, один из 7 мудрецов.

в Рим, и попал в бедствие, и многие дни не было видно ни звёзд, ни солнца, но на борту его был апостол, и вот Павел выступил вперёд и сказал тем, кто плыл вместе с ним: «Мужи! ...убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет»³³. Ведь разве нечестие должно иметь большую силу, нежели любовь; разве присутствие на борту нечестивца должно иметь силу повлиять на то, что будет с другими, а присутствие апостола не должно иметь такой силы? Ведь разве сам Господь не сказал, что дни бедствия сократятся ради избранных?³⁴

Но не является ли недостойным Бога думать, будто любовь покрывает множество грехов так, как мы только что сказали? Не забываем ли мы в нашей беседе и в нашем размышлении о том, что Бога, Сущего на небесах, невозможно ввести в заблуждение, что Его мысль, живая и бдящая, всё пронизывает и судит помышления и намерения сердечные?³⁵ Не прав ли скорее тот, кто желал бы подсказать нам, когда мы восхваляем любовь, что лучше ограничиться верными словами о том, что она мила и прекрасна, что

---

³³ Деян 27:21-22.

³⁴ Мф 24:22.

³⁵ Евр 4:12.

любовь охотно желает покрыть множество грехов и предотвратить зло, и не впадать в преувеличение, говоря, будто любовь действительно покрывает множество грехов? Но не забыл ли так говорящий о том, о чём мы отнюдь не забыли — о том, что любовь предстательствует за грехи других; и не забыл ли он о том, что многое может молитва праведного?³⁶

Когда Авраам неотступно обращался к Господу и просил за Содом и Гоморру, не покрывал ли он множество грехов? Разве похвально то остроумие, что хочет сказать, будто он своей молитвой как раз напоминал о множестве грехов и тем самым приближал суд, и что сама его жизнь уже была судом, который если бы имел силу что-то решать, скорее лишь сделал бы Божий суд лишь ещё ужаснее? Ведь как молился Авраам? Давайте по-человечески скажем об этом! Разве он не искал словно бы вовлечь Господа в ход своей мысли, разве он не побуждал Господа забыть о множестве грешников, чтобы сосчитать число праведников — не было ли там 50, 45, 40, 30, 20 или хотя бы 10 праведников? Не покрывал ли тем самым Авраам множество грехов — и разве гибель этих городов говорит

---

³⁶ Иак 5:6.

об обратном, говорит ли она о чём-то ином, нежели о том, что не было и 10 праведников в Содомах? Но чем был Авраам в сравнении с апостолом, и чем было его дерзновение в сравнении с дерзновением апостола?

* * *

Велик человек, ведь своей жизнью он, если жизнь его праведна, будет даже судить ангелов³⁷, но блаженнее любовь, покрывающая множество грехов.

* * *

Мы воспели силу любви покрывать множество грехов, мы говорили как для совершенных. Если здесь был тот, кто не чувствует себя совершенным, мы в нашей беседе не делали для него исключения. Давайте же ещё раз вспомняем эту любовь, чтобы увидеть образ её, явственный для души. И если есть те, кто рассматривая себя в зеркале этого образа, убедятся в своём несходстве с ним, если даже такое случится со всеми, мы не станем делать для них никакого исключения.

Когда книжники и фарисеи схватили женщину в явном грехе³⁸, они представили её на

---

³⁷ 1 Кор 6:3.

³⁸ Ин 8:3-11.

середину храма пред лице Спасителя; но Иисус нагнулся и писал пальцем на земле. Книжники и фарисеи сразу же обнаружили её грех, и это было не трудно, ведь её грех был явным. И в то же время они обнаружили иной грех, в котором они сделали сами себя виновными — они желали уготовать Господу западню. Но Иисус нагнулся и писал пальцем на земле. Почему же Он нагнулся; почему Он писал пальцем на земле? Восседал ли Он там как судья, который внимательно слушает обвинителей, и, слушая, нагибается и записывает пункт за пунктом обвинения, чтобы ничего не забыть и судить строго; был ли грех этой женщины единственным грехом, письменно зафиксированным Господом? Не писал ли Он пальцем на земле скорее для того, чтобы это изгладить и забыть? Там стояла грешница, окружённая людьми, возможно, ещё более виновными, которые громко обвиняли её, но любовь нагнулась и не слушала обвинений, колебавших воздух над её головой; она писала пальцем, чтобы стереть то, что она и так знала; ведь грех обнаруживает множество грехов, но любовь покрывает множество грехов. Да, даже перед лицом греха любовь покрывает множество грехов; ведь одно слово Господа загради-

ло уста книжникам и фарисеям, и не нашлось больше обвинителей, не нашлось никого, кто бы теперь осудил эту женщину. А Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя, иди и впредь не греши, — ведь воздаяние за грех рождает новый грех, а любовь покрывает множество грехов.

**II. ЛЮБОВЬ
ПОКРЫВАЕТ
МНОЖЕСТВО
ГРЕХОВ**

---

1 Пет 4:7-12

Я

ак же, как по содержанию речь апостола в корне отлична от обычной человеческой речи, так и по форме она во многом отличается от неё. И одно из её отличий в том, что она не даёт слушающему остановиться и передохнуть, равно как не позволяет помедлить и отложить свой труд говорящему. Речь апостола исполнена заботы, горяча, вдохновенна, напоена силами новой жизни, она зовёт, окликает и обращает, будоражит, взывает с силою, кратка, резка, пронизана как страхом и трепетом, так и жаждой и блаженным чаянием, являя собой живое свидетельство великого беспокойства духа и глу-

бокого нетерпения сердца. Да и где тот, кто сам бежит на ристалище¹, взял бы время для долгих речей? Ему пришлось бы тогда остановиться! Где тот, кто ищет быть всем для всех², взял бы время для пространных исследований? Он не мог бы тогда столь быстро менять оружие духа³! Где тот, кто во все паруса надежды несётся к тому, что совершенно, найдёт лишние мгновения для человеческой обстоятельности? Но если речь апостола и всегда нетерпелива как речь рождающего⁴, то две мысли в особенности воспаляют её: с одной стороны, мысль о том, что ночь прошла и день приблизился⁵, что ночь была долгой, и вот теперь — день, который не должен пройти впустую, а, с другой стороны, мысль о том, что приходит время, когда ничего нельзя уже будет сделать, что дни сочтены, что осталось недолго, что близок всему конец⁶.

---

¹ 1 Кор 9:26.

² 1 Кор 9:22.

³ Рим 13:12; Еф 6:11-18; 1 Фес 5:4-8.

⁴ Ср. Гал 4:19.

⁵ Ср. Рим. 13:12

⁶ 1 Пет 4:7.

И прочитанный текст являет собой свидетельство такого горения духа апостола, начинаясь со слова: «Итак», — которому непосредственно предшествуют слова: «Впрочем, близок всему конец». Эти слова дают понять не только слово «итак», но и то, что здесь, говоря по-человечески, могло бы нуждаться в понимании: они показывают, сколь отлично апостольское нетерпение от опрометчивой мужской горячности. Ведь разве не кажется странным то, что сразу же за прекрасным наставлением: «Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу» и следующим за ним полным смысла словом утешения: «Любовь покрывает множества грехов» идёт как будто совершенно случайно появляющееся здесь увещание: «Будьте страннолюбивы друг ко другу без ропота»? Однако это увещание как раз служит свидетельством авторитета и мудрости апостола. Ведь будь апостол просто разгорячён, разве бы он добавил такие слова после того, как сказал бы, что «близок всему конец»? Разве бы он не счёл их совершенно не нужными, ведь в распадении он стал бы рисовать картину опустевших домов, переносясь умом в то время, когда никому уже не придёт

в голову оказывать гостеприимство, а если вдруг и придёт, то едва ли возможно будет это сделать? Но не таково нетерпение апостола, и беспокойство, ему присущее, выше всяческой человеческой осмотрительности. Любовь апостола к своей общине слишком высока для того, чтобы он стал умалчивать о страшном — о том, что близок всему конец; но вместе с тем апостол умеет и так настроить свою общину, что это страшное оказывается словно бы забыто так, как если бы царили мир и безопасность, дающие желанную возможность явить любовь к ближнему даже и в незначительных вещах. Речь апостола о том, что близок всему конец, есть поэтому не безводное облако⁷, несущее лишь смущение, но очищающий воздух страх, пробуждающий в каждом кротость и глубину, оживляющий любовь и желание обрести теперь же время благоприятное⁸, но также будящий и силу, не дающую ослабеть в мысли о том, будто благоприятный час уже миновал. Апостол не опьянён мечтой, но его мысль и речь исполнены трезвения.

---

⁷ Ср. Иуд 1:12.

⁸ 2 Кор 5:2.

«Впрочем, близок всему конец». Это слово страшно даже в устах легкомысленного человека, тем более в устах апостола. Но Пётр добавляет к нему и слово утешения, сильное победить страх: «Любовь покрывает множество грехов». Или, может быть, это слово излишне? Не всё ли прейдет, когда настанет всему конец? И разве тогда будет нужен какой-то иной покров, нежели тот, что станет уделом всякого, праведного и неправедного? Разве тот, кто лежит под покровом земли, не покрыт и не сохранён надёжно? Есть ли здесь что-то, чего апостол не знает, поскольку он не называет в точности день, когда встанет вопрос о такой любви? Или же страшное слово и вместе с ним слово утешения потеряли всякий смысл оттого, что конец всему не пришёл, как было обещано? Или апостол праздно болтает о конце всякой вещи как о чём-то таком, что никак не касается ни его, ни кого бы то ни было, и говорит об этом столь в общих чертах, что не в силах удовлетворить любопытство? Разве не думает он о том, что когда придёт всему конец, его дни и дни его общины будут сочтены? Но с этим концом всему встретились и апостол, и его община; и это повторяется из рода в род;

ведь всякий человек приходит на то, чтобы умереть и затем прийти на суд⁹. Однако в день суда нужно предстать во всеоружии¹⁰, которое и есть в своём совершенстве то, о чём говорит здесь апостол. Это всеоружие есть любовь — единственное, что не упразднится, единственное, что пребывает с человеком как в жизни, так и по смерти, и что сильно одержать победу на суде. Ведь любовь — не мнимый друг, который втирается в доверие, а затем глумится над человеком. Нет, любовь пребывает с человеком верно; и когда он оказывается совершенно сбит с толку, когда помыслы восстают на него с обвинением, когда поднимают голову страхи, желая его судить, любовь запрещает им и говорит человеку: имей лишь терпение, ведь я пребываю с тобою, я, сбившая тебя с толку, но имеющая тебя утешить тем, что именно я это сделала. Разве же это не так?! Ведь какая сила способна так, как любовь, побудить решиться на то, о чём боязно и подумать! И разве страшно тогда, если любовь не сумеет разъяснить себя самой себе так, чтобы человек понял себя

---

⁹ Ср. Евр 9:27.

¹⁰ Еф 6:13.

в ней, пусть даже никакая другая душа и не понимала бы его.

Давайте же ближе рассмотрим слово апостола. Он говорит, обращаясь к несовершенным, ведь разве имели бы совершенные множество грехов, нуждающихся в том, чтобы быть покрытыми! И именно несовершенных, сокрушенных он утешает мыслью, что любовь покрывает множество грехов. Мы не должны легкомысленно исказить слово апостола, не должны с умным видом вводить себя в заблуждение и уваливать от этого слова, полагая, будто тот, кто имеет любовь, непременно совершенен. К тому, кто не находит в себе множества грехов, нуждающихся в том, чтобы быть покрытыми, это слово не относится; но и тому, кто противится утешению, оно не принесёт пользы; ведь оно как раз призвано утешать, говоря, что в том же сердце, в котором есть множество грехов, способна обитать и любовь, и что эта любовь имеет силу покрывать множество грехов.

Давайте же тогда искать в слове апостола даруемое им утешение, размышляя над тем, *как любовь покрывает множество грехов.*

И всё же, как это возможно? — ведь любовь как раз открывает человеку глаза на свои грехи. В мире часто можно встретить того, кто живёт легко и беззаботно, в веселии юности; живёт, не считая себя совершенным, но и не тяготясь сознанием своей неправоты, до тех пор, пока не окажется уловлен любовью, которая покажет ему его несовершенство и слабость столь во многих вещах, что он уже не будет доволен своей прежней жизнью. Но разве проще приходится рассудительному? Он не одобряет легкомыслия юности, он бдит над собой, он стремится исправлять свои ошибки, но при этом он доволен собой, не боясь проверки рассудка, принимая честь от людей, готовый отстоять себя перед целым миром, — но любовь приходит к нему, и он, державший прежде голову гордо и властно взиравший на людей, опускает глаза; ведь он открывает в себе множество грехов. Способный выстоять перед придирчивым судом рассудка, он бессилён перед кротостью любви! Но, может быть, ничего такого не случается с праведным? Он силен против себя самого и не желает быть таким,

как прочие люди¹¹, он знает, что тот, кто хочет себя сохранить, должен трудиться и во многом отказывать себе, но знает также, что он — победитель в этой борьбе, что *он-то* понимает ту справедливость, что царит на небесах, — ведь он кажется себе праведным. Но вот с небес на него смотрит любовь, и гляди-ка! он, утешавший себя мыслью, что он умеет воздавать каждому своё: человеку человеческое, Богу Божие, — он, кто уже в этой жизни радовался тому, что сумеет дать отчёт на Суде, теперь видит в себе такое множество грехов, что ему не ответить и за тысячную их часть. Ведь любовь не просто в мгновение ока открыла сокрытое, она как будто умножила грехи и в будущем. То, что он в гордой вере в себя легко преодолевал, теперь оказывается для него трудным, потому что его душа уязвлена любовью. Там, где он раньше и не подозревал никакого соблазна, теперь он видит опасную западню, и он чувствует страх и трепет, которые прежде были не знакомы ему. И в том, что это открылось ему в свете истины, он легко убеждается; ведь лишь пожелай он вновь предаться своей

---

¹¹ Ср. Лк 8:9-14.

собственной праведности, как искушение тут же исчезло бы.

Но тогда возможно ли, чтобы та же сила, что открывает человеку глаза на множество своих грехов; та же сила, которая, уязвляя сердце любовью, едва ли не умножает в человеке грехи; чтобы та же самая сила была способна покрывать грехи в этом же человеке? И разве не лучше было бы, если бы этого она не могла? Ведь чем тогда оказывается любовь? Ночным сном, в который впадает человек? Дурманом, заставляющим всё забыть? И если любовь в этом смысле покрывала бы множество грехов, разве это было бы чем-то достойным? Тогда уж лучше было бы сохранить лёгкость юности, или самоиспытание мужа, или человеческую самоправедность. Почему и мудрость, и рассудительность, и сердечный мир, и небесное блаженство, и самая жизнь должны обретаться в муках рождения, а любовь не должна знать никаких мук рождения? Но ведь любовь — не сон, и если даже говорить о ней в этом ключе, то следовало бы сказать: её первая мука рождения — это беспокойный, исполненный страха сон, за которым следует блаженное пробуждение в любви, покрывающей множе-

ство грехов. Ведь любовь забирает всё. Она забирает у человека совершенство, и если он покусится его отдать, любовь покажется ему жестокой; но она забирает и его несовершенство, его грех, его беспокойство. Она забирает у человека силу; но и его скорбь. Да и какую самую страшную скорбь не покроеет любовь, словно не бывшую, оставляя лишь радость любви о спасении ближнего? Забирая нечто, она тем самым это и покрывает; и забирая всё, она всё покрывает; когда же она, забирая всё, ещё и даёт нечто иное, она не мерой покрывает всё. Людям часто кажется, будто не одна только любовь способна забрать и тем самым покрыть то, что им хотелось бы иметь покрытым. Однако уже древний язычник¹² сказал: человеку не ускакать верхом от того, что его гнетёт и заботит, ведь чёрная Забота поедет у него за спиной. Эти слова часто повторяют, находя в них глубокое знание человеческого сердца. И всё же, если бы древний язычник, ехавший по жизни с чёрной Заботой за спиной, не имел бы нужды оглядываться! — но ведь любовь как раз не оглядывается. Да и где бы очи, которые

---

¹² Гораций. Оды, 3 кн. №1. ст. 37-40.

любят, взяли время на то, чтобы озираться назад, — ведь для этого им пришлось бы на мгновение отвернуться от любимого! Где бы уши, которые любят, взяли время на то, чтобы слышать жалобу, — ведь для этого им пришлось бы на мгновение перестать слышать любимый голос! И если очи косятся назад, а уши подслушивают, значит сердце мелочно, но это — не вина любви, да она и гневается на это. Тот, кто полагается на своё совершенство, тот не любит; и тот, кто вступает в сговор со своим несовершенством, тот не любит. Если человек полагает себя столь несовершенным, что считает, будто любовь для него исключена, это говорит о том, что он не любит, ведь он оценивает своё несовершенство и берёт его в расчёт точно так же, как тот, кто надеется на своё совершенство. А любовь забирает всё. И тот, кто всё сохраняет при себе, тот или желает радоваться о самом себе и не желает радоваться о любви, или желает печалиться о самом себе и не желает радоваться о любви.

Но для того, чтобы любить человека такой любовью, нужно иметь мужество желать любить. При этом, земной любви присуща тайна, и эта тайна в том, что она несёт на себе печать

любви к Богу, без которой она стала бы нелепостью или же пошлым заискиванием: ведь как мог бы один человек быть столь совершенен в глазах другого, чтобы это пробудило в последнем благоговейный трепет или было в силах забрать поистине всё. Чтобы любить так Бога, нужно смиренное и свободное мужество; ведь любовь к Богу в груди всякого человека пробуждается, плача, словно новорождённый ребёнок, а не с улыбкой ребёнка, уже узнающего свою мать. И когда затем эта любовь к Богу желает держаться Господа крепко, враг страшно ополчается на неё, и сила греха бывает ужасна. Но любовь не смежает очей в час опасности, она выходит ей навстречу, чтобы, как говорит старинный сочинитель псалмов¹³, пройти

Через стрелы греха

В покой рая.

И чем дальше от неё это множество стрел, тем ужасней оно, но любовь пробивается через них, и вот она видит всё меньше стрел, пока наконец все они не вонзятся в её грудь, и она, уязвлённая ими, но уже их не видя, не вступит

---

¹³ Епископ Ханс Адольф Брорсон (1694-1764).

в блаженство рая, где царит лишь любовь.

Когда Иисус однажды сидел за столом с фарисеями, в дом вошла женщина. Её туда никто не приглашал — ещё бы, ведь фарисеи знали, что она грешница. И даже если ничто иное не могло напугать и остановить её, то гордое презрение фарисеев, их молчаливое негодование, их праведный гнев могли бы, пожалуй, её устрасить; но она, «став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром». Здесь было страшное мгновение; всё то, отчего она одиноко страдала, её боль и укоры самой себе в её груди стали ещё ужаснее, ведь они нашли себе подкрепление в выражении лиц фарисеев. Но она пошла к Спасителю и этим нанесла удар врагу, она обрела мир и нашла отдохновение у ног Христа, потеряв себя в делании любви. Плача, забыла она то, о чём она плакала вначале; слёзы раскаяния стали слезами поклонения. Ей простились её многие грехи, потому что любовь её велика. В мире можно встретить тех, кто, потеряв свою жизнь в служении удовольствию, в конце концов теряют самих себя и уже самих себя почти не узнают. Мерзкая и

страшная хитрость удовольствия заключается в том, что оно вводит человека в заблуждение о себе самом, побуждая его лишь поверхностно, скользя во времени, ощущать своё настоящее существование; и в том, что оно нагло ищет заставить Бога обмануться в Своём видении Своего творения. Этой женщине была дана милость словно бы выплакать саму себя, и, плача, войти в покой любви. Ведь тому, чья любовь велика, много прощается. А то, что «тот, кому много прощается, тот много любит», — это блаженная хитрость любви, благодаря которой нужда во многом прощении становится выражением для совершенства любви.

Однако если любовь, живущая в виновном, и способна лишить его чувства множества грехов, так что он, потеряв себя в любви, уже не будет видеть их, потому что любовь их покрывает, — будет ли он навсегда избавлен от этого множества грехов? Не остановит ли его на пути нечто такое, что вдруг заставит его вспомнить то, что любовь покрывала: не предстанет ли человек на суд? И будет ли здесь любовь иметь ту же силу, так что и Судия не откроет множества грехов, потому, что любовь покрывала их? Ведь разве Судия позволит

Себя обмануть, разве Он не пронизает любой туман, делая всё явным? Разве позволит Судья Себя подкупить, разве Он не потребует непреклонно соблюсти всё, чего требует суд? Можно ли обмануть мирской суд? Предложи ему твою любовь, и твой долг останется прежним; принеси ему лучшее из твоих сердечных чувств, и ты ничуть не уменьшишь свой долг; предложи ему слёзы раскаяния, и суд потребует своей справедливости. Но можно ли подкупить суд любви? Предложи ему золото, и ты будешь низок в его глазах; предложи ему власть и могущество, и он отвергнет тебя; предложи ему мирскую славу, и он вменит тебе в вину то, что ты её любишь; поведай ему о своих удивительных делах, и он вменит тебе в вину то, что они были совершены без любви. Ведь каждый суд требует своего: мирской суд требует принадлежащего миру, и для его очей сокрыто всё, чего миру недостаёт; но суд любви требует того, что принадлежит любви; ведь тот, кто судит, требует, а тот, кто требует, ищет, и тот, «кто покрывает множество грехов, ищет любви» (Притч 17:9); но тот, кто находит любовь, покрывает множество грехов, поскольку он смотрит не на них; ведь тот, кто находит то,

чего ищет, смотрит не на то, чего он не ищет.

Не есть ли тогда слово апостола утешение, дающее дерзновение на суде¹⁴, не есть ли оно утешение, каковое нужно, ибо оно превосходит всякий рассудок! Рассудку кажется великим помнить всё; для него — безумие то, что любовь покрывает множество грехов. Но разве должны мы лишиться себя этого утешения, всеу пытаюсь рассудком измерить любовь, раздробить её на части, каждая из которых служила бы возмещением за какой-то отдельный грех, — и тем самым пребывая в грехе? Разве должны мы изъять себя из любви; ведь если мы пребываем в ней, кто тогда тот, кто обвиняет?¹⁵ И разве та любовь, благодаря которой человек находит множество своих грехов покрытыми, не та же любовь, что делает их покрытыми в глазах любви? Даже если любовь и не полностью победила в человеке, даже если страх и открывает в нём то, что любовь не имела силы покрыть, всё же в день суда Любовь придёт любви в нём на помощь, прогонит страх и покроет в нём множество грехов.

---

¹⁴ Ср. 1 Ин 4:17.

¹⁵ Ср. Рим 8:33.

Когда Иисус однажды сидел за столом с фарисеями, в дом вошла женщина; она была согбенна, ведь она несла бремя многих грехов. Мирской суд легко читался на лицах фарисеев, он не давал себя обмануть, её скорбь и слёзы ничего не скрывали, но открывали всё, и в ней не обреталось ничего, кроме множества грехов. Но она не искала мирского суда, она «стояла позади у ног Иисуса и плакала». И тогда *Любовь* открыла то, что мир сокрывал — открыла любовь в ней; и когда любовь никак не могла в ней окончательно победить, ей пришла на помощь любовь Спасителя, сказавшего, что тот, кому прощено пятьсот динариев, возлюбит больше; так Он усовершенствовал её любовь в силе покрыть множество её грехов — ту любовь, что была в ней; «ведь её грехи, столь многие, прощены ей, потому что любовь её велика»¹⁶.

* * *

Блажен человек, чьё сердце свидетельствует вместе с ним, что любовь его велика; блажен человек, о котором Дух Божий, всевидящий, свидетельствует, что любовь его велика; он

---

¹⁶ Пер. С.С. Аверинцева.

имеет утешение и здесь, и в мире ином; ведь любовь покрывает множество грехов.

* * *

**III. УТВЕРДИТЬСЯ
ВО ВНУТРЕННЕМ
ЧЕЛОВЕКЕ**

МОЛИТВА

Отец наш Небесный! В Своей кроткой длани содержишь Ты всё благие дары. Избыток щедрот Твоих мы не в силах уразуметь, и благость Твоя превосходит всё, что способно вместить наше сердце; ведь Ты ни одну молитву не оставляешь без ответа, и даруешь всё, о чём мы просим, или то, что гораздо лучше того, о чём мы просим. Так даруй каждому потребное ему так, как это Тебе угодно; но с этим даруй каждому и уверенность в том, что всё — от Тебя приходит, что ни радость не может нас с Тобой разделить, погрузив в забвенье удовольствий, ни печаль не способна разлучить нас с Тобой, но и в радости нам потребно искать Тебя, и в печали пребывать с Тобою, и что когда наши дни будут сочтены, и внешний человек отдан тлению, смерть не придёт к нам от своего имени в своей холодной жути, но придётя кротко и милостиво, неся Твоё приветствие и послание, свидетельствуя о Тебе — Отце нашем, Сущем на Небесах!

Аминь.

Ефес 3:13-до конца¹

---

¹ Посему прошу вас не унывать при моих ради вас скорбях, которые суть ваша слава. Для сего преклоняю колени мои пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле, да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши, чтобы вы, укоренённые и утверждённые в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею. А Тому, Кто действующею в вас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чём помышляем, Тому слава в Церкви во Христе Иисусе во все роды от века до века. Аминь.

столице мира, в
гордом Риме, где было собрано всё дивное земли; где было известно всё, что человеческое буйство и искусность изобрели ради того, чтоб ускользнуть от страха и отчаяния, пленив мгновение и обратив его на службу сладострастию; где каждый новый день был очевидцем новых ярких зрелищ; в Риме, слава которого гремела и куда словно на сцену устремлялся всякий, кто думал завладеть вниманием толпы и, опьянившись самим собой, вкусить немногих мгновений славы, столь завидных и счастливых, — жил в заключении апостол Павел, и там он написал

читавшееся нами послание. Он был привезён сюда без шума, безвестным пленником, но он принёс с собой учение, о котором свидетельствовал, что оно — явленная ему в особом откровении божественная истина, и несокрушимую уверенность в том, что это учение победит весь мир. Если бы он был бунтарём, подстрекавшим народ и приводившим в трепет тиранов, и вот теперь привезённым в Рим, дабы правитель мог насытиться местью, упиваясь его страданиями, изощряясь в изобретении ему тягчайших мук — да! тогда, наверное, его судьба потрясла бы всякого, в чьей груди ещё не угасло человеческое чувство, и на мгновение возбудила бы своим ужасом любопытство сладострастной толпы, — и тогда, может быть, даже и трон тирана был бы опрокинут! Но с Павлом так не обходились. Он был слишком незначителен для того, чтобы устроить собой Рим, его сумасбродство было слишком невинным для того, чтобы возбудить против себя власть. Ведь кто он был? Человек, происходивший из презренного народа; человек, который уже и этому народу не принадлежал, но был им отброшен как сор — еврей, ставший христианином, самый одинокий и отверженный и самый безобидный человек в

целом Риме. Как с таковым с ним и обходились. Его заключение было мягким, он лишь должен был оставаться под стражей; и ему, принесшему с собой несокрушимую уверенность, было отведено для действия одиночество заточения и воин, приставленный для охраны. — В столице мира, в шумном Риме, где ничто не было властно противиться необузданной силе времени, в Риме, поглощавшем всё, что только попадалось ему на глаза, стиравшем всё вместе с самым забвением — там жил апостол Павел, маленький человек, в одиночном заключении, тихо и безвестно, не будучи даже предан забвению — ведь никто во всём этом огромном городе и не знал о его существовании, и он всем был безразличен. Но тогда как всё вокруг него несло в никуда быстрее облака, в нём твёрдо зиждалось убеждение, что учение, которое он исповедовал, победит весь мир — весь этот мир, от которого он был теперь отделён, так что единственным человеком, кого он мог видеть, был воин, стерегший его. Если человек, страдая виновно, с терпением несёт наказание, ему нет в этом похвалы; но если он являет терпение, страдая невинно, он имеет похвалу². Об этом хорошо говорить, это

---

² Ср. 1 Пет 2:20.

приятно слышать, это легко признать, но только трудно поступать так. Однако тот, в чьём сердце обитают страх Божий и благочестие, устрояет и в таких обстоятельствах свою душу к смирению, к новой радости о Боге и к миру в Господе, и спасается в терпении даже тогда, когда это очень трудно, когда всё, чего ждал он, исчезло, как сон, когда он, кто желал победить весь мир, оказался в итоге под стражей, когда ему не дано было даже пасть в бою, но приходится безгодно чахнуть. И поскольку были те, кто верил ему и надеялся на него, он, наверное, вспоминал о них, и его душа могла болеть о том, не хотят ли и они его оставить, и он мог бы из своего заключения написать им: «Не оставляйте меня, когда я оставлен всеми, сохраните ваше доверие ко мне, не забывают меня, когда я всеми забыт». И тогда, быть может, он тронул бы их сердца, быть может, к нему пришёл бы единственный и, будь это позволено, посетил бы узника, разделил его скорбь, утешил бы его и воспринял бы от него наставление. Об этом хорошо говорить, и одна мысль об этом трогает сердце всякого доброго человека. Но Павел был апостолом. Он и в скорбях был радостен; и в бедности многих

обогащал; и ничего не имея, всем обладал³. Из заключения он пишет далёкой общине: «По-сему прошу вас не унывать при моих ради вас скорбях, которые суть ваша слава». Он, кто сам, казалось бы, нуждался в утешении, оказывается, скажем так, скор в благом ведении Господа, радостен в беде, мужествен в опасности; он не занят своим страданием, но заботится об общине, и размышляет о своих скорбях лишь потому, что они могли дать общине повод от-речься.

Если бы некий человек нашёл покой и мир среди своих невзгод, то забота о том, не потеряют ли другие веру и дерзновение, видя его беды и тяготы, пробудила бы в нём новое беспокойство. Но тогда страх Божий должен был бы в нём победить, и он с доверием предал бы тех, кого любит, в крепкую руку Божию. Речь об этом трогает сердце, всякий добрый человек определённо чувствует, что такая тихая верность достойна того, чтобы к ней стремиться. Но Павел был апостолом, и он пишет из заключения: «Мои скорби, которые я терплю ради вас, суть ваша слава».

Тот, кто несёт людям некое учение и желает

---

³ Ср. 2 Кор 6:4-10.

убедить их, имеет и свидетельство в его пользу, которое он дерзновенно предлагает единственному. Но если это свидетельство его подводит, он сознаёт себя лишённым былой силы, и, хотя это и тяжело, примиряется в своём сердце с Богом; и предаётся иным заботам как тот, кого оставил жених⁴ и кого покинула радость, но в то же время как тот, кто не бежит на неверное⁵ и кто не забывает, что спасти свою душу, покорить мятущийся дух в послушание веры, удерживать силой убеждённости непокорные мысли в узах любви, это выше, чем спасать других. Об этом полезно напоминать, и любой порядочный человек признает за благо устроить так свою жизнь, когда окончатся дни его служения при большом деле, и он будет поставлен над меньшим. — Но что же Павел?! Покровительствовал ли ему кто из сильных, кто мог бы представить людям его учение? Нет! он был заключённым. Было ли его учение почтено мудрецами, чья слава служила бы порукой в его истинности? Нет, оно было для них безумием. Обещало ли его учение даровать единственному обладание сверхъестественной силой, заяв-

---

⁴ Ср. Мф 9:15.

⁵ Ср. 1 Кор 9:26.

ляло ли оно о себе в сопровождении фокусов? Нет! В нём было нужно долго назидаться, учась ему в испытаниях, первое из которых состояло в том, чтобы оставить всё. Но тогда имеет ли Павел свидетельство в пользу своего учения? Да! он имеет всякое человеческое свидетельство обращённым против себя, и в придачу беспокойство о том, не отречётся ли община от него, или, что ещё хуже, не станет ли на него досадовать; ведь досада ближе всего подступает, когда истина попирается, когда невинный страдает, когда несправедливость уверена в своей победе, когда насилие торжествует, когда невежеству нет нужды силой ограждать себя от добра, но оно беспечно и беззаботно знать не знает о том, что добро существует. Но унывает ли Павел как тот, кого подвело свидетельство в пользу его учения? Вовсе нет! Не имея иного свидетельства, он обращается к своим скорбям. Разве это не чудо? Если бы Павел и не совершил иных чудес, одно лишь это явило бы в нём дар чудотворения. Ведь разве обратить свои скорби в свидетельство истинности учения, обратить бесчестье в честь для себя и для общины верующих; обратить проигранное дело в дело чести, исполненное силы вдохновлять и убеждать, не

значит словно бы сделать хромого ходящим и немого говорящим⁶?!

Что давало Павлу силы на это? Он сам в себе имел свидетельство, он отнюдь не был сомневающимся человеком, который в своём внутреннем давал при этом отказ сильным мыслям. Свидетельство, которое он имел, было выше всего, что есть в мире, и было тем сильнее, чем более мир восставал на него. Был ли он тогда слабым человеком? Нет, он был силен. Был ли он колеблющимся? Нет, он был твёрд, ведь он был с силою утверждён Духом Божиим во внутреннем человеке. И того, в чём апостол сам стоял, чему вся его жизнь служит подтверждением, того желает он каждому единственному в общине. И даже если обстоятельства того времени были иными, даже если борьба и споры делали более неотложной, но также, быть может, и более трудной задачу утвердиться во внутреннем человеке, всё же во все времена и при любых обстоятельствах для человека остаётся единым на потребу⁷ спасти свою душу в этом внутреннем утверждении; ведь для всякого человека во всякое время есть и борьба, и иску-

---

⁶ См. Мф 15:30-31, 11:5.

⁷ См. Лк 10:41-42.

шение, и опасность, и одиночество, в котором он испытывается, и страх с бессилием, когда он теряет свидетельство. Поэтому давайте ближе рассмотрим, что значит:

Утвердиться во внутреннем человеке

Только бездумная душа может спокойно жить, попуская всему вокруг себя меняться и предаваясь капризному, непостоянному течению жизни, не страшась такого мира и не заботясь о самой себе. Сколь же недостойной и низкой является такая жизнь, сколь далёк такой человек от того, чтобы свидетельствовать о высоком призвании человека — владычествовать над всем творением⁸. Ведь если человек призван владычествовать, значит в мире должен быть порядок, поскольку поставить его управлять дикими силами, которые не повинуются никакому закону, было бы просто насмешкой над ним. И если ему надлежит владычествовать, то должен быть закон и в нём самом; ведь иначе он не мог бы ничем править: он или вторгался бы во всё бестолково, или был бы предоставлен случаю, правь он мудро или же нет. Если бы это

---

⁸ Быт 2:28.

было так, тогда человек был бы крайне далёк от того, чтобы владычествовать над всем творением, и скорее можно было бы пожелать, чтобы его и вовсе не было. И потому как только человек собирает себя с тем, чтобы более разумно рассмотреть жизнь, он ищет убедиться в том, что во всём присутствует связь; он как владыка всей твари ставит об этом, так скажем, вопрос, понуждая творение отвечать; он требует свидетельств этого.

Только тот, кто предал душу свою мирским страстям и похотям, тот, кто выбрал блестящее рабство, предавшись удовольствию и став не в силах освободить себя от кружащего голову или мрачного страха, сопряжённого с ним, — только он довольствуется свидетельством творения о том, что он способен ловко и сметливо пользоваться им, служа мгновению. Человек — владыка всей твари, и она подчиняется даже такому недостойному его владычеству. Сколь грустно видеть такую пропадающую жизнь, которую сам человек отнюдь не считает при этом бездумной, но, напротив, мнит, будто он во всём разбирается и, заблуждаясь сердцем, надеется всё обратить себе на пользу. Когда он видит, что небо краснеет в вечерний час, он говорит: завтра бу-

дет хорошая погода, но если он видит красным и тёмным небо с утра, он говорит: сегодня будет буря; ведь о лице неба, о погоде и ветре, он умеет судить⁹. Поэтому он говорит: «Сегодня или завтра отправимся в такой-то город, и проживём там один год, и будем торговать и получать прибыль»¹⁰. Когда он с умом возделывает свою землю, он рассчитывает, что она принесёт ему большой урожай. Его глаз радуется виду обильного урожая — тому, что он, быть может, бездумно называет благословенным плодом. И он спешно строит новые житницы больше прежних, ведь ему нетрудно смекнуть, что старые не вместят это изобилие. Теперь он спокоен и радостен, и превозносит существование, но вот он ложится спать и слышит: «в эту ночь Я душу твою взыщу у тебя»¹¹. — Его душу; не слишком ли многого от него теперь требуют; поймёт ли он это? Ведь дело идёт не о богатом урожае и не о недавно построенных житницах, но о том, что он, быть может, забыл, будучи занят всем этим — о том, что у него есть душа. — Но тот, кто хоть сколько-нибудь серьёзно смотрит на

---

⁹ Мф 16:2-3.

¹⁰ Иак 4:3.

¹¹ Ср. Лк 12:16-21.

жизнь, тот легко видит, что он — владыка не в том смысле, что он никому не служит, и что человек отличается от животного не только тем, что он сметливее, чем оно.

Только тот, кто трусливо бежит от всякого более глубокого понимания и не имеет мужества принять ответственность владыки, тем самым восприняв и обязанности слуги; не имеет смирения желать слушаться, чтобы научиться владычествовать, и желать владычествовать лишь постольку, поскольку ты слушаешься, — лишь таковой может заполнять время непрерывным размышлением, которое никуда его не ведёт, но служит скорее развлечением, в котором его душа, его способность понимать и желать, исчезает как пар¹² и гаснет как пламя. Сколь грустно видеть такую самопоглощённость, сколь далёк такой человек от того, чтобы своей жизнью выражать высокое предназначение человека — быть Божьим соратником, — своей жизнью свидетельствовать о нём.

При всяком более глубоком присутствии духа, делающем человека *старше*, чем мгновение, и дающем ему постичь вечное, человек убеждается в том, что он сам имеет действи-

---

¹² Иак 4:14.

тельное отношение к миру. Это отношение не может быть просто знанием об этом мире и о себе как его части, ведь знание как таковое не является отношением, поскольку в знании мир дан человеку как нечто безразличное, да и миру безразлично простое знание о нём. Только в то мгновение, когда в душе человека появляется забота о том, что мир имеет значить для него, и что — он для мира; что всё то в нём, благодаря чему он принадлежит миру, имеет значить для него, и что он в этом — для мира: только тогда и обнаруживается в этой *заботе* внутренний человек. Эта заботу нельзя унять с помощью более детального или более полного знания, она жаждет знания иного рода — того, которое ни на мгновение не остаётся просто знанием, но в мгновение, когда его обретают, обращается в делание, поступок, и иначе им невозможно обладать. Эта забота также жаждет понимания, свидетельства, но иного рода. Если бы человек в своём знании мог знать всё, но ничего не знал бы об отношении этого знания к нему самому, то он, конечно, стремясь удостовериться в том, что его знание верно соотносится с предметом, требовал бы свидетельств и этого отношения; но до тех пор, пока забота не пробудилась бы в

его душе, он не понимал бы, что здесь потребно совсем другое свидетельство. Как только она пробудилась бы, его знание обнаружило бы свою безотрадность, ведь всякое знание, в котором человек исчезает для самого себя, и всё то, что такое знание позволяет понять, двусмысленно. Такое знание даёт понять и то, и это, и может означать для человека вещи прямо противоположные. Всякое свидетельство такого знания, раскрывая нечто, одновременно несёт в себе обманчивость и неясность, и лишь питает страх. Как мог бы, обладая таким знанием, человек убедиться в том, что его удача — это Божия милость, и тогда порадоваться ей и уверенно принять её, или же в том, что это — гнев Небес, и удача таит от него бездну гибели, дабы его крушение было тем ужаснее? Как мог бы, обладая таким знанием, человек убедиться в том, что его невзгоды — это наказание Небес, и принять их бремя, или в том, что это — Божия любовь, каковой Бог любит его в испытании, и с полной доверия в тяготах испытания помышлять о любви? Как мог бы с помощью такого знания человек убедиться в том, что он был над многим поставлен в мире и ему многое было доверено потому, что Бог любит в нём своё избранное

орудие, или же потому, что ему уготовано было стать притчей во языцех, предостережением и устрашением для других? Ведь его знание может, пожалуй, убедить его в том, что всё ему удаётся, что всё ему подчиняется, что всё происходит так, как он хочет, что ему даётся всё, на что он только укажет; или что ему ничего не удаётся, во всём отказано, что всё ужасное, чего бы он ни устранился, в следующее же мгновение находит на него; что ему доверено многое, как никому — но больше это знание ничему не может его научить. И такое понимание весьма двусмысленно, и это знание весьма безотраднo.

В заботе, о которой шла речь, обретается внутренний человек, который жаждет понимания, свидетельства, дающего понять смысл всего для него и его собственный смысл как того, кто понимается в Боге. Ведь Бог содержит всё в Своей вечной Премудрости, и ставит человека владыкой всей твари, делая его Своим слугой; и даёт ему понять Себя, делая его Своим соратником и утверждая его во внутреннем человеке при всяком понимании, которое Он ему даёт. В этой заботе обретается внутренний человек, не пекущийся о целом мире, но пекущийся лишь о Боге и о самом себе, и о понимании, которое

делает понятным ему его действительное отношение к миру, и о свидетельстве, которое утверждает его в таком отношении. Эта забота не прекращается ни на мгновение, ведь знание, которое обретает в ней человек, не есть безразличное знание. И если он думает раз и навсегда удовлетворить требованиям этой заботы и на том с ней покончить, то внутренний человек рождается в нём мёртвым и исчезает вновь. Но если он поистине озабочен, тогда всё с Богом будет служить утверждению во внутреннем человеке; ведь Бог верен¹³ и не перестаёт о Себе свидетельствовать¹⁴. Но Бог есть Дух¹⁵, и потому Он может свидетельствовать лишь в духе, каковой обретается во внутреннем человеке; всякое внешнее свидетельство от Бога, если о таком и может идти речь, может точно так же быть и обманом.

Тогда и удача помогает утвердиться во внутреннем человеке. Часто можно слышать разговоры о том, что жизнь непостоянна и обманчива, и сколь бы ни были различны желания и надежды отдельных людей, очень многие едины

---

¹³ 1 Кор 1:9, 10:13; 2 Кор 1:18

¹⁴ Деян 14:17.

¹⁵ Ин 4:24

в том, что их прекрасные ожидания не сбываются, — хотя, конечно, они прежде всего обманулись, начав тешить себя представлением ожидаемого. И они клянут тогда мир, называя его юдолью скорбей; клянут время, говоря, что оно делает злую работу и ставит преграды, которые не приближают человека к желанной цели, но всё более удаляют от неё; клянут людей за то, что они вероломны или, по крайней мере, ленивы, вялы, самолюбивы; клянут самих себя, равно как и все прочие вещи в мире, за то, что они не таковы, каковыми казались; клянут порядок вещей на земле за то, что успех имеет всякая безвкусная дичь; что превозносятся дела, вся сила которых в болтовне; что хвалят чувство, вся сила которого в плетении словес; что участие находит лишь та нужда, что кричит о себе; тогда как достойное стремление получает лишь неблагодарность и непризнание; тихое, глубокое чувство встречает лишь непонимание; глубокая, одинокая печаль находит лишь оскорбление. И крайне редко можно слышать серьёзный голос, увещающий всякого получить образование в школе жизни и позволить трудностям себя воспитать; услышать верную речь, которая со всей настойчивостью спрашивает: спасётся

ли богатый, пойдёт ли могущественный тесным путём, отвергнется ли себя счастливый, примет ли учёный и умный презираемую истину. Однако эту речь не замечают, продолжая жаловаться на то, что не просто в жизни человека случается быть несчастьям, но что самая жизнь его — несчастье; и для такого взгляда человеческое существование оказывается тёмной речью, которую никто не в силах понять. — Но ведь удачу понять так легко. И всё же — Иов был пожилой человек и состарился в страхе Божиим, он приносил всесожжение за каждого из своих детей всякий раз, когда они шли на пир¹⁶. — «Но ведь удачу понять легко» — и всё же и сам *удачливый* не может её понять. Посмотри на него, счастливца, кому удача в радость оттого, что она во всём ему потворствует. Он не работает, однако пребывает как Соломон во славе, его жизнь — танец, его мысль опьянена грёзами желаний, и всякая мечта исполняется, его глаза получают пищу раньше, чем успеют этого пожелать, его сердце не скрывает никаких тайных желаний, его стремление не знает границ. Но если бы ты спросил его, откуда всё это приходит, он вероятно ответил бы легкомысленно: «Я и

---

¹⁶ Иов 1:4-5.

сам не знаю». Этот ответ, пожалуй, даже развлёк бы его в его легкомыслии словно вскользь брошенная шутка, но он не понимал бы и даже не чуял бы, что он на самом деле сказал, и как он осудил тем самым себя самого. Гражданское правосудие бдит над тем, чтобы всякий владел тем, что принадлежит ему по праву. Когда оно находит человека, чьё богатство и изобилие для всех удивительно, оно требует у него объяснения, откуда он всё это получил. И если он не может этого объяснить, оно начинает подозревать его в том, что он, быть может, получил это нечестным путём, что, возможно, он вор. Человеческое правосудие — лишь несовершенное подобие божественного, бдящего над всяким человеком. И когда человек на вопрос последнего, откуда у него всё, не имеет ответить ничего, кроме того, что он сам этого не знает, оно судит его, оно становится подозрением против него в том, что он обладает этим *незаконно*. Это подозрение — не слуга божественного правосудия, но само Правосудие: Тот, Кто обвиняет, и судит, и выносит приговор, и соблюдает душу в заточении, дабы она не убежала. Что потребно тогда удачливому? Что, если не быть утверждённым во внутреннем человеке? Но вот у него нет

ни заботы, ни внутреннего человека; если что-то такое и было, оно стёрлось и сгнуло. Напротив, тот, в чьей душе в заботе обретается внутренний человек, он не радуется, когда удача во всём потворствует ему. Его охватывает тайный ужас перед силой, которая желает таким образом всё расточить, он страшится иметь с ней дело; ведь она словно бы требует взамен чего-то столь ужасного, что он едва ли в силах дать имя страху перед этим. Он принял бы с благодарностью намного более скромную долю, лишь бы только знать, от кого всё это приходит. Ведь забота в нём требует это разъяснить, требует свидетельства об этом. Даже если бы его поставили на вершину горы, откуда он мог бы обозреть все царства и государства мира¹⁷, и ему сказали бы: это всё твоё, — он пожелал бы сперва узнать, кто поставил его на эту вершину, кого ему благодарить. Но вот удача остаётся при нём, она, как он назвал бы это, продолжает его преследовать, и тогда его забота становится всё сильнее; но покуда возрастает его забота, его душа утверждается наконец во внутреннем человеке. Итак, удача послужила возрастанию в нём заботы и этим помогла ему утвердиться во

---

¹⁷ Ср. Мф 4:8-11.

внутреннем человеке; ведь тот, кто владеет всем миром и благодарит Бога, тот утверждается во внутреннем человеке. Он будет тогда радоваться совершенно иначе, чем тот удачливый, о котором шла речь вначале; ведь как раз тот, кто, имея мир, пребывает как не имеющий¹⁸, поистине имеет мир; в противном случае мир обладает им. Он радуется тогда всем благим дарам, но ещё более радуется он Богу и о Боге, Который их дал. И взор его радуется красоте земли, и он веселится о полноте своих житниц, и строит большие, и мирно ложится спать, и когда он слышит: «этой ночью Я душу твою взыщу у тебя», — он понимает, чего от него требуют, он тотчас же готов, и он умеет дать лучший отчёт о своей душе, которую он возьмёт с собой, чем о всём том великолепии, которым он владел и вот теперь оставляет, о всём том великолепии, которому он радовался и которое изо дня в день помогало ему утвердиться во внутреннем человеке посредством благодарения.

«Но удачу так легко понять», и всё же *одарённый* не может верно понять её. Посмотри на него, одарённого, кого природа наделила всем сполна, кому она дала крепость и ум, и

---

¹⁸ Ср. 1 Кор 7:29-31.

силу духа, и смелость сердца, и стойкость воли. Посмотри на него! Отчего трепещет порой в своём внутреннем он, заставляющий весь мир трепетать перед ним? Отчего изнемогает порой от страха он, владеющий всем благодаря своему уму? Отчего чувствует порой бессилие в своём внутреннем он, кто на всё перед собой смотрит бесстрашно? Или разве иметь силу и не знать, для чего она у тебя — не повод содрогаться от страха в минуту покоя и чувствовать бессилие в свободное мгновение?! Гражданское правосудие бдит над тем, чтобы всякий пребывал в пределах своих границ, чтобы каждый единственный служил целому. И если оно находит человека, сила которого будит всеобщее внимание, оно требует у него объяснения, для чего он употребляет её, и если он не может дать объяснения, она начинает подозревать его в том, что он, быть может, не добропорядочный гражданин, а нарушитель общественного порядка. Человеческое правосудие — лишь слабое подобие божественного, и последнее тоже приходит к единственному, ведя ещё более строгое расследование. Если оно встречает человека, который на вопрос для чего это у него, не может ответить ничего, кроме того, что он сам этого толком не

знает, божественное правосудие становится подозрением против него. Оно, быть может, и не отбирает у него силу, ведь он мог ещё не употребить эту неверно; но оно присутствует как страх в его душе, который обнаруживает себя, когда человек меньше всего этого ожидает. Чего недостаёт тогда такому человеку? Чего, если не того, чтобы быть утверждённым во внутреннем человеке? — Напротив, тот, в чьей душе в заботе обретается внутренний человек, он не радуется, обнаруживая в себе силу. Он становится беспокоен и чуть ли не напуган самим собой. Со страхом убеждается он в том, сколь многое он может. Но если ему не удаётся отделаться от этой силы в себе, его забота и сердечный страх всё возрастают и возрастают, пока в этой заботе не рождается утверждённость во внутреннем человеке. Тогда он знает уже не только то, что у него есть сила, но и то, чего не знал первый одарённый — то, Кому за это причитается честь и Кому она принадлежит по праву. Тогда он радуется тому, что всё, предпринятое им, удаётся, тогда он жаждет достичь цели, к которой стремится, но ещё более он радуется Богу и жаждет мгновения, когда он с Богом своим возрадуется удаче. Тогда душа его простирается на весь

мир, и планы его широко охватывают землю, но когда в тишине ночи он слышит: «Дай отчёт в управлении твоём»¹⁹, — он знает, что значит это требование, он умеет отчитаться о том, как он распоряжался вверенным ему; и даже если при этом у него есть недостача, он без страха оставляет мир замыслов и состязаний, которому не столь уж принадлежала его душа, оставляет умно развиваемую и широко простёртую деятельность, которая была для него изо дня в день поводом для того, чтобы утверждаться во внутреннем человеке.

«Но удачу так легко понять», — и всё же её порой совсем не понимает человек, знакомый с трудностями. Посмотри на него! Он знает, что в жизни есть нужда, он в тяготах признал в себе, сколь беспомощен и слаб человек со своими собственными силами. Но он не потерял мужества; он не отчаялся, он продолжал свой труд. Достиг ли он этим чего-либо, сдвинулся ли вперёд или назад, продвинулся ли или остался на месте, — этого он не знал; ведь его всё более обступал мрак и стояла словно бы постоянная ночь. Но он трудился из последних сил. И смотри! Над ним вновь вставало солнце удачи, всё освеща-

---

¹⁹ Ср. Лк 16:1-13.

ло, всё делало ясным, давало ему увидеть, что он продвинулся весьма далеко и что он достиг того, ради чего работал. Тогда он раздувался в своей душе, говоря: «Так и должно было произойти, ведь человеческие усилия не остаются без плода». И вот по легкомыслию он всё упускал и ничуть не утверждался во внутреннем человеке. Он забывал то, что признавал во время нужды; забывал, что обретенное им не стало теперь, когда оно к нему пришло, надёжнее, чем было тогда, когда он признавал, что не может рассчитывать достичь его своими собственными силами. Неудачу он понимал, но удачу не мог понять. И внутренний человек словно бы покидал его душу. И если бы правосудие посетило его и потребовало бы от него объяснения, разве было бы оно довольно его ответом? Ему было бы проще понять Господа в поддержке, подобной молнии, единожды сверкнувшей в ночи; но вот настал день, и он не сумел увидеть небесной поддержки. — Напротив, тот, в чьей душе обретается в заботе внутренний человек, тот, когда день радости торжествовал над мраком, до конца утверждался во внутреннем человеке; ведь принять радость без этой заботы о свидетельстве, откуда она, значило бы отдаться

обману. Но такое свидетельство он принял с радостной благодарностью, ведь оно, придя, не нашло его спящим²⁰. И внутренний человек изо дня в день возрастал в приятности Богу. И когда однажды Господь призвал к Себе своего слугу из этого мира, тот знал путь к Нему, и оставил всё, и взял с собой лишь свидетельства, в которых обреталось его блаженство.

«Но удачу так легко понять», и всё же неудачник часто совсем не понимает её, и не знает на самом деле, что это такое, говоря о ней. С удачливым можно говорить без особой опаски, ведь если сказанное ему не понравится, он может порадоваться своей удаче и презрительно отнестись к говорящему. Но говорить с неудачником совсем другое дело; здесь приходится опасаться, чтобы твоя речь, не придясь ему по сердцу, не стала для него новой мукой, чтобы он не стал ещё нетерпеливее, полагая, что говорящий не знает по себе того, о чём говорит, и не обиделся на то, что его желает утешить тот, кто не испытал его страданий. Но, как бы то ни было, верно, что неудачник часто не понимает, что такое удача. Хотя в другом смысле кто понимает это лучше, чем он? Ведь кто лучше бы

---

²⁰ Ср. Мф 26:37-46.

мог рассказать об удовольствии быть богатым, нежели тот, кто питается крохами; кто ярче изобразил бы силу и власть, чем тот, кто томится в рабстве; кто увлекательнее описал бы прекрасное единение людей, чем тот, кто одинок в жизни? Но умеющий нечто изобразить не всегда, пожалуй, понимает сам себя; а тот, кто не понимает сам себя, как мог бы в более глубоком смысле постичь то, что присутствует вне него? Если же он, напротив, понимает себя, или ищет себя понять, если он поистине заботится о том, чтобы себя понять, если внутренний человек обретается в этой заботе, тогда он поймёт удачу, тогда он поймёт смысл того, что ему отказано в ней, тогда он не будет занимать себя представлениями и укреплять себя мечтаниями, но в невзгодах станет заботиться о самом себе.

Тогда и неудача помогает утвердиться во внутреннем человеке. Казалось бы, может ли быть иначе? Ведь внутренний человек обретается в заботе, а неудача как раз даёт всему внешнему, видимому, осязаемому уйти и нарушиться. Но всегда ли озабоченность этим одновременно вызывает к жизни внутреннее? И трудности всегда заботят человека, но всегда ли эта забота — о Боге? Не чаще ли жизнь подтверждает пра-

воту серьёзного слова, принадлежащего тому, кто предостерегал от неудач²¹, и значит сказанного им со знанием дела: слова о том, «что и трудности это искушения». Посмотри на того, *кого гложут заботы!* Посмотри на него внимательнее, ты едва ли узнаешь в нём того, кого знал в то время, когда он такой радостный, такой сильный, такой доверчивый вышел в жизнь. Тогда ему было столь ясно и столь желанно его предназначение в жизни, и мысль его знала, к чему он стремится, и сердце держалось этого, и сила его непрестанно трудилась — и надежда обещала ему счастливый итог его стремлений. Ведь в нём жила и надежда, этот отеческий дар неба ребёнку; надежда, которая с ребёнком вырастает и с которой юноша выходит в жизнь. Эта надежда была готова за всё ему поручиться. Кто, — думал он, — дал ему эту надежду, если не Бог, Сущий на Небесах; а тогда не должна ли она быть оправданной во всём этом мире, во всех государствах и царствах, принадлежащих небесному Царю, дающему её человеку! Но оказывалось, что всё обстоит не так, и вскоре трудности вырывали у более сильного или выманивали у более слабого его прекрасную на-

---

²¹ Епископу Мюнстеру.

дежду. Тогда он совершенно терялся. На небе для него больше не было Господа, огромный мир оказывался ареной дикого мельтешения жизни, и не было ни уха, которое бы собрало путаницу звуков в созвучия, ни руки, которая со властью вмешалась бы в происходящее. Какие бы утешения ни были доступны ему в жизни, надежда, полагал он, была потеряна — и надежда оказывалась потеряна. Тогда его душу начинали мучить заботы. И чем более пристально смотрел он вниз на то беззаконие, в котором, как ему казалось, всё растворялось, тем большую силу получало оно над ним, пока наконец оно не околдовывало его совершенно так что, его мысль начинала кружиться и сам он падал в него и терял себя в отчаянии. Или если заботы не получали над ним такой соблазняющей силы, его душа становилась всё же безучастной и чуждой всему. Он смотрел на всё подобно другим, но его глаза постоянно читали невидимые письма, говорящие, что всё есть ложь и пустота. Или он начинал избегать людей и втайне убивал свою душу, изнуря её заботами, темными мыслями, бесплодным служением беспокойным настроениям. Чего недоставало такому человеку, чего он не обрёл, всё потеряв, если не утверж-

дения во внутреннем человеке? — Напротив, тому, в чьей душе обреталась внутренняя забота прежде, чем её достигали заботы, идущие извне; тому, чью душу радость никогда не захватывала настолько, чтобы он перестал искать Божьего свидетельства, а внешние заботы никогда не переполняли так, чтобы для него исчезала возможность радоваться, пока он был только ещё в поиске Божьего свидетельства, — ему заботы, приходящие извне, мало-помалу становились друзьями. Они соединялись в нём с внутренней заботой, предотвращавшей его от неверного взгляда на жизнь и помогавшей дать душе возможность погружаться в свои заботы до тех пор, пока не будет найдено искомое свидетельство. И он мало-помалу становился всё более лёгким, он постепенно сбрасывал земную тяжесть мирских желаний и обретал покой в Божьем свидетельстве, радуясь обретённой на этом пути надежде. Надежда эта — та, о которой Писание говорит, что она приходит от опытности²². О какой опытности говорит Писание; о той ли, в которой человек убеждается, что получает всё, чего он надеется получить? Писание говорит, что эта опытность происходит от скорбей. Зна-

---

²² Рим 5:4.

чит, проистекающая из неё надежда не может быть обращена на мирское, ведь она приобретается в нужде, и обретает силу благодаря нужде. Итак, неудача помогала ему утвердиться в внутреннем человеке; ведь тот, кто научился тому, чему он научен, благодаря страданию, и научился хорошему благодаря страданию, он не только получил лучшее образование, но и нашёл нечто гораздо большее — лучшего Учителя; а тот, кого учит Сам Бог, утверждается во внутреннем человеке. Даже если бы он при этом потерял всё, он бы и выиграл всё; Авраам владел только склепом в Ханаане, и всё же был избран Богом.

Посмотри на *обиженного*. Он жалуется не на жизнь, а на людей, которые губят и отравляют всё, что Бог соделал хорошо весьма²³. Посмотри на него внимательнее. Ты едва ли узнаешь в нём того, кого ты мог знать в то время, когда он, отважный и юный, выходил в жизнь, исполненный ожиданий, и лицо его было таким открытым, сердце таким горячим, душа столь скорой на то, чтобы спешить навстречу каждому человеку; во всём он находил лишь радость и великолепие. Но всё оказалось совсем иным, чем он думал. Вскоре, как он объяснял это, предательство лю-

---

²³ Быт 1:31.

дей лишило его веры, их лукавство лишило его сердце открытости, их холодность и самолюбие угасили в нём вдохновение, их зависть втоптала в болото ничтожества, в каковом они жили сами, его мужество, его силу, его пламенность, его гордое стремление, его удивительное дело. Как ни старайся прожить, думал он, люди — существа падшие. И тут он совершенно терялся. Для него не было теперь никакого Бога, Чей Промысел направлял бы всё ко благу; всё было предоставлено людям, все помышления которых на зло. И чем более пристально смотрел он вниз на бездну мрачных страданий, разверзавшуюся перед ним, тем большую силу обретал над ним страх перед искушением, в каковое он в конце концов и впадал, теряя себя в отчаянии. Или если страдание не увлекало его столь сильно, он становился бесчувствен к людям: он видел, что с другими происходит то же, что некогда было с ним, но оставался к ним безучастен, ведь он не мог предложить им никакого утешения. Или же он избегал людей, чтобы в глубине души погрузиться в свою безутешную мудрость и исследовать помыслы отчаяния во всём его ужасе. Или же он становился согбен, как тростник, и чах в изнуряющем унынии и страхе перед самим со-

бой и перед всяким, кто был свидетелем его угасания. — Напротив, тот, в чьей душе обретался внутренний человек в заботе, о которой мы говорим, тот, чью душу никакая человеческая любовь не наполняла так, чтобы из души ушло Божье свидетельство, тот никогда не относился к людям так, как этот обиженный, хотя, возможно, он находил их иными, нежели надеялся и желал их найти. Ведь даже если случалось ужасное, если люди чинили ему насилие или оставляли его обманутым, если враг преследовал его, если друг предавал его, если зависть расставляла у него под ногами силки, что могли они ему сделать? Они могли лишь укрепить его заботу, они могли помочь ему вырвать из души всякое чувство, которым он принадлежал творению так, что не принадлежал одновременно Творцу. Но они не могли воспрепятствовать тому, чтобы тоска по Боге, бывшая в его душе, всё глубже и внутреннее Его искала. Ведь тот, кто ищет Бога, всегда Его находит; тот же, кто понуждает к такому исканию, помогает Его найти. И вот его душа всё внутреннее исполнялась заботы, пока наконец не находила Божьего свидетельства; ведь тот, кто любит Бога, утверждается во внутреннем человеке. Тот, кто любит людей

и только с помощью этой любви научился как будто любить Бога, прошёл очень несовершенное воспитание; но тот, кто любит Бога и в этой любви научился любить людей, тот стал утверждён во внутреннем человеке. Человек, который отказал бы ему в своей любви, тем самым помог бы ему найти любовь Божию, которая блаженнее, нежели та, что приходит на сердце человеку²⁴; друг, отказав ему в утешении, тем самым помог бы ему найти утешение Божие, которое Бог даёт не мерой; мир, отказав ему в одобрении, тем самым помог бы ему найти одобрение Божие, превосходящее всякий ум.

Посмотри на *искушаемого*, проходящего нелёгкое испытание. Быть может, ты реже замечал его; ведь искушение не всегда являет себя внешне. Он оказался испытан не в том, что мы назвали здесь неудачей; и люди не оставляли его, напротив, во внешнем отношении всё было ему дружественно и благопокорно. Но душа его обреталась в нужде, и поскольку нужда эта заключалась не во внешнем, он не мог ждать утешения от людей. Всё внешнее ему удавалось, и всё же душа его была в страхе, была лишена уверенности и дерзновения. Он не искал себе мира

---

²⁴ Ср. 1 Кор 2:9.

и покоя во внешнем, и всё же его сердце было отягощено. Внутренний человек в нём изнемогал, и внешняя удача словно бы была нужна здесь лишь для того, чтобы поддерживать в нём внутреннее страдание, чтобы не дать ему найти успокоения в мирских тяготах; на него как будто Сам Бог возложил Свою крепкую руку; казалось, он был чадом гнева²⁵, но он был не в силах лучше понять или объяснить себе это. Тогда его внутреннее возмущалось в нём, тогда он делал то, о чём говорится в старом назидательном тексте²⁶: «хвалился своей погибелью» и тем, что это Бог низверг его в погибель. И внутренний человек цепенел в нём. — Напротив, тот, в чьей душе обретался внутренний человек в заботе, о которой мы говорим, тот держался этой заботы. Если он и не находил разъяснения происходящему с ним, он всё же находил то разъяснение, что он должен ждать разъяснения. И он находил то разъяснение, что Бог его испытывает, и находил утешение в том, что когда Бог испытывает, время тянется очень медленно, но Бог может всё возместить, ведь для Него один день как ты-

---

²⁵ Ср. Еф 2:3.

²⁶ «Немецкая теология».

сяча лет²⁷. И он становился тише в своей нужде. Он не бежал от тяготы искушения, которое оказывалось для него таящимся под маской верным другом, даже если он и не понимал, каким образом, даже если он и напрасно усиливался мыслью раскрыть эту загадку. Но по мере того, как забота в нём возрастала, и притом возрастала в мире и смирении, он неизменно, сколь бы ни было тяжело, всегда выбирал лучше быть в искушении, нежели в каком-либо ином месте в мире, пока наконец он в твёрдой убеждённости веры не получал свидетельства от Бога; ведь тот, кто верит Богу вопреки рассудку, утверждается во внутреннем человеке. Искушение послужило его утверждению во внутреннем человеке, и он понял самое прекрасное и радостное — понял, что Бог его любит; ведь Бог кого любит, того испытывает²⁸.

Итак, и удача, и неудача могут помочь утвердиться во внутреннем человеке. Но никакой человек не может сам себя утвердить в нём, также как тот, кто принимает свидетельство, не есть Тот, Кто его даёт. Об этом Павел так-

---

²⁷ 2 Пет 3:8

²⁸ Евр 12:6; Притч 3:12. В русском синодальном переводе: «...кого любит, того наказывает».

же напоминает в читавшемся нами послании. Ведь свидетельство само есть дар от Бога, от Кого нисходит всякий благой и совершенный дар²⁹, оно есть самый дивный дар, нисходящий от Отца Небесного, от Которого именуется всякое отцовство на небесах и на земле³⁰. Это слова апостола, и этому Божиему отцовству приписывает он утверждение во внутреннем человеке — так, что Божия любовь именно в этом — в том, что она утверждает во внутреннем человеке — проявляется как любовь Отеческая. Мы называем Бога Отцом, человек радостно и доверчиво утешается этим именем как самым прекрасным, самым возвышенным, но и самым правдивым и самым осмысленным; и всё же это выражение является образным, оно взято из земной жизни, пусть даже из самого прекрасного, что есть в земной жизни. Но если это выражение является образным, переносным, достигает ли оно тогда действительно до небес, дабы назвать то, чему оно должно дать имя, не изнемогает ли оно тем сильнее, чем выше оно поднимается, как и всякая земная тоска, говорящая всегда темно. Да, для того, кто обращён

---

²⁹ Иак 1:17.

³⁰ Еф 3:15. В синодальном переводе: «...отечество...»

к внешнему, это выражение становится иносказательным и не исконным; ведь, полагая, будто Бог даёт благие дары подобно земному отцу, и будто эти дары как раз и показывают, что Бог — наш Отец, он судит внешне и для него самая истина становится иносказанием. Но внутренний человек смотрит не на дары, но на Дающего, человеческое различие между тем, что можно назвать дарами и тем, что язык не склонен так называть, исчезает для него в существе Дающего; радость и печаль, удача и неудача, нужда и победа для него — дары, ведь главным является для него Сам Дающий. Внутренний человек понимает тогда, он убеждён тогда в том, что Бог — Отец Небесный, и что выражение «Отец» не является здесь переносным и потому несовершенным, но является исконным и истинным, потому что Бог не просто даёт дары, но с ними дарует и Себя Самого, на что не способен человек, в даре которого может присутствовать его чувство или его настроенность, но не самое его существо, и который не может проникать собой всё содержание дара, не может весь целиком присутствовать в даре и, тем более, в каждой из малейших его частиц. Ты, мой слушатель, не раз думал, что если эта мысль о Боге как Отце

изошла из земного отцовского дома и блуждала в мире, ища подняться до представления о Нём, всемогущем Боге, Творце неба и земли, как Отце всех людей, то всё же у Бога ты оказывался лишён того, что было твоим уделом в доме земного отца — лишён предпочтения перед другими, которое ты имел лишь потому, что ты был его ребёнком, а он твоим отцом — лишь твоим отцом; и мы не будем отрицать того, о чём ты мог тогда думать — того, что сравнение было здесь не совсем точным. Но ведь если ты приходил к своему земному отцу в безмерной радости оттого, что ты приобрёл весь мир, ты, наверное, и в нём находил ответную радость; ведь как ему не радоваться с радующимся³¹, тем более с тем радующимся, который был ему дороже всех? Но именно потому, что он любил тебя, он радовался словно бы наугад, не зная, не будет ли тебе в погибель то, что ты приобрёл. Напротив, если ты, радуясь о том, что приобрёл весь мир, приходил к своему Небесному Отцу, то Он полностью разделял с тобой твою радость, поскольку то, что ты радовался с Ним, было тебе порукой в том, что твоё приобретение послужит тебе во благо. — Или если ты в слезах и печали прихо-

---

³¹ Рим 12:15.

дил к своему земному отцу, он, наверное, тоже в ответ плакал, ведь как ему не плакать с плачущим³², тем более с тем плачущим, которого он любил больше всех? Но ты не мог сделать так, чтобы он до конца тебя понял; он скорее печалился оттого, что ты печалился, нежели печалился о том, о чём печалился ты. Напротив, если ты приходил в печали и в душевной тяготе к своему Небесному Отцу, он был Единственным, Кто имел уши, чтобы слышать говоримое втайне³³, и Отцовство, чтобы это верно понять. — Или ты приходил к своему земному отцу согбенным, терзаемым заботами, и находил его слабым, колеблющимся, не имеющим для тебя утешения, и твоя боль лишь усиливалась от его ответной печали; но когда ты приходил раздавленный и уничтоженный к своему Небесному Отцу, ты находил Его сильным, и тем сильнее, чем слабее ты был, готовым помочь тебе, и тем более готовым помочь, чем больше в это была нужда... Мой слушатель! Сравнение здесь отнюдь не является точным. Но вот теперь ты можешь понять, что не по образу отца, который есть у тебя, как и у всякого человека, Бог именуется

---

³² Рим 12:15.

³³ Ср. Мф. 6:6.

Небесным Отцом, но, напротив, как говорит апостол, от Него именуется всякое отцовство на небесах и на земле; так что даже если тебе дан самый любящий из отцов, то и он, при своём самом лучшем расположении, есть лишь отчим, лишь тень, лишь отсвет, подобие, образ, тёмная речь, напоминающая о том Отцовстве, от Которого получает имя всякое отцовство на небесах и на земле. О, мой слушатель! разумеешь ли ты это блаженство? Напомнила ли тебе моя речь о том, чем ты владеешь лучше, и глубже, и полнее, и блаженнее, чем я могу это описать; и не внесла ли она расстройств во что-либо из того, чем ты обладаешь? Ведь что может быть блаженнее этой мысли, что никакая удача, никакая одарённость, никакая забота, никакая обида, никакое искушение, ни настоящее, ни будущее³⁴ не могут искоренить человека, но могут послужить тому, чтобы укрепить и утвердить его.

* * *

Первое — лучшее, говорят люди, и сердце хранит это: первого человека, который приветствовал тебя, когда ты появился на свет; первое небо, свод которого простирался над местом,

---

³⁴ Ср. Рим. 8:38-39.

где ты родился; первый язык, называемый материнским; первую землю, называемую отчизной; первое учение, что расширило твою душу; первых сверстников, понявших тебя; первые мысли, которые тебя вдохновили, первую любовь, которая сделала тебя счастливым, — и блажен человек, который может сказать: Бог, Сущий на небесах, был моей первой любовью; блажен человек, чья жизнь была благословенным утверждением в этой любви, блажен человек, который даже если и ошибался в жизни, и порой держался внешнего, а не внутреннего, и даже если его душа многообразно была обманута в мире, всё же обновлялся во внутреннем человеке³⁵, обращаясь к Богу своему и будучи утверждаем во внутреннем человеке.

---

³⁵ 2 Кор 4:16.

**ЧЕТЫРЕ
НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ
БЕСЕДЫ**

1843

---

*Покойному
Михаэлу Педерсену Кьеркегору
бывшему торговцу трикотажем
в нашем городе
моему отцу посвящаются
эти беседы*

Предисловие

Х

отя эта небольшая книга (названная «беседами», а не «проповедями», поскольку её автор не имеет власти *проповедовать*, «назидательными беседами», а не беседами для назидания, поскольку говорящий вовсе не претендует быть учителем) и не осталась в неведении о двух, вышедших прежде неё, она ничуть не надеется на то, что эти две проложили ей путь; не ждёт, что она к ним просто присоединится; и не обещает этого тому, кто выпускает её и в то же мгновение вновь оказывается отстоящим далече от себя самого. Она

отличается от прежних лишь тем, что выходит немного позже. Тот, кого не случилось найти со второго и с третьего раза, быть может, найдётся с четвёртого, а тот, кто был тогда уже найден, найдётся и в этот, четвёртый, раз: тот Единственный, кого она ищет, и кого я с радостью и благодарностью называю *моим* читателем; тот добрый человек, кто принимает книгу, даруя ей хорошее место; тот, кто сам, принимая её, становится для книги тем, чем стала сокровищница для лепты вдовицы: тем, кто освящает дарованное, придаёт ему смысл и преумножает его.

С.К.

1. ГОСПОДЬ ДАЛ, ГОСПОДЬ ВЗЯЛ — БЛАГОСЛОВЕННО ИМЯ ГОСПОДНЕ

И тогда встал Иов, и разодрал ризу свою, и обрил главу свою, и повергся на землю, и преклонился, и сказал: «Наг вышел я из родимых недр и наг возвращусь назад. Господь дал, Господь взял — благословенно имя Господне!»

— Иов 1:20-21.

Учителем для людей мы называем не только того, кто открыл некую истину благодаря удаче или же постиг её, неустанно трудясь, и найденное оставил после себя в наследство как учение, которое следующие поколения стараются понять и тем самым усвоить; но и того — быть может даже в более строгом смысле — кто не оставил после себя никакого учения, но оставил в наследство человеческому роду лишь самого себя как образ, свою жизнь как указание пути для всякого человека, своё имя как утешение многим, свой подвиг как ободрение избранным. Таким учителем

для людей, указующим путь, был Иов; он важен не тем, что он сказал, но тем, как он поступил. Он, конечно, оставил после себя высказывание, которое в силу краткости и красоты стало поговоркой, сохраняемой из рода в род так, что никто не дерзнул что-либо к нему прибавить или что-либо от него отнять; но само это высказывание не может служить руководством, и Иов значим не тем, что он это сказал, но тем, что соблюдал это на деле. Слово его само, конечно, прекрасно и достойно рассмотрения, но если бы его сказал кто-нибудь другой, или если бы Иов был другим, или если бы он сказал его при других обстоятельствах, это слово стало бы другим, означающим нечто — если бы оно вообще тогда что-то значило — как высказывание, но не имеющим значения, связанного с тем, что сказать это было для Иова поступком, что само это высказывание было поступком. Если бы Иов положил всю свою жизнь на то, чтобы утвердить это слово, если бы он видел в нём сумму и итог того, чему человек должен дать жизни научиться себя, если бы он просто постиг его сам в себе, но никогда бы не испытал его, никогда не сказал бы это слово так, чтобы сказать его было поступком, то Иов был бы кем-то другим и зна-

чил бы что-то другое. Тогда имя Иова забыли бы, или было бы всё равно, знают ли его, — ведь главным было бы содержание слова, мысль, которую оно бы несло. Если бы люди тогда восприняли это слово, то именно оно стало бы тем, что передавалось бы из рода в род; тогда как на деле, напротив, сам Иов, а не это его слово, сопровождает поколение за поколением. Когда уходит поколение, свершив своё дело, окончив битву, Иов идёт вместе с ним; когда новый род необозримым войском и каждый единственный в нём стоят на своём месте, готовые двинуться в путь, Иов снова здесь, он занимает своё место, свой пограничный пост человечества. Когда поколению выпадают лишь дни радости и счастливые времена, Иов верно следует с ним; и если единственный проживает страшное в мысли, содрогаясь от представления о том, какие тяготы и кошмары может таить в себе жизнь, о том, что никто не знает, когда для него пробьёт час отчаяния, то его беспокойная мысль находит Иова и обретает в нём покой, умиротворяется им; ведь Иов верно сопровождает и утешает не как тот, кто один вместо всех перенёс бы нечто такое, чего уже никому после него не пришлось бы терпеть, — но утешает, будучи тем, кто сви-

детельствует, что самое страшное испытано, что ужасное пережито, что битва отчаяния завершилась Богу во славу, ему во спасение, всем другим во благо и в радость. В дни радости, в счастливые времена Иов сопровождает поколение, утверждая его в радости, борясь с беспокойными грёзами, будто внезапный кошмар способен, обрушившись на человека, иметь силу убить его душу, словно законную добычу. Лишь легкомысленный мог бы пожелать, чтобы Иов не сопровождал его, дабы доброе имя Иова не напоминало ему о том, о чём он хотел бы забыть: о том, что в жизни есть место страшному и ужасному; лишь самолюбивый мог бы пожелать, чтобы Иова не было рядом с ним, дабы мысль о страдании Иова не расстроила его немощную радость, не вырвала его из его косной и погибельной нетрезвой уверенности. В бурные времена, когда самые основы сущего потрясены, когда мгновение трепещет, в страхе ожидая грядущего, когда перед лицом дикого возмущения немеет всякое разъяснение, когда во внутреннем своём человек стонет в отчаянии и в «удручении души»¹ жалуется небу, Иов сопровождает поколение, ручаясь в том,

---

¹ Иов 7:11.

что и здесь есть место победе, и что если даже единственный терпит поражение в этой борьбе, здесь всё же присутствует Бог, Который ведь сделал всякое искушение не более, чем человеческим², и Который, даже если человек не выстоит в искушении, сделает исход его таким, чтобы мы смогли это понести, и даже сделает его прекраснее всего, чего можно было бы по-человечески чаять. Лишь упрямец мог бы пожелать, чтобы Иова не было рядом, дабы ему удалось освободить свою душу от последней любви, которая, впрочем, вернулась бы к нему в крике ропота и отчаяния; дабы он мог жаловаться и даже проклясть жизнь безо всякого отзвука веры, доверия и смирения в голосе; дабы в упрямстве он сумел задушить и самый свой крик, чтобы ничто не выдало того, что есть Никто, Кому он хотел бросить вызов. Лишь изнеженный мог бы пожелать, чтобы Иова не было рядом, дабы ему суметь чем скорее, тем лучше ослабить всякую мысль, в дряхлом бессилии отказаться от любых подвижек, исчезнуть в ничтожном и позорном забвении.

Слово, напоминающее об Иове, как только его произносят; слово, которое оживает в уме

---

² 1 Кор 10:13.

всякого человека, стоит лишь назвать имя Иова, — просто и незамысловато, в нём не сокрыто никакой таинственной мудрости, достойной глубокомысленных исследований. Когда ребёнок читает это слово, и оно вверяется ему, как приданное, про которое он ещё не знает, на что его употребить, он понимает это слово, и понимает в нём по сути то же, что и мудрейший из людей. И всё же ребёнок не понимает его, или, вернее, он не понимает Иова, ведь ему никак не постичь той нужды и беды, в которой Иов был испытан. Ребёнок может иметь об этом лишь тёмное предчувствие; но — благословен ребёнок! который понял это слово, и почувствовал, что то, что он не в силах здесь постичь, это самое ужасное из всего, что может быть; который по-детски живо и ясно решил, что это — самое ужасное, ещё не зная невзгод и трудностей, способных стать поводом лукаво сомневаться в этом. Когда юноша обращается к этому слову, он понимает его, и понимает в нём по сути то же, что и ребёнок, и мудрейший из людей. И всё же юноша, пожалуй, не понимает его, или, вернее, он не понимает Иова, не понимает, откуда возможно прийти той нужде и беде, в которой Иов был испытан; но — благословен юноша!

который понял это слово, и смиренно принял то, что он не понял, ещё не зная нужды, способной стать поводом своевольно думать, будто ты столкнулся с чем-то, чего никому до тебя не доводилось вкусить. Когда взрослый рассматривает это слово, он понимает его, и понимает в нём по сути то же, что и ребёнок, и мудрейший из людей. Он понимает горе и нужду, в которых Иов был испытан, и всё же он, пожалуй, не понимает Иова, ведь он не в силах понять, как Иов был в состоянии это сказать; но — благословен муж! который понял это слово и восхищённо удержал то, что он не понял, и никакие горе и нужда не побудили его с недоверием думать об Иове. Когда испытанный, подвизавшийся подвигом добрым³, вспоминая это слово, проносит его, он понимает это слово, и понимает в нём по сути то же самое, что и ребёнок, и мудрейший из людей, он понимает беду Иова, он понимает, как Иов мог это сказать. — Он понимает это слово, и он толкует его, — даже если никогда ничего об этом слове не скажет, — лучше, чем толковал бы его тот, кто всю жизнь положил бы на то, чтобы изъяснить одно это слово.

---

³ Ср. 2 Тим 4:7

Лишь испытанный — тот, кто испытал это слово, сам будучи испытан — толкует это слово верно; только такого ученика, такого толкователя Иов желает себе; лишь таковой учится у Иова тому, чему стоит у него учиться, тому столь прекрасному и блаженному, что всякое иное искусство и всякая иная мудрость по сравнению с этим являются детскими забавами. Но Иова мы поистине верно называем учителем человечества, а не учителем некоторых людей, ведь он каждому предстаёт как ориентир, каждого вдохновляет своим примером, каждого зовёт своим дивным словом. Бывает, что простоватый, не слишком одарённый или не слишком обласканный временем и судьбой человек коли не с завистью, то с озабоченным недовольством желает получить способность и возможность проникнуть в то, до чего докопались мудрецы и учёные как до верного на все многообразные времена, в душе питая жажду не перестанно учиться, а стать самому способным учить других. Но Иов никогда не соблазнит такового. Ведь что общего у него с человеческой премудростью? Разве может она сделать понятнее то, что легко понимают и простец, и ребёнок — понимают так же хорошо, как самый мудрый из

людей?! На что здесь красноречие и сила слова? Разве могут они помочь говорящему или ещё кому-то совершить то, на что простец способен наравне с величайшим из мудрецов: поступок?! Разве, напротив, человеческая премудрость не сделает всё лишь более трудным, а искусство красноречия, — не способное при всём своём великолепии разом высказать то многообразное, что вместе живёт в человеческом сердце, — не одурманит силу действия, навевя ей сон пространным рассмотрением?! Впрочем, хотя это и так, и единственный не желает, чтобы его речь вторглась некстати между подвизающимся и тем, кто служит ему дивным примером и чей пример одинаково близок всякому человеку; старается не увеличить печаль подвизающегося, умножив его мудрость; следит за тем, чтобы подвизающийся не поймал сам себя в красивые слова бесплодных человеческих увещаний, — из этого всё же вовсе не следует, что рассмотрение и размышление ничего не значат. Ведь если размышляющий не знал ранее слово Иова, ему в любом случае было бы полезно его узнать; если же он знал это слово, но не имел случая испытать его в своей жизни, ему было бы полезно понять, что однажды ему, быть может, придётся

и на деле прибегнуть к нему; если он испытал это слово, но предал его, — возможно, полагая, будто это слово предало его, — ему будет полезно ещё раз рассмотреть это слово прежде, чем в буре сражения и огне борьбы снова бежать от него. Быть может, размышление обнаружит вдруг, какой смысл несёт для него это слово; быть может, размышление окажется живым и действенным в его душе как раз тогда, когда он будет нуждаться в нём для того, чтобы миновать сбивающие с толку мысли беспокойного сердца; быть может, то, что размышление рассмотрело по отдельности, соберётся воедино и оживёт в мгновение решения, и то, что размышление сеяло в тлении, восстанет в день нужды в нетленной жизни поступка.

Давайте же постараемся лучше понять Иова в его удивительном слове: *Господь дал, Господь взял — благословенно имя Господне!*

Жил в земле восточной человек, которого звали Иов; ему принадлежали блага земли, бесчисленные стада и сочные пастбища; «поднимало падшего слово его, и колена дрожащее

он укреплял»⁴; в его шатре жизнь текла блаженно, словно в лоне небес, и в этом шатре жил он с семьёю сыновьями и тремя дочерьми, и в этом шатре с ним «обитала близость Божия». Иов был человек в летах, его радостью в жизни была радость его детей, о которой он бдёл, дабы она не стала им в погибель. И вот сидел он как-то у своего очага, когда его дети собрались в дому одного из братьев для радости. И он принёс искупительную жертву за каждого из них в отдельности, и сердце его возрадовалось при мысли о детях. И вот когда он сидел в тихой и уверенной радости, приходит вестник, и тут же, не успев ещё этот вестник договорить, приходит второй, и когда он ещё говорит, приходит третий, и вот четвёртый посланник пришёл от его сыновей и дочерей сказать, что дом упал на них, и они мертвы. «И тогда встал Иов, и разодрал ризу свою, и обрил главу свою, и повергся на землю, и преклонился, и сказал». Его скорбь не была многословна, вернее, Иов не произнёс ни единого слова, лишь облик его говорил о том, что его сердце разбито. Да и разве хотел бы ты, чтобы было иначе?! Разве тот, кто вменяет себе в честь то, что он не печалится в день

---

⁴ Иов 4:4

печали, не срамит себя тем, что он не способен радоваться в день радости? И разве не безотраден и безжизнен, и даже возмутителен вид такой неизменности; и не дивно ли, напротив, видеть почтенного старика, который только что сидел с отечески заботливым лицом в Господней радости, и вот повергся теперь на землю в разодранной ризе и с обритой головой! Когда он так, без отчаяния, с человеческим чувством предался печали, он был скор на то, чтобы рассудить между Богом и собой; и вот слово его суда: «Наг вышел я из родимых недр, и наг возвращусь назад». Так укротил он в своей душе борьбу и привёл в молчание всякое стремление взыскать с Господа чего-то, чего Он не хочет дать, или же удержать нечто так, словно бы это не было даром. И вот мы слышим исповедание человека, которого на землю повергла не только скорбь, но и преклонение: «Господь дал, Господь взял — благословенно имя Господне!» —

Господь дал, Господь взял. Первое, что побуждает здесь задуматься, это то, что Иов сказал: «Господь дал». Не является ли это слово не относящимся к делу, побудившему Иова заговорить; не говорит ли оно о чём-то, не связанном

с произошедшим? Если человек в одно мгновение лишился всего, что любил, лишился самого любимого, то разве потеря не овладеет им так, что он не в силах будет успокоиться настолько, чтобы это сказать, даже если во внутреннем он останется с Богом при сознании, что потерял всё. Быть может, он не позволит потере невыносимым грузом лечь ему на душу, но станет словно бы отдалять её от себя, говоря в смятении сердца: Бог взял. И это тоже достойный образ действия, которого хорошо искать: в молчании и смирении припасть к ногам Господа; поступающий так, в этом борении тоже спасёт свою душу, хотя и потеряет всякую радость. Но Иов! В мгновение, когда Господь взял всё, он говорит сначала не: Господь взял, — но прежде говорит: Господь дал. Это слово кратко, но в своей краткости оно в полной мере даёт понять то, что призвано явить: что душа Иова не сжимается в немой горестной покорности, но его сердце сперва расширяется в благодарении; что потеря всего в первую очередь делает его благодарным Богу за то, что Он дал ему благословение, которое теперь от него взял. С Иовом было не так, как с теми, кому Иосиф предсказывал, что будет 7 неурожайных лет, когда изобилие, бывшее в 7

плодородных лет, окажется совершенно забыто⁵. Его благодарность теперь иная, чем в то как будто уже бесконечно далёкое время, когда он принимал всякий благой и всякий совершенный дар⁶ из руки Божией с благодарением; но при этом она остаётся настоящей; и мысль о том, что Господь благ, по-прежнему жива в его душе. И вот он вспоминает всё, что дал ему Господь, и что-то, быть может, даже с большей благодарностью, чем когда он это получил; дары не стали для него менее прекрасны оттого, что теперь они взяты у него, нет, они столь же прекрасны, как и прежде, — прекрасны, потому что это Господь дал их; и теперь он явственнее видит как собственно прекрасное не дары, но Божию благодать. Он вспоминает богатство и изобилие, вновь покоя взор на сочных пастбищах и следя за бесчисленными стадами; он вспоминает, какая радость, когда у тебя есть семь сыновей и трое дочерей; и ему уже не нужно приносить никакой жертвы, кроме благодарения за то, что у него они были. Он вспоминает их, и быть может, на память ему приходят и те многие, кого он вразумлял, чьим ослабевшим дланям он воз-

---

⁵ Быт 41:29-30.

⁶ Иак 1:17.

вращал мощь и чьё колено дрожащее он укреплял⁷. Он вспоминает дни своего величия, когда он был силен и чтим в народе, когда «юноши прятались» от почтения к нему, «а старцы, поднявшись, оставались стоять»⁸. Он вспоминает с благодарностью, что его ноги не оставляли пути справедливости, что он «спасал кричащего бедняка, и сироту, что помощи не найдёт»⁹, так что «благословение страдальца было на нём», как это устроил некогда Бог. Слово Иова кратко, но оно значит у него очень многое; ведь его память не была такой же короткой, а благодарность не была забывчивой. Тихая грусть наполняла тогда его благодарную душу; он кротко и дружелюбно прощался со всем, что у него было, и в этом прощании всё уходило, становясь лишь прекрасным воспоминанием; и могло показаться даже, что не Бог это взял, но сам Иов отдал ему это обратно. Когда Иов сказал: Бог дал, — его душа была уже готова сказать следующее, угодное Богу, слово: Бог взял. — Быть может, был кто-то, кто тоже вспоминал в день скорби минувшие радостные дни, но его душа прони-

---

⁷ Иов 4:3-4.

⁸ Иов 29:8.

⁹ Иов 29:12.

калась от этого лишь ещё большим нетерпением. «Если бы он никогда не знал радости, боль не победила бы его; ведь что есть боль, если не представление, отсутствующее у того, кто не знает ничего от неё отличного; значит, именно радость сформировала и развила его так, что он стал способен воспринимать боль»¹⁰. И радость, о которой он теперь постоянно помнил как о том, чего он лишён; радость, нехватка которой переживалась им теперь сильнее, чем когда-либо, — оказывалась губительна для него. То, что было радостью его очей, эти очи страстно желали видеть вновь, и неблагодарность наказывала себя тем, что рисовала это ему ещё более прекрасным, чем оно когда-либо было; то, что некогда было ему под силу, он жаждал быть способен совершать и теперь, и неблагодарность наказывала себя мечтаниями о том, чего он никогда не сумел бы совершить на деле. И так он обрекал душу постоянно томиться голодом в ненасытимом желании. — Или, быть может, в его душе пробуждалось поглощающее его страдание оттого, что он не сумел вполне насладиться радостными днями, не выпил сла-

---

¹⁰ Ср. Марк Аврелий. Беседы с самим собой. Кн. 12. №22 и №25.

дострастно до дна их сладкое изобилие. О, если бы теперь ему выпало хотя бы мгновение счастья, если бы он хотя бы ненадолго мог вернуться к былому великолепию, дабы насытиться радостью и стать благодаря этому безразличным к боли! — он отдал бы тогда душу в руки жгучего возбуждения; и не сознался бы себе, достойно ли человека то удовольствие, которого он так жаждал; и не задумался бы о том, не следовало ли ему скорее благодарить Бога за то, что во время радости его душа не была такой дикой, какой она стала сейчас; он не боялся бы того, что его вожделение может быть ему в погибель; его не беспокоило бы то, что ещё более жалким, нежели то жалкое положение, в котором он оказался, был неумирающий червь вожделения в его душе. — Или, быть может, был кто-то, кто в мгновение потери тоже вспоминал то, что прежде было у него, но дерзко желал при этом не дать потере дойти до его ума. Хотя он и потерял всё это, его упрямая воля стремилась утаить от него потерю. Он не хотел понести потерю и предпочитал лучше тратить силы в бесплодном упорстве, теряя самого себя в безумной иллюзии владения потерянным или же трусливо в то же мгновение убегая от всякого проблеска

смиренного желания понять, что́ было потеряно. И тогда забвение разверзало свою бездну не столько для потери, сколько для него самого; не потерю, а себя самого он прежде всего предавал забвению. — Или же он пытался обогатить то доброе, что некогда было ему даровано, внушая себе, будто оно было не так уж прекрасно и не давало ему радости; он мнил укрепить душу жалким самообманом, как будто в неправде есть сила. — Или его душа становилась легковесной, и он убеждал себя, что жизнь не столь тяжела, как кажется; что ужасное не таково, как о нём говорят, не столь уж невыносимо, — и это так, конечно, если тебе не ужасно — как не было ужасно ему — быть таким, каким он теперь становился. Но кто сумел бы прийти к концу, если бы захотел перечислить всё, что нередко бывает и, наверное, нередко будет ещё повторяться в мире? Не утомится ли таковой намного скорее, чем назовёт всех тех страдающих, что с неистощимой изобретательностью каждый по-своему извращают ясное и понятное, чтобы ввести в заблуждение самих себя?! Давайте поэтому лучше вернёмся к Иову. В день скорби, когда всё было потеряно, он сперва благодарил Бога, Который всё это дал; он не обманывал ни Бога, ни

себя самого, и когда всё было потеряно и сметено, оставался тем, кем он был с самого начала — «простым и праведным пред Богом»¹¹. Он признавал, что Божие благословение было милостью к нему, он благодарил за эту милость, и потому благословение не становилось для него теперь гнетущим воспоминанием. Он признавал, что Бог обильно и многообразно благословил его поприще, он благодарил, и потому воспоминание не обращалось в поглощающее беспокойство. Он не скрывал от себя, что всё у него было взято, и потому Господь, взявший всё это, вновь присутствовал в его открытой душе. Он не бежал от мысли о том, что всё это было потеряно, и потому его душа утихала, чтобы Божие просвещение вновь посетило её и нашло её доброй землёй, возделанной в терпении.

Господь взял. Не сказал ли здесь Иов нечто иное, чем то, что было на самом деле, не употребил ли он более далёкое выражение, прежде чем более близким обозначить бывшее. Его слово кратко и означает потерю всего; нам случается, не задумываясь, говорить так, копируя Иова, ведь эти слова стали своего рода благочестивой

---

¹¹ Иов 1:1.

поговоркой; но связываем ли мы с ними, не задумываясь, и мысли Иова? Ведь разве не Савейяне напали на его мирные стада, и поразили его слуг¹², разве о чём ином сказал сообщивший это вестник? Или разве не молния попала на овец и пастухов, разве о чём ином поведал вестник, сообщивший это, пусть даже он назвал молнию Божьим огнём? Разве не вихрь с того края пустыни опрокинул дом и погрёб под обломками детей Иова, разве вестник назвал какого-либо иного виновника или сказал что-либо о том, кто наслал этот вихрь? Но Иов говорит: Господь взял; в то же мгновение, когда он получает каждое из этих известий, он понимает, что взял это именно Господь. Кто открыл это Иову? Есть ли у него страх Божий, если он всё валит на Бога; не благочестивее ли поступаем мы, когда порой подолгу взвешиваем, можно ли так сказать?

Возможно, был в мире некто, кто всё потерял. И вот он принялся размышлять о том, как это произошло. Но целое оставалось для него непонятным и темным. Его радость исчезла, как сон, и забота стала для него чем-то вроде нового сна, но он никак не мог понять, почему из первого сна он был брошен в этот горестный

---

¹² Иов 1:15.

второй; не Господь, но случай был тем, кто отнял у него всё. Или же он находил, что у него всё отняли обман и лукавство людей, или прямое насилие, подобное насилию Саваян, поразивших стада Иова и пастухов; и его душа возгоралась гневом на людей; и он полагал справедливым не упрекать в этом Бога. Он, в общем-то, хорошо понимал, как это произошло, самое близкое объяснение, которое у него было, состояло в том, что это сделали определённые люди; более же далёкое — в том, что эти люди были злы, и их сердца испорчены. Он понимал, что ближайшим образом именно люди навредили ему и, быть может, он в том же духе понял бы и то доброе, что пришло бы к нему от людей; но мысль о том, что Господь, живущий высоко на небесах, ближе к нему, чем люди, что Он ближе всех к нему и тогда, когда люди поступили с ним дурно или восстали на него, — эта мысль была ему далека. Или же он, в общем-то, хорошо понимал, как это произошло, и мог с красноречием, которое придавал ему ужас, описать это: ведь что непонятного в том, что когда море дико бушует и вздымается до небес, то оно сметает хилые строения людей, как игрушечные; и когда неистовствует свирепая буря, то все чело-

веческие предприятия — лишь детские забавы; и когда земля содрогается под натиском стихии и вздыхают горы, то люди и все их великие дела низвергаются в бездну, словно ничто. Такого объяснения было ему достаточно — и в первую очередь, достаточно для того, чтобы сделать его душу ко всему безразличной; ведь поистине, чтобы опрокинуть построенное на песке, не нужно и бури, но даже если человек строит на иной почве, живя в другом месте, он не может считать в силу этого свою душу спасённой от всяческих бед! Или он понимал, что сам заслужил это, что если бы ему хватило ума в нужное время всё правильно рассчитать, то этого бы не произошло. И для него это всё объясняло; но на деле это объясняло прежде всего то, что он искал сам себя и сделал для себя невозможным, чтобы жизнь, а, главное, Бог его чему-либо научили.

Но кто сумел бы всё исчерпать, пожелай он рассказать о том, что бывает в жизни и будет нередко ещё повторяться? Он скорее устанет говорить, нежели плотской человек устанет опьянять себя мнимыми, лживыми и вводящими в заблуждение объяснениями. Давайте, поэтому, оставим примеры, которые не смогут

нас ничему научить, кроме того, — если мы ещё этого не знаем, — что надлежит отвергнуть подобную мудрость мира сего, — и обратимся к человеку, учиться у которого значит пребывать в истине, обратимся к Иову и к его благому слову: Господь взял. Иов всё относит к Богу; он не сдерживает душу и не угашает дух¹³ в размышлениях или объяснениях, способных породить или вскармливать лишь сомнения, даже если тот, кто довольствуется ими, не замечает этого. В то же мгновение, когда у него отъемлетя всё, он знает, что это взял Господь, и потому в своей потере он остаётся в мире с Господом, сохраняя и теперь близость Божию; он видит Господа и потому не видит отчаяния. Ведь разве только тот видит длань Божию, кто видит, как Он даёт; разве не видит её и тот, кто видит, как Он берёт? Разве только тот видит Бога, кто видит Его обращающим к нему Свой лик; разве не видит Его и тот, кто видит Его повернувшимся к нему спиной, как Моисей, который всё время видел лишь спину Господа¹⁴? Но тот, кто видит Бога,

---

¹³ Ср. 1 Фес 5:19.

¹⁴ Исх. 33:22-23.

победил мир¹⁵; и так Иов в своём благом слове победил мир, оказался в своём слове больше, сильнее и могущественнее всего мира, который хотел не ввести его в искушение, но победить своей силой, принудить его пасть ниц перед его безграничной мощью. Сколь же беспомощен — словно лепет младенца — дикий шум бури, когда он хочет побудить человека трепетать, вырывая у него всё, а человек ему отвечает: не ты это делаешь, это берёт Господь! Сколь немощна рука насильника, сколь слаб ум хитреца, сколь ничтожна всякая человеческая сила, — так что скорее ей самой можно было бы посочувствовать, — когда она, вырвав всё у того, кто слабее, оставляет его в отчаянном положении, а он по вере говорит: это не ты, ты ничего не можешь; всё это берёт Господь.

Благословенно имя Господне! Так Иов не просто победил мир, но совершил то, чего желает Павел своей пребывающей в борении общине: он, всё преодолев, устоял (Еф. 6:13). Ах, быть может, в мире были и те, кто всё преодолели, но пали в самое мгновение победы. Благословенно имя Господне! Ведь Господь пребывает Тем

---

¹⁵ Ин. 5:4.

же, и разве не должно поэтому восхвалять Его так же, как и всегда? Или разве переменялся Господь? Или разве не оставался Господь Тем же, как тем же оставался и Иов? Благословенно имя Господне! А значит, Господь взял не всё, ведь Он не взял у Иова ни хваление, ни мир сердца, ни чистоту в вере; и близость Божия была с Иовом, как и прежде, — быть может, даже глубже, чем раньше, ведь теперь не оставалось ничего, что могло бы хоть как-то увести от неё мысль Иова. Всё взял Господь, и Иов собрал всю свою скорбь и «бросил её на Господа»¹⁶, и тогда Господь взял и его скорбь, и осталась лишь хвала в неподкупной радости сердца. Ведь хотя дом Иова и был домом печали, — если, конечно, у него оставался хоть какой-нибудь дом, — всё же там, где звучит это слово: «Благословенно имя Господне!», — поселяется радость; и хотя Иов стоит перед нами как живой образ скорби, хотя его лицо и облик несут её печать, — всё же это слово всегда говорится как свидетельство радости, и так говорит его Иов, даже если его свидетельство обращено не к пребывающим в радости, но к печальющимся; и свидетельство Иова понятно тем, кто имеет уши для того, чтобы

---

¹⁶ Ср. 1 Пет.

его слышать¹⁷. Ведь уши печалющегося настроены особым образом; и подобно тому, как уши любящего хотя и слышат голоса многих, но по-настоящему слышат один лишь голос — голос возлюбленной, так и уши печалющегося слышат голоса многих, но эти голоса проходят мимо и не доходят до сердца. И так же, как вера и надежда без любви есть лишь медь звенящая или кимвал звучащий¹⁸, так и любая возвещаемая в мире радость, которая несовместима с печалью, есть лишь звенящая медь или звучащий кимвал, которые щекочут слух¹⁹, но противны душе. Но этот голос утешения, этот голос, который дрожит от боли и всё же возвещает радость, слышат уши и сохраняет сердце того, кто печалится, и этот голос направляет его к тому, чтобы он сам нашёл радость во глубине печали. — Мой слушатель! ведь ты, конечно, понял вознесённую Иовом хвалу, и она была тебе так по сердцу, когда ты тихо размышлял о ней, что ты хотел бы, чтобы я не напоминал тебе о том, что слышится в мире в день тяготы вместо хвалы и *благословения*. Давай же тогда забудем это, ведь ни ты, ни

---

¹⁷ Ср. Мф 11:15.

¹⁸ 1 Кор 13

¹⁹ Ср. 2 Тим. 4:3

я ничем не заслужили того, чтобы всё это вновь предстало нам в нашей памяти.

Мы говорили об Иове и старались понять его в его благом слове, никому не навязывая своих размышлений; но должны ли эти размышления быть от этого непременно бессмысленны, ни на что не годны и никому не нужны? Если ты, мой слушатель, сам был испытан, подобно Иову, и выстоял, как и он, в испытании, то наша беседа как раз для тебя, если только мы верно говорили об Иове. Если же ты до сих пор не был испытан в жизни, то и тогда она тебе годится. Ты, быть может, думаешь, что слово Иова применимо лишь при таких сверхъестественных обстоятельствах, в которые был поставлен Иов; или, быть может, ты мнишь, что если бы нечто подобное обрушилось на тебя, страх сам по себе дал бы тебе эту силу и вызвал бы в тебе это смиренное расположение? Но разве не было у Иова жены — и что мы читаем о ней?²⁰ Быть может, всё-таки ты думаешь, что страх не способен сам по себе так изменить человека, который каждый день ведёт себя как раб в значительно менее тяжких обстоятельствах. Смотри же тогда, чтобы тебе не быть рабом ни-

---

²⁰ Иов 2:9-10.

какой тяготы и ничего человеческого, и учись у Иова быть прежде всего открытым самому себе, не обманывать себя мечтами о своей мнимой силе, воображая себя победителем в воображаемой битве. — Быть может, ты говоришь: пускай бы Господь и взял у меня всё, но у меня взять нечего, ведь мне ничего и не было дано; — быть может, ты мнишь, что хотя это и не так ужасно, как страдания Иова, но зато твоя борьба более изнурительная и потому более трудная. Мы не желаем спорить здесь с тобой, ведь даже если твоя борьба и является таковой, спор об этом был бы бесполезен и лишь увеличивал бы тяготу. Но ты, по крайней мере, согласен с нами, что ты можешь учиться у Иова, и если ты честен перед собой и любишь людей, ты не можешь желать отделаться от Иова и броситься в свою тяготу как якобы до сих пор никем не изведенную, держа нас в тревоге до тех пор, пока мы из твоего свидетельства не узнаем, что и в этой тяготе возможна победа. И ты учишься у Иова слову: «Благословенно имя Господне!» — даже если предшествующие его слова не так хорошо тебе подходят. — Или, быть может, ты думаешь, что ничего подобного не могло бы случиться с тобой? Кто научил тебя думать так;

на чём основывается твоя убеждённость в этом? Утешаешься ли ты тем, что ты мудр и разумен? Иов для многих был учителем. Юн ли ты, и черпаешь уверенность в своей юности? Иов тоже был некогда юн. Стар ли ты и близок к могиле? Иов был стар, когда его постигло горе. Является ли твоей надеждой богатство? Иов владел благословением земли. Друзья ли служат тебе порукой? Иов был любим всеми. Вверяешь ли ты себя Богу? Иов был близок Господу. Обдумал ли ты всё это, или же ты, напротив, избегал этих мыслей, дабы они не навяли тебе то, что ты, быть может, называешь угрюмым настроением? Но ведь нет во всём мире никакого укрытия, где печаль не могла бы тебя найти, и никогда не было человека, который мог бы поистине сказать больше, чем можешь сказать и ты: что ты не знаешь, когда печаль посетит твой дом. Будь же тогда серьёзен по отношению к себе самому, устремив свой взор на Иова; даже если ты и будешь напуган, увидев его, он вовсе не желает тебя пугать — разве что ты сам этого хочешь. Ведь ты, наверное, не хотел бы некогда, обратившись назад и оглядывая свою жизнь уже как завершённое целое, оказаться способным по праву признаться: я был не таким, как прочие

люди, я никогда не претерпел в мире никакого страдания, предоставляя каждому дню свою заботу²¹, или, вернее, давая ему приносить мне всё новые радости. Ты ни за что не хотел бы иметь возможность сказать такие слова, даже если бы они были чистой правдой, ведь в них звучал бы и твой позор; и если бы ты был тем единственным, о ком осталась бы такая память, ты должен был бы сказать: да, я и правда не был испытан сам, но в душе я часто с серьёзностью думал об Иове, и всерьёз понимаю, что никто не ведает времена и сроки²², когда к нему придут вестники один ужаснее другого.

---

²¹ Мф 6:34.

²² Мф 24:36, 25:13.

II. ВСЯКОЕ ДАЯНИЕ ДОБРОЕ И ВСЯКИЙ ДАР СОВЕРШЕННЫЙ НИСХОДИТ СВЫШЕ

Не обманывайтесь, братия мои возлюбленные. Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены. Восхотев, родил Он нас словом истины, чтобы нам быть некоторым начатком Его созданий. Итак, братия мои возлюбленные, всякий человек да будет скор на слышание, медлен на слова, медлен на гнев, ибо гнев человека не творит правды Божией. Посему, отложив всякую нечистоту и остаток злобы, в кротости примите насаждаемое слово, могущее спасти ваши души. (Иак 1:17-21)

Т

олько от древа познания добра и зла не должно было быть человеку¹, дабы знание не вошло в мир, неся с собой печаль²: боль утрат и сомнительное счастье обладания; страх быть не как все и стремление отличиться; беспокойное колебание и старание всё взвесить; принуждённость выбирать и совершение выбора; суд по закону и проклятие закона; возможность потери и страх потерять; страдание умирания и ожидание смерти. Если бы он не вкусил от этого древа, если бы запрет

---

¹ Быт 2:16-17.

² Ср. Эккл 1:18

не был нарушен, то всё оставалось бы, как и было, *хорошо весьма*³, — и человек радостно вторил бы этому Божьему свидетельству о творении. Тогда во всём царил бы привольный лад, тогда безмятежно свершалось бы светлое празднество красоты, тогда всё было бы омыто небесной радостью; тогда небо не отражалось бы в земной жизни, пробуждая в глубине невинности предчувствие горнего; тогда никакой отзвук не вызывал бы тоску из её потаённого логова; ведь небо было бы на земле, и всё бы пребывало в полноте. Тогда человек был бы пробуждён от глубокого сна, в котором он пребывал при создании Евы⁴, дабы вновь окунуться в мирное величие; тогда на всём был бы напечатлён образ Божий во славе, всё совершающий и умиряющий, всё приводящий в движение, будучи сам недвижим. Тогда ягнёнок спокойно пасся бы рядом с волком⁵, и голубь вил бы гнездо рядом с хищной птицей, ядовитая трава была бы безвредна; тогда всё было бы хорошо весьма. Всё было бы истинным, ведь Адам дал всему насто-

---

³ Быт 1:31.

⁴ Быт 2:21-22.

⁵ Ис 11:6

ящие, истинные имена⁶; всё было бы неложным — было бы тем, чем себя казало бы; правда возростала бы из земли⁷. И при этом не было бы различения добра и зла, каковое явилось именно плодом вкушения плода познания; и никто не спрашивал бы, откуда всё приходит; глас Божий не шёл бы по Эдемскому саду и не спрашивал бы Адама, а Адам не прятался бы в саду и в своём внутреннем, но всё пребывало бы в открытости, и Единственным, Кто сокрывал бы Себя, был бы Господь, хотя Он и присутствовал бы во всём неприметно. У Адама не было бы времени спрашивать, откуда пришло то или это, ведь всё приходящее в то же мгновение предлагало бы себя как дар так, чтобы в принимающем его не возникало вопроса о Дающем.

Сорвав же запретный плод познания и разрушив мир и радость, человек впал в заблуждение — и прежде этого, и потом, уже посредством познания: змей обманул Еву (Быт 3:13), и с помощью обмана познание вошло в мир как обман. Плод познания, которым человек наслаждался, насадил древо познания в его внутреннем, и это древо стало приносить красивые

---

⁶ Быт 2:19-20.

⁷ Ср. Пс 84:12.

плоды, уже не казавшиеся ему приятными; ведь плод познания всегда сперва кажется приятным и привлекает взор, но когда вкусишь его, он рождает труд, заставляет работать в поте лица и сеет волчцы и тернии. Случившееся в начале времён постоянно повторяется в каждом поколении и с каждым отдельным человеком, ведь плод познания приятен на вид. И если Господне предупреждение не смогло уберечь человека от этого обмана, то человеческий голос тем более способен лишь на то, чтобы сделать этот плод кажущимся ещё более приятным.

Врата Эдема были затворены, и всё переменялось; человек стал страшиться самого себя и мира, он спрашивал озабоченно, что есть добро и где найти совершенство, и откуда проистекает оно, если оно существует. Но приведённое знанием сомнение обвилось вокруг его сердца страхом; и змей, соблаздивший его приятностью плода, душил его. Как узнать, что есть добро и совершенство, не зная, откуда оно проистекает; и как узнать его исток, не зная, что есть добро и совершенство? Сомнение сразу же озадачивало его такими вопросами и подстерегало в попытках прояснить их, лишая его покоя. И это, случившееся в начале времён, повторяется в

каждом поколении и с каждым отдельным человеком; плод познания не теряет своей действительности. По мере познания сомнение становится всё более внутренним, и знание, призванное, казалось бы, направлять человека, постоянно погружает его в нехватку и противоречия. Знание оказывается для него чем-то недостижимым, по чём он вздыхает; неким мыслимым блаженством, постоянно упускаемым его душой; оказывается знанием, которого стыдится его сердце, и постижением, влекущим лишь страх. Оно оборачивается то познанием самого себя, то познанием всего мира; то пробуждает каждую из способностей человека, то оставляет его вянуть в скуке. Знание переполняет его своим богатством и тут же морит голодом, оказываясь пустым.

Значит ли это, что нет ничего сильнее сомнения? Значит ли, что в дом этого сильного⁸ может проникнуть лишь новое сомнение? Отнимет ли оно тогда орудия этого сильного, употребив против него те же самые орудия? Разве, напротив, второе сомнение не усилит тем самым первое? Разве это не хитрая уловка сомнения — внушать человеку, будто оно способно

---

⁸ Ср. Мф 12:29.

своими силами само себя победить, совершив тем самым не слыханное ни на небе, ни на земле, ни под землёй⁹: в борьбе с собой оказаться сильнее себя самого?! Как ведёт себя нечистый дух, когда он выйдет из человека; не возвращается ли он обратно с семью другими, так что последнее бывает хуже первого (Мф 14:25)? Или что происходит с человеком, который в борьбе с собой не признаёт, что если даже он был бы в силах всё одолеть, он бессилён победить себя посредством себя самого? Не оказывается ли его победоносное Я чем-то намного худшим того испорченного Я, которое оно победило; и не водворяется ли оно спокойно лишь до тех пор, пока в человеке нет более сильного Я — на поверку ещё более дурного? Поэтому нужно сперва связать сильного или подождать, пока он сам себя свяжет, и лишь тогда входить в его дом, чтобы забрать от него его орудия (Мф 12:29). То, что это так, признает всякий, кто честно испытывает пережитое, не предпочитая смиренной, хотя в ином смысле и возвышающей, истине блестящий обман, позволяющий обмануть самого себя и стать прежде всего предметом восхищения людей, удовлетворяющим их невер-

---

⁹ Ср. Фил 2:10.

ные требования и желание быть обманутыми. Тот, кто хочет лучше иметь малое с благословением¹⁰, обладать истиной в заботах и терпеть, нежели ликовать по поводу призрачных побед, не станет превозносить само по себе познание, каковое всегда ставит свои дары в определённое отношение к приносимым им заботам. Он не станет отрицать, что познание воспитывает благодаря сопряжённой с ним боли, — если, конечно, он, будучи честен, желает быть воспитан, а не обманут, и хочет учиться искать во многом единое, в обильном насущное, которое, как это всегда бывает с насущным, дано незамысловато и просто.

Так давайте же ближе рассмотрим и уясним, чтобы его понять и стать как бы уловленными к свободе, прекрасное апостольское слово, которое разъясняет и что, и откуда: слово о том, что всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше.

«Если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (Мф 7:11. Лк 11:13). Эти слова с таким участием снисходят к обременённому заботами, с такой заботой об-

---

¹⁰ Притч 15:16, 16:8.

ращены к обременённому заботами, что они сильны воздвигнуть его и укрепить в свободной и чистосердечной уверенности. Ведь если человек не занят, как это бывает с сомневающимся, великими мировыми бедствиями, становясь безразличен к себе в заботе о них, но, напротив, обременённый заботами, печётся, прежде всего, о своих делах, о своей скромной доле, то что ему можно было бы сказать более подходящее, чем это слово, которое в какой-то мере сродно ему самому: в котором есть что-то из детства, есть память о первом незабвенном жизненном впечатлении, память о любви отца к своему сыну, о том, как отец старается одарить тебя добрыми дарами! Ведь если твёрдо слово о том, что так же, как отец милует своих детей, так и Бог милостив к тому, кто Его призывает¹¹, что как отец даёт детям благие даяния, так даёт и Бог просящим у Него, — если это слово твёрдо, то оно даёт самое надёжное утешение. Так понял однажды обременённый заботами это слово и обрадовался ему: обрадовался тому, о чём это слово ему напомнило, обрадовался тому, что оно ему обещало; обрадовался тому, что оно своим напоминанием ещё раз воскресило в его памяти

---

¹¹ Ср. Пс 102:13.

любовь отца, и тому, что это слово раскрывало любовь отца к нему во всей её благодати, прибегая к ней для того, чтобы показать, какова любовь Божия; но он и не помышлял о том, что это слово, как и всякое святое слово, может в разное время быть молоком для незрелых и твёрдой пищей для взрослых¹², оставаясь при этом тем же; он не подозревал, что слово может иметь другое разъяснение, делающее его ещё прекраснее; что эта образная речь может стать ещё утешительнее, если, напротив, действительное привлечь для разъяснения образов земной жизни; что смысл слова ещё сильнее утвердился бы, если бы оно было прочитано в таком — обратном первому — порядке, в чём душа обременённого заботами нуждалась бы, если бы в жизни всё обратилось против него. — Но вот он стал старше, и всё переменилось, всё ужасным образом перевернулось вверх дном; Бог, как оказалось, сказал иначе: сказал, что даже человек, совершеннейшее из творений, зол. И это говорилось не во гневе, не с желанием внушить страх, но в той же самой образной речи, которая в лучшем, что есть в земной жизни, искала выражение для небесного. В этой речи звучало слово: вы, буду-

---

¹² Ср. Евр 5, 12-14.

чи злы, — не как предмет обсуждения, но как истина на все времена. То, что утверждалось в этом слове, нарушало для обременённого заботами смысл всей этой речи в целом, — нарушало, поддерживая в нём убеждённость в том, чему его учила жизнь: что любовь даже самого порядочного человека, когда тот желает сделать для другого самое лучшее, бывает этому другому во вред; и что порой он сам, когда его чувство было чистым, когда он был готов на любую жертву, когда он желал сделать всё для другого человека, этому человеку причинял лишь боль. «Если, — говорил он тогда, — любовь Божия может давать даяния благие не лучше, чем это может любящий отец, то это слово не столь уж утешительно». И это слово становилось для него тем же, чем была для него теперь любовь отца: прекрасным, святым, грустным воспоминанием, возвышающим душу и пробуждающим в ней мысли о лучшем в человеке, но также и о человеческой слабости, оживляющим блаженную жажду души и вновь угашающим её и погружающим душу в печаль. И тогда он думал, что перерос это слово; он не понимал теперь заботливого наставления, которое то несло, не понимал, что слово осталось тем же, и что оно

всегда обращалось к тем, кто сомневается в способности отцовской любви давать благие даяния, лишь с большей силой свидетельствуя им о Божьем сердце и Божьей воле.

И он углублялся в это слово, не желая дать слову возвыситься его до себя, не желая оставить тени и образы действительного; и это слово утешения, слово силы становилось для него семенем сомнения. Ведь если человек, совершеннейшее из творений, — думал он, — зол, тогда и вся земная жизнь лежит во зле. Или же, всё, что есть в земной жизни, становится злым посредством человека, а без него, само по себе, оно и не доброе, и не злое; но тогда всё есть лишь видимость, нечто не-сущее, а это — определение злого. Где тогда добро, где совершенство? В этой образной речи говорится, что отец, хотя он и зол, даёт тем не менее своему ребёнку благие даяния, о которых тот просит, и не даёт ему камень, когда тот просит хлеба, или змею, когда тот просит рыбы¹³, — и затем звучит слово, в котором этот образ находит такое употребление: если вы, будучи злы, умеете давать даяния благие, не даст ли их и Отец ваш Небесный? Но являются ли хлеб и рыба благи-

---

¹³ Мф 7:9-10.

ми даяниями в себе и для себя, не суть ли они таковы лишь постольку, поскольку в них есть нужда, и не является ли нужда в них неким несовершенством, присущим человеческой жизни. И даже когда человек нуждается в них, разве не бывает порой для него полезнее, чтобы ему в этом отказали, как это было с блудным сыном, когда он просил о хлебе, а получал лишь рожки и жёлуди, в более высоком смысле нуждаясь в том, чтобы прийти в себя и обратиться от своего ложного пути. Итак, человек может *уметь*, то есть, *быть способен* давать благие даяния, но не может распознать, действительно ли они благи, равно как и, напротив, злодей может быть способен давать злые даяния, но не может распознать, действительно ли они злы. Сеявший на своём поле хорошее и чистое семя, был, конечно, способен его посеять, но, делая это, он не знал, что выйдет, не знал, что произойдёт, пока он будет спать, и что ему с ужасом придётся увидеть, когда он проснётся¹⁴; и даже если бы он и не спал, он не знал бы заранее, что ему — к ещё большему ужасу — пришлось бы тогда увидеть. Человек может знать нечто как полезное, он может считать его полезным, основываясь на

---

¹⁴ Мф 13:24-30.

собственном размышлении, или на опыте, или на свидетельстве других, он может быть способным это представляющееся полезным дать, но он не знает, даёт ли он действительно то, что думает дать. Он может знать, что есть благое как таковое — совершенное в себе и для себя, — но даёт ли он благое, он не может знать, если только он желает знать это иначе, нежели в безразличном для всякого знании о том, что он в принципе способен давать благое и иметь его данным ему, — знании, не отвечающем на вопрос заботы: благое ли даяние дал ты в этот раз? И если его душа не знает такой заботы, то он напрасно носит имя отца, ведь отец отличается от всякого иного человека именно своей заботой, и даже от лучшего друга отец отличается тем, что его забота превосходит заботу друга. Но тогда в мире нет ничего благого и совершенного; ведь всё благое, стоит ему появиться в мире, сразу же оказывается сомнительным; но сомнительно благое не есть благое; и благое, которое способно быть таковым лишь до тех пор, пока оно никак себя не проявляет, не есть благое. В мире же благое всегда зависит от предпосылок, которые отнюдь не благи.

И так выходило, будто нет ничего сильнее

сомнения; ведь тому, что он сам понял, сам испытал, в чём сам с участием и заботой к своему огорчению убедился: тому, что земная жизнь есть суета сует¹⁵ и желание человека дать доброе даяние бессильно и только питает душу беспокойством, — он находил теперь подтверждение в святом слове. Ведь он с ясностью и отчётливостью понимал теперь значение этого слова именно так, полагая, будто это слово отнюдь не ищет утвердить прекраснейшее в жизни, чтобы оно и впредь пребывало, но, напротив, втихую судит его, предоставляя ему исчезнуть. Таким разъяснением он силился помочь себе, пусть даже и сознавая, что это не может помочь ни ему, ни кому бы то ни было. Ведь чем помогло тебе то, что ты затворил глаза для блеска этого мира; чем помогло тебе то, что ты затворил уши от мирской болтовни; чем помогло тебе то, что твоё сердце стало холодным и всё — тебе чуждым и безразличным; чем помогло тебе знание того, что люди не дают благих даяний; чем помогло тебе то, что ты узнал глубочайшую боль человеческой жизни — что даже любовь не способна давать даяния добрые — О! чем помогло тебе всё это, если только твои глаза не от-

---

¹⁵ Эккл 1:2.

крылись вновь для того, чтобы видеть горнее, небесное величие; если твои уши не открылись для слышания невыразимых речей, звучащих *свыше*; если твоё сердце не стало чутким и изобильным, и если ты не протянул руки для того, чтобы принять всякое даяние доброе и всякий дар совершенный, который нисходит *свыше*, так, чтобы твоя левая рука не знала, что делает правая¹⁶?!

Впрочем, как ты читаешь?! Ведь разве это слово изменилось, разве оно говорило когда-нибудь что-то иное, нежели то, в чём ты, по твоему, убедился, и из-за чего ты забываешь о том, что оно говорит сверх этого? Разве это слово скрывало когда-нибудь, что человек не способен давать благие даяния? Будь он способен их давать, он не нуждался бы ни в чём Божьем. И разве эта речь была бы совершеннее и богаче на утешение, и разве была бы жизнь таковой, если бы Бог и вправду давал добрые даяния ровно так же, как даёт их отец? Конечно, это слово говорило о том, в чём ты убедился. Но оно говорило об этом — чего ты не хотел понять — как о том, что должно отойти затем в сторону; говорило для того, чтобы пробудить боль, которая

---

16 Мф 6:3.

сделала бы душу восприимчивее к тому, что слово имело сказать сверх этого. То, что мир лежит во зле, означает ли, что и Бог не благ и не добр? И разве было бы для тебя лучше, чтобы Он был добр и благ лишь так, как добр и благ мир? Не является ли единым на потребу и единым блаженством во времени и в вечности, в нужде и в радости то, что Бог есть единое Благо, и что никто не благ, кроме Бога¹⁷? И не является ли единым во спасение, единым, наставляющим на путь, — будь это приветливые тропы радости или тесный путь скорби, — то, что Дух Божий благ, и Он ведёт тебя «на доли ровной стези»¹⁸ (Пс 142:10).

Читай же тогда дальше: «...тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него». Здесь не сказано, что Отец Небесный *умеет* давать благие даяния, но говорится: *даст*, — ведь Его умение не есть нечто иное, чем Его даяние, Его умение не расстаётся с даянием, предоставляя последнее самому себе, но ведаёт этим даянием во всякое мгновение, а значит, и в мгновение, когда человек его получает. Но если так, то понятен смысл уподобления, к которому

---

¹⁷ Мф 19:16-17.

¹⁸ Пер. С.С. Аверинцева.

прибегает здесь образная речь: тогда понятно, что любовь отца никогда не может быть такой, как любовь Бога, — столь крепкой, столь глубокой, — и потому любовь отца не может того, что может Божия любовь, всемогущая в своей беспредельной силе.

Если это слово понимать так, то образ, который делал его понятным для несовершеннолетних, но трудным для взрослых, отходит в сторону, и это слово говорит ровно то, что говорит апостол: что всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше. Тем, чем не обладает земная жизнь, тем, чем не обладает никто из людей, тем обладает один только Бог, и то, что Бог один этим обладает, делает совершенным не Бога, но добро, поскольку это значит, что человек может участвовать в чём-то добром только благодаря Богу. Что есть тогда добро? То, что нисходит свыше. Что есть совершенство? То, что нисходит свыше. Откуда приходит оно? Свыше. Что есть добро? Оно есть Бог. Кто даёт его? Бог. Почему добро есть даяние, дар, и почему это не образное его именование, но единственное действительное и истинное? Потому что оно — от Бога; ведь если бы оно появлялось благодаря самому человеку,

или же усваивалось бы человеку благодаря другому человеку, то оно не было бы ни добром, ни даром, но лишь казалось бы таковым, ведь Бог — единственный, Кто, давая дар, даёт и условия для его принятия во благо; единственный, Кто, давая, всё уже дал. Бог даёт и хотение, и действие¹⁹, Он начинает и совершает доброе дело в человеке²⁰.

Будешь ли ты отрицать, мой слушатель, что понимания этого не в силах отменить никакое сомнение, ведь это понимание пребывает за пределами всякого сомнения, пребывает в Боге?! Если же ты не желаешь пребывать в этом понимании, то только потому, что ты не хочешь пребывать в Боге, в Котором ты, впрочем, живёшь, и движешься, и существуешь²¹. Но тогда почему ты этого не хочешь?! Даже если это понимание и непостижимо для сомнения, оно не становится от этого неистинным; напротив, оно само стало бы сомнительным, если бы сомнение оказалось в силах его постичь. И если это понимание не может и не желает вдавать-

---

¹⁹ Фил 2:13.

²⁰ Ср. Фил 1:6.

²¹ См. Деян 17:28.

ся в область сомнения, оно не становится от этого неистинным; напротив, если бы оно погрузилось в эту область, оно само стало бы не истиннее сомнения. Оно пребывает истинным как раз потому, что пресекает сомнения, делает его безоружным. Если бы оно не делало этого, то не имело бы над сомнением силы, но было бы у него в услужении, и его победа над сомнением была бы ложной, ведь тогда побеждало бы как раз сомнения. Мысль человека находит путь ко многому в мире, проникает даже во мрак и тень смертную, во чрево гор, находит дорогу туда, куда ни одна птица не знает пути, и глаза его видят сокровища земли (ср. Иов 28:1-11), но пути к добру, к сокровищнице добра она не знает. Туда ведь не ведёт никакого пути, но всякий добрый и совершенный дар нисходит свыше.

Ты скажешь, быть может: кто же станет отрицать, что всякое даяние доброе и всякий дар совершенный — свыше. Однако не отрицать этого далеко ещё не значит это понимать, а понимать это далеко ещё не значит желать верить этому и верить этому. Но тот, кто не с, тот неизбежно *против*²². Кажется ли тебе и здесь плод познания столь приятным, что ты, вместо того,

---

²² Ср. Мф 12:30.

чтобы судить духовно, желаешь лучше иметь знак, позволяющий опознать доброе и совершенное, и иметь доказательство того, что оно действительно низошло свыше? Как же должен быть устроен такой знак? Не должен ли он быть совершеннее совершенного, добрее доброго, если предполагается, что он способен доказать, что совершенное есть совершенное? Может быть, таким знаком будет знамение, чудо? Но разве чудо — не смертельный враг сомнения — так, что они друг с другом несовместимы? Может быть, таким знаком будет опыт? Но разве сомнение не есть беспокойство, делающее жизнь опыта шаткой, немирной, никогда не входящей в покой²³, никогда не прекращающей поиска, так что даже если она нечто и находит, то никогда этим не довольствуется? Должно ли стать таким знаком свидетельство плоти и крови? Но разве плоть и кровь — не доверенные сомнения, с которыми оно постоянно советуется²⁴?

Но если здесь невозможно доказательство, не значит ли это, что сомнения не остановить? Ни в коей мере. Если бы доказательство могло

---

²³ Ср. Евр 4:1-3, 13.

²⁴ Ср. Гал 1:16.

быть приведено так, как того требует сомнение, то этим сомнение не могло бы быть остановлено, так же, как не может быть остановлена болезнь с помощью лекарства, которого она сама жаждет. Если же ты, напротив, будешь иметь уверенность, тогда апостол покажет тебе путь ещё более совершенный²⁵ — путь, на котором ты умрёшь для сомнения, а совершенство придёт к тебе; ведь слово веры не борется с сомнением орудиями последнего, но сперва связав сильного, забирает у него его орудия²⁶.

И вот сперва апостол устраняет завесу мрака, удаляет тень перемены²⁷, прорывает череду изменений, обращая взор верующего вверх, к небу, чтобы он искал горнего (Кол 3:1-2); чтобы ему мог явить Себя во всём Своём вечном величии, высящимся над всяким сомнением, Тот, Кто пребывает на небесах, — Отец светов, светлость которого не помрачает никакая тень, не изменяет никакая перемена, не затмевает никакая зависть, и никакое облако не закрывает от очей верующего. Если это не стоит для тебя твёрдо, если ты желаешь верить себя фальши-

---

²⁵ Ср. Кор 12:31.

²⁶ Ср. Мк 3:27.

²⁷ Иак 1:17.

вой дружбе сомнения, оно тут же примется вновь и вновь всё исказить для тебя своими тенями, запутывать своими изменениями, затмевать ночными туманами, лишать тебя этого, словно бы его никогда и не было. Поэтому и говорит апостол: *всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены.*

Апостол обращается здесь к единственному, чтобы дать ему понять условие, которое делает для него возможным принять добрый и совершенный дар. Этим условием является то, что дающий — Сам Бог, а иначе дар не был бы добром, благом; этим условием опять же является совершенство, а иначе это добро не было бы совершенным даром. Земная нужда отнюдь не является совершенством, напротив, она есть несовершенство. Если поэтому человеческое даяние и могло бы совершенно удовлетворить её, то всё же оно было бы несовершенным даром, поскольку несовершенна земная нужда. Но настоятельно искать доброго и совершенного дара от Бога есть совершенство; а дар, совершенный в себе и для себя, совершенен ещё и постольку, поскольку совершенна нужда в этом даре. Прежде чем в человеке проснётся такая

нужда, в нём должен произойти коренной переворот. Суетное искание сомнения — это первая попытка человека найти этот дар. Сколько бы ни длилось это искание, оно не может никогда прийти к концу; и всё же оно должно быть окончено, завершено, вернее — прекращено, дабы единственный мог быть тем, кого апостол называет начатком созданий²⁸. Ведь апостол, конечно, имеет ввиду здесь новый порядок вещей: первый человек отнюдь не был начатком созданий, ведь и создан он был последним. В древнем порядке вещей человек приходит последним, и сомнение словно бы стремится пройти через всё, предшествующее ему; в новом же человек — первый, так что нет ничего, что лежало бы между Богом и ним, но он таков только при условии, которое он не может сам себе обеспечить, ибо оно — Божий дар. Поэтому говорит апостол, что Бог по совету Своему родил нас словом истины²⁹. Да и как должен был сделать Он это, если не по Своему совету; разве Он заключал с человеком договор о том, что бу-

---

²⁸ Иак 1:18.

²⁹ Иак 1:18. В русском Синодальном переводе: «Восхотев, родил Он нас словом истины». Мы держимся здесь датского перевода, которым пользуется С. Кьеркегор.

дет советоваться с ним? Но тот, кто рождается словом истины, тот рождается для слова истины. Условием, необходимым для этого, является Божий дар и совершенство, которые делают возможным принять добрый и совершенный дар. — Апостол говорит: «По совету Своему родил Он нас словом истины, чтобы нам быть некоторым начатком его созданий». Если ты снова призовёшь здесь на помощь сомнение, оно как всегда, представляясь нечто дающим, тут же лишит тебя этого. Оно не допустит, чтобы необходимое условие было даром, и тем самым отклонит от тебя совершенство, а значит, и возможность принять совершенный дар; ведь разве не является несовершенством не всецело нуждаться в Боге и потому не всецело нуждаться в Его благом и совершенном даре?

Поскольку же необходимым условием является здесь не что иное, как совершенство, постольку оно должно и быть хранимо как такое: не делиться и не дробиться, получая лишь половинную значимость, а также не искажаться. И вот когда глаза веры продолжают неотступно искать горнего и ясно видят небо отверстым³⁰, апостол желает позволить единственному и

---

³⁰ Ин 1:52, Деян 7:56.

даже побудить его употребить сомнение верным образом — не для того, чтобы сомневаться в том, что стоит непреложно и что должно непреложно и неизменно стоять в своей вечной ясности, но для того, чтобы сомневаться в том, что само по себе преходящее и должно постепенно исчезнуть: чтобы сомневаться в самом себе, в своей собственной силе и способностях так, чтобы они всё более становились неспособностью, которой ты всё более и более увлекаешься. Ведь неверно сомневающийся сомневается во всём, но только не в самом себе, а сомневающийся ко спасению сомневается только в самом себе по вере. Апостол даёт теперь поэтому место наставлению, которое должно утвердить и сохранить единственного в том, чтобы быть начатком созданий. «Итак ... всякий человек да будет скор на слышание»³¹. На слышание чего же должен быть он скор? Может быть, долгих речей сомнения, или человеческих мнений, или измышлений собственного сердца? О! Тот, кто скор на слышание подобных вещей, чего бы он ни достиг в мире и чем бы ни стал, едва ли стал исполняющим то, к чему наставляет следом апостол: стал медлен на слова; ведь рас-

---

³¹ Иак 1:19.

торопность в том, чтобы следить за всем этим, рождает как раз расторопную речь. Но тот, кто скор на слышание божественного слова, которое звучит и теперь, как и прежде, когда человек молчит, когда фарисеи и книжники отошли или же приведены в молчание, когда толпа разделилась и удалилась, — тот становится также медлен на слова, ведь услышанное дивно насыщает его и делает всё более скорым на слышание, и всё более медленным на слова; да и что ему говорить здесь? Он не скажет даже, как Давид: о, Господи! поспеши же! — но он говорит своей душе: поспеши же, о! поспеши услышать.

И если он так будет скор на слышание, то он будет скор и на слышание наставления: «всякий человек да будет ... медлен на гнев, ибо гнев человека не творит правды Божией». Гнев сразу же творит то, что не праведно пред Богом: он делает человека медленным на слышание наставления. Но даже если человек и медлит с гневом, если он, говоря по-человечески, ничего не принимается творить, потому что он, говоря по-человечески, побеждён, он всё же может пребывать в своём внутреннем и там творить неправедное пред Богом; ведь во гневе проявляется как раз то, для чего человек с помощью

веры должен умереть, и если гнев получает в нём силу, то даже победы он во гневе весь мир³², он губит самого себя и вредит своей душе. Но скорый на слышание Того, Кто не подстрекает к ответу или к опрометчивой речи, становится также медлен на гнев, он не позволит солнцу зайти в его гневе³³, избегая ещё более страшного помрачения — невозможности больше видеть Отца светов из-за того, что Он сокроется за тенью гнева, словно бы изменяющей Неизменного.

«Посему отложите всякую нечистоту и остаток злобы»³⁴. Ведь хотя человек и носит совершенное в хрупком глиняном сосуде³⁵, почему нести его трудно, но пребывающего в служении корыстолюбия, или в страсти похотения, или в скверном сообществе совершенное оставляет; а над остатком злобы тяготеет проклятие, которое, увы, легко преумножает злобу так же, как благословение умножило некогда остаток благословенного хлеба³⁶.

---

³² Ср. Мф 16:26.

³³ Ср. Еф 4:26.

³⁴ Иак 1:21.

³⁵ Ср. 2 Кор 4:7.

³⁶ Мф 14:13-21.

И «в кротости примите насаждаемое слово»; ведь тот, кто скор на слышание так, что становится медлен на слова, тот не разгоняется и не берёт Царство Божие силой³⁷, но восприимлет небесное; ведь «тайны открываются кротким» (Сир 3:19). Он знает, что никто не может взять то, что ему не дано, и не может обладать этим, если он не берёт его как то, что дано; он знает, что благо есть дар, и кроткий ожидает этого дара. Кроткий уверен, что Бог даёт всякий добрый и совершенный дар, и в этой уверенности «бодрствует с благодарением» (Кол 4:2).

И он принимает «насаждаемое», которое прежде, нежели он принимает его, которое, когда оно приемлется, сильно спасти его душу³⁸. Он принимает его, принимает этот добрый и совершенный дар, в котором нуждается; и эта нужда сама есть совершенство. Об этом совершенстве говорит и слово в той образной речи, с которой мы начали: «...если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него»; ведь нуждаться в Святом Духе

---

³⁷ Ср. Мф 11:12.

³⁸ См. Иак 1:21.

— совершенство для человека, и земная человеческая нужда столь мало может помочь понять это совершенство своим подобием, что скорее затемняет его. Нужда в Святом Духе сама есть добрый и совершенный дар от Бога, и молитва об этом есть добрый и совершенный дар, в котором участвует Бог, и свидетельство об этом есть добрый и совершенный дар, который нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены.

**III. ВСЯКОЕ ДАЯНИЕ
ДОБРОЕ И ВСЯКИЙ
ДАР СОВЕРШЕННЫЙ
НИСХОДИТ СВЫШЕ**

Послание Иакова 1:17-22

постол, из послания которого взят этот текст, в следующем за ним отрывке предостерегает против земных помыслов и похотений, стремящихся проникнуть в общину и утвердить в ней суетные различия и разделения, дабы разъять связь совершенства¹, соединяющую членов общины как равных пред Богом, и поработить их царившему и всегда царящему в мире правилу «оказывать лицепрятие для корысти» (Иуд 16). Апостол хочет сде-

---

¹ Т.е. любви. См. Кол 3:11: «...облекитесь в любовь, которая есть связь совершенства» (пер. еп. Кассиана (Безобразова)).

лать для единственного живым и жизненным то, что так часто подчёркивает Писание, утверждая в достоинстве бедных и смиряя сильных: то, что Бог не взирает на лица. И поистине, если человек помнит об этом и хранит душу трезвой и целомудренной², он не станет заблуждаться в своём видении жизни и человека и «держаться веры ... с лицепрятием»³. Ум его будет обращён к Богу, и его взгляд не будет блуждать и глядеть не на подобие Богу, а на мирские различия. И если в собрание войдёт человек с золотым перстнем, в богатой одежде, он не станет глазеть на его одежду и не позволит чувственным очам развлекаться её великолепием, а чувственной душе сделать его рабом человека, не умеющим подняться над озабоченностью вещами, искание которых ведёт к такому рабству. И если войдёт бедный в грязной одежде, он не укажет ему глазами, чтобы тот занял презренное место возле его скамейки для ног. Если даже порой он и будет забывать это равенство, теряя самого себя и рассеиваясь в обманчивых мирских различиях, всё же когда он снова придёт в освя-

---

² Ср. 1 Пет 4:7 «Итак будьте целомудренны и трезвы в молитвах» (перевод еп. Кассиана (Безобразова)).

³ Иак 2:1.

щённое место, его душа будет хранима там в равенстве пред Богом и укрепляема в том, чтобы хранить это равенство и в мирской суете, ничем не смущаясь. Пусть в мире сем царит неутомимая суета различий, которые ищут разукрасить или очернить жизнь и обращаются то манящей целью, то наградой победителю, то тяжким бременем, то спутником потери; пусть в мире сем внешняя жизнь то тщеславно раздувает различия, то озабоченно и трусливо тяготится ими; — но здесь, на освящённом месте, словно в могиле, не слышен голос правителей; здесь, словно по воскресении⁴, нет различия между мужчиной и женщиной⁵; здесь не звучат самонадеянные претензии умников; здесь не кажут себя мирские роскошь и великолепие, ведь здесь их видят, словно бы не видя; здесь тот, кто учит, всем слуга; здесь бóльшим является самый малый, а самый сильный в мире сем является более всех нуждающимся в заступничестве; здесь всё внешнее совлечено как несовершенное, и равенство является истинным и спасительным — спасительным равным образом для всех. Ведь если здесь пользующийся миром сим, как не пользует-

---

⁴ Ср. Мф 22:30.

⁵ Ср. Гал 3:28.

ющийся⁶, а не пользующийся не возделает им пользоваться; если «униженный хвалится высотой своею, а богатый — унижением своим» (1:9-10); если здесь находит прощение женщина, взятая во грехе⁷, и судится тот, кто всего лишь смотрит на женщину с вожделением⁸, — то разве не поистине присутствует здесь равенство, и разве не упразднено здесь рабство мира сего, закон которого улетучился, словно облако, и забыт, будто детский лепет, уступив место совершенному равенству «закона царского: возлюби ближнего твоего как самого себя»⁹, — так что никто не вознесён над тобой — ведь он твой ближний, и никто не унижен и не умалён пред тобой — ведь он твой ближний, и ваше равенство ты утверждаешь и являешь тем, что любишь его как самого себя! Но увы! тому, кто столь высокомерен, что и здесь не может забыть различия; и увы! тому, кто столь принижен, что и здесь не может забыть различия.

И так же, как равенство, образно гово-

---

⁶ 1 Кор 7:11.

⁷ Ин 8:1-11.

⁸ Мф 5:27-28.

⁹ Иак 2:8.

ря, бдит у входа в это святое место и смотрит за тем, чтобы никто не входил сюда, не отложив всего, что принадлежит миру сему, не отложив могущество и нищету, дабы прошение могло звучать одинаково истинно и значить одно и для властвующих и могущественных, и для тех, кто больны и печальны, и для того, кто опирается на скипетр, и для угнетённого, которому остаётся довольствоваться тем, что Бог — его жезл и посох¹⁰, — так и всякое зиждительное рассмотрение жизни оказывается таковым или чувствует себя привольно только в этом божественном равенстве и благодаря ему: в равенстве, которое делает душу открытой для того, что совершенно, а чувственные очи слепыми для различий, и которое, словно пламя, всё сильнее разгорается в различиях, и однако, говоря по-человечески, не сжигает их.

В этом святом месте и при всяком зиждительном рассмотрении жизни в душе человека появляется мысль о равенстве, помогающая ему подвизаться подвигом добрым против плоти и крови, против начальств и властей¹¹, и в этой

---

¹⁰ Ср Пс 22:4.

¹¹ Ср. Еф 6:12.

борьбе обрести свободу для равенства перед Богом, будь его борьба скорее завоевательным походом против различий, которые желают послужить ему в земном благополучии, или же обороной от различий, ищущих утратить его в земной нужде. Но равенство лишь тогда есть божественный закон, борьба лишь тогда есть истина, победа лишь тогда действительна, когда единственный борется за самого себя с самим собой в себе самом и не дерзает безгодно желать помочь всему миру обрести равенство во внешнем. Ведь польза от равенства во внешнем не так уж велика, а само оно невозможно если и не по каким иным причинам, то хотя бы потому, что все пришли в мир на то, чтобы благодарить Единого и быть для Него не одинаковыми. Безумная же мирская поспешность, подталкивающая считать, будто те или иные внешние условия и есть истинное равенство, ради которого всё возвышающееся должно быть понижено, а низкое приподнято¹², сопряжена с ложным и несостоятельным мнением, будто истинное равенство способно найти выражение в каком-либо конкретном внешнем как таковом, — тогда как на деле его можно обрести и хранить при

---

¹² Ср. Лк 3:5

каком угодно внешнем; что разукрашенная поверхность и есть истинное равенство, несущее жизнь и истину, и мир, и согласие, — тогда как на деле это лишь бездушное и мертвящее единообразие.

Различия столь многообразны и сами в себе столь изменчивы (так, что одно и то же одному кажется пустяком, а в глазах другого вырастает до огромных размеров), что о них трудно говорить, и трудно найти определяющее выражение хотя бы для какого-то одного из них. Но для того присущего жизни различия, которое каждый сразу же обнаруживает, стоит только ему задуматься над словом апостола о том, что всякий добрый и совершенный дар нисходит свыше, имеется чёткое выражение, указывающее на, по-видимому, общее для всех жизненное противопоставление. Иметь возможность *давать* или быть вынужденным *принимать*, — это различие охватывает собой всё громадное многообразие людей, даже если в своём объёме оно игнорирует массу более близких характеристик. Этим различием люди делятся на два больших класса, и стоит только кратко его назвать, как всякий понимает его более пространно, связывая с ним множество радостных или тяж-

ких воспоминаний, множество смелых надежд или мучительных ожиданий. На какие только размышления не наводит даже краткое слово о нём! Что только не способен рассказать тот, кто состарился в изнурительном служении этому различию! О чём только не задумывается юноша, когда он впервые удивлённо находит слово о нём над дверью в жизнь и, прежде чем облечься в это различие, размышляет: действительно ли блаженнее давать¹³, и так ли это блаженно; действительно ли тяжелее принимать, и так ли это тяжело; что более желанно и что он выберет, если ему случится выбирать; верно ли, что, как сказано, лучше всего ничего не иметь в мире, чтобы иметь возможность сказать: наг пришёл я в этот мир¹⁴, я ничем не владел в нём и был в нём чужим, и вот я снова нагим покидаю его; так ли тяжело и обременительно обладать земными сокровищами; правда ли, что делиться с другими — большой труд, сопряжённый с огромной ответственностью? Однако любые такие размышления, обходящиеся с жизненными условиями и предпосылками как с игрушками способности воображения, способны лишь встать на пути у

---

¹³ Ср. Деян 20:35.

¹⁴ Ср. Иов 1:21.

свободы с её силой действовать и могут лишь опечалить дух¹⁵ вымышленными стремлениями и болью. Ведь даже в отношении более резкого противопоставления апостол Павел самой краткостью своей речи даёт понять, что здесь не время для долгих раздумий: «Рабом ли ты призван, не смущайся, но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся»¹⁶. И даже если никто не способен быть столь сильным в краткости, как апостол, мы тоже не хотим раздувать размышления, но хотим призвать душу от развлечений в то равенство, которое становится явным, когда мы вместе с апостольским словом проходим сквозь все различия. Давайте же попробуем вместе с этим словом словно бы выйти за пределы различий, позволив ему напоминать нам о том, *что всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше*. Ведь если это стоит непреложно, тогда упразднено всякое различие, тогда различие в несовершенном, которое остаётся для человеческих даров, исчезает при звуках апостольского слова — этого божественного припева, способного разрешить всякое различие в равенство перед Богом.

---

¹⁵ Ср. Еф 4:30.

¹⁶ 1 Кор 7:21.

Апостольское слово призывает тогда того, кто имеет возможность давать, смириться под это слово вместе со своим даянием. Впрочем, если он не расположен давать, это слово ничего не будет значить для него. Если он как змей сидит над своими земными сокровищами, или если он лицемерно говорит, будто то, чем он мог бы помочь, уже отдано и «есть дар»¹⁷, или если он скуп и завистлив в отношении духовных дарований — на что ему тогда это слово, которое учит верно давать? Конечно же, он не чувствует никакой нужды в таком руководстве; и это слово, способное быть в помощь даже самому бедному, ничем не может ему помочь.

Но если, напротив, ты хочешь давать, тогда подумай, являешься ли ты, по слову апостола¹⁸, тем радостно дающим, который приятен Богу. Если твоё желание не радостно, то лучше выброси свои обильные дары, отринь богатства, которые связывают и томят твою душу, принося тебе лишь мучение, измени, если это возможно, свой земной облик, и не мни себя способным кому-либо помочь — ведь тогда ты сам

---

¹⁷ Ср. Мф 15:5.

¹⁸ 2 Кор 9:7 «...ибо радостно дающего любит Бог» (пер. еп Кассиана (Безобразова)).

в первую очередь нуждаешься в помощи. — О! ведь всякий добрый и всякий совершенный дар нисходит свыше, и Провидение не имеет нужды в твоих благах и пожитках, ведь у Него всегда есть в распоряжении 12 легионов ангелов¹⁹, готовых служить людям; а если бы Оно и нуждалось именно в твоём имуществе, Оно всегда могло бы взять его у тебя точно так же, как Оно тебе его дало. Но если ты усвоил иную премудрость — будто нет никаких добрых даров ни на небе, ни на земле, тогда, удержишь ли ты всё или же всё отдашь, тебе не достичь и не сотворить равенства перед Богом. — Или если ты неправедно обрёл богатство, и твои руки запачканы, чем тогда будет даяние, если не глумлением над Богом, и как тебе понять, что доброе даяние нисходит свыше, если ты не думал даже давать всякому то, что ему причитается²⁰?

Если же всё-таки ты хочешь давать, слово апостола бдит над тем, чтобы ты не пожелал взять это обратно, ведь иначе не может проявиться равенство именно перед Богом, а не то равенство, которое имеет место, когда подобное

---

¹⁹ Ср Мф 26:53.

²⁰ Рим 13:7.

привлекает подобное, когда богатый делает пир для богатого, чтобы тот в ответ пригласил его, и сильный мира сего поддерживает сильного. Но ты, быть может, желал давать свои даяния нуждающемуся и помогать тому, кому нечем тебе за это воздать, и всё же ты нечто требовал от него: уважения, поклонения, подчинения — то есть, его души. Сколь же великим мнил ты тогда то малое, чем ты владеешь, — пусть даже ты и богаче всех людей, и твоё имя затмевает имя того, кто веками считался самым богатым и синонимом богатства²¹; пусть даже нет в мире такой высокой горы, с которой можно было бы увидеть хоть что-то, не принадлежащее тебе?! Разве ты забыл, что был уже тот, кому не составило труда забраться на самую высокую гору, вершина которой терялась в облаках, показать все страны и все богатства мира Взалкавшему, и сказать: «Всё это дам Тебе, если, пав, поклонись мне»²²? Разве ты забыл, что это был искуситель? Или же ты на самом деле желал, так поступая, вредить другому: желал своими благодеяниями враждовать на его душу? Но сколь же поистине велико то, в чём нуждается чело-

---

²¹ царя Креза.

²² Мф 4:9.

век, чтобы жить, если жизнь его — не в пище и питии²³! Если ты хочешь силой страха подчинить себе нуждающегося, не боишься ли ты, что он одним-единственным словом отнимет блеск у всего твоего величия и обратит твоё серебро и золото в фальшивку, которую никто у тебя не примет? Но разве же вправду желаешь ты предать своего ближнего поцелуем²⁴, убить его душу, спасая его плоть?! О! всякий добрый и всякий совершенный дар нисходит свыше, и земные сокровища не имеют никакого особого права, никакой привилегии так называться. А потому, имея возможность давать, никогда не забывай и ради себя, и ради другого о том, что это — свыше, и что скорее уж ты, мнящий быть другому благодетелем, можешь в нём нуждаться — нуждаться в том, чтобы он отказался брать у тебя и дал тебе понять, что вы не подходите друг другу, что он не настолько низок, насколько ты высокомерен, что ты не в силах погубить его душу, пусть даже ты и можешь сделать так, чтобы страдала его плоть. Не давай свои блага в рост²⁵, не поступай подобно тому, кто умеет

---

²³ Ср. Рим 14:17.

²⁴ Ср. Мф 26:48-50.

²⁵ Исх 22:25, Пс 14:5.

сделать так, чтобы его даяние вернулось к нему с лихвой, и не делай ещё более страшного — не способствуй тому, чтобы другой человек оказался в убытке, который не способен возместить и весь мир: чтобы он повредил своей душе. Давая твоё даяние, будь бдителен, и даже если ты сам не давал к этому повода, но замечаешь, что нуждающийся вводится этим в соблазн, дай голос увещанию, обрати его взор к Богу; всякий же раз, когда ты даёшь, не забывай о том, с какой едва ли не легкомысленностью тебе отпущено наслаждаться твоим богатством, и о том, что бесконечно важнее, блаженнее и лучше этого спасти душу. Когда мысль об этом станет живой в твоей душе, тогда ты со своим даянием в страхе и трепете смиришься под апостольское слово, и твоё даяние окажется в твоих глазах совсем простым, а ты сам — меньше своего даяния. — Но, может быть, ты готов дать, но нуждаешься в долгом размышлении, чтобы своим умом понять, что твоё даяние будет правильным. О! есть много размышлений, которые хотя и делают человека умнее и подтверждают его ум, но не делают его лучше или приятнее Богу. Всем известно, что нет ничего хорошего в сомнениях, которые изыскивает левая рука, когда правая с ней со-

ветуется, и даже если ты откроешь здесь что-то новое, это будет весьма сомнительной честью. И отчего обыкновенно происходит размышление, которое следует после такого даяния, и, опять же, оказывается столь долгим, если не оттого, что даяние не принесло тебе плода, и тебе приходится довольствоваться размышлением? Если же ты, напротив, размышляешь над тем, что всякое доброе даяние нисходит свыше, то правая рука, которую ты протягиваешь, чтобы дать, быстро сокроется, и левая никогда ничего не узнает; ты будешь тогда радоваться втайне, как это и пристало благодетелю; радоваться так же, как и тот, кто принял даяние, ведь вы оба будете радоваться одному и тому же: тому, что даяние нисходит свыше, — ведь была и невидимая рука, которая его дала; это была твоя рука, и всё же ты убеждён, — и в этом убеждении даяние становится благим, — что это была невидимая рука, рука Божия. — Или ты желаешь давать, ты откладываешь даяние для нуждающегося, но ты заставляешь его ждать. Мой друг! «Надежда, долго не сбывающаяся, томит сердце, а исполнившееся желание — древо жизни» (Притч 13:12). Что ты желаешь показать другому таким своим поведением, если не то, что ты и есть тот,

кого ему следует ждать? Но разве это что-то замечательное, что желательно было бы дать ему понять; и разве такое понимание не грозит запросто повредить ему в том, что касается его спасения? А тебе-то что это даёт? Делает ли это тебя совершеннее? Но ведь Бог, сущий на Небесах, лучше кого бы то ни было знает, что́ есть высшее из всего, что человек способен взыскать и совершить, — и при этом Он говорит в Писании, что от человека требуется не более, чем быть верным как домоправитель²⁶. Но домоправитель меньше, чем дом и блага, которыми он управляет. Ты же, напротив, желаешь быть господином, не желая, тем самым, быть совершенным. Ты желаешь дать нуждающемуся понять, ожидая тебя, что у тебя есть и иные дела, и что ему придётся повременить, что он, незначительный, должен подождать. О! Бог, сущий на Небесах, не заставляет даже воробья Себя ждать²⁷. Не позволяй поэтому, чтобы нуждающийся долго тебя просил, иначе ты явно будешь давать не ради Бога, — может быть, лишь ради того, чтобы откупиться от просьб. Не говорило ли о несправедности судьбы то, что он пожелал

---

²⁶ 1 Кор 4:2.

²⁷ Ср. Лк 12:6.

оказать справедливость только чтобы освободиться от просьб вдовы²⁸, не был ли он несправедливым человеком, даже если он и сделал при этом нечто справедливое, не было ли несправедливостью по отношению к вдове то, что она приходила его благодарить за выполненную им обязанность, словно это было великим благодеянием? Чем дольше ты позволяешь нуждающемуся просить, тем глубже он погружается в земную нужду, пока он, быть может, в этой нужде уже не сумеет воспрянуть душой кроме как с помощью твоего даяния. Но при этом то, что ты имеешь дать, это или отнюдь не добрый и не совершенный дар, или же это доброе и совершенное даяние, которое приходит посредством тебя, но так, что ты здесь только домоправитель, и значит *меньше, чем даяние*. — Или ты желал дать, но твоё даяние было столь малым, что ты медлил дать. О! всякий добрый и всякий совершенный дар нисходит всё-таки свыше, поэтому твоё малое точно так же может быть добрым даянием, как и величайшее. И тот, кто верно даёт, затворяет свои глаза так, что ты не видишь в даянии, сколь мало оно есть, прежде чем увидеть,

---

²⁸ Лк 18:1-6.

что его соделал Бог, и потому признаёшь, опять же, что ты *меньше, чем даяние*, как и всякий дающий, если он даёт доброе даяние или делает так, чтобы оно смогло стать таковым.

Однако один человек может помочь другому, не только давая внешние, земные блага, но и давая совет и направляя, утешая, наставляя и проявляя участие, и таковые даяния могут быть, по-видимому, даже более важными. И вот, ты, быть может, дорогой ценой приобрёл опыт, который имеешь, и наставление, которое ты мог бы предложить, оплачено многими скорбями и тяготами, постигшими тебя в день нужды, и потому ты не хочешь с этим шутить, не хочешь бросать слов на ветер, но желаешь держать в цене то, что получил так нелегко. О! Ты приобрёл свой опыт у жизни, и если тебе, как ты сам говоришь, несладко было его приобретать, то разве хочешь ты сам стать для другого тем, чем стала для тебя жизнь, чтобы он тоже мог потом сказать: я дорого заплатил за этот опыт, и мне несладко было приобретать его? И когда ты можешь в чём-то научить, наставить, то разве твоё наставление будет даром, если ты не сумеешь отделить его от себя и себя от него? И разве твоё наставление в чём-то потеряет, если тот,

кто принимает его, увидит, что ты, кто, казалось бы, сам не так нуждаешься в нём, смиряешься под это наставление, давая ему стать действительным прежде всего для тебя как нуждающегося в нём более всего, давая ему в повторении быть в твоей душе живым и юным, каким оно было в мгновение, когда ты впервые его получил, и становясь, тем самым, *меньше, чем твоё наставление?* Если ты хочешь наставить другого, не задирай голову и не суди, не возводи очи, рассуждая, но сам подклони голову и очи под наставление, чтобы оно звучало для тебя так же, как и для другого. Всякий благой и совершенный дар нисходит свыше, и даже если бы ты владел самым лучшим наставлением, ты всё же не знаешь, подстрекнёт ли оно душу другого к упрямству или сохранит её в смирении, будет ли оно ему во спасение или в погибель. — Или, может быть, ты желаешь подарить другому своё участие, и если кто-то нуждается в этом, ты к этому готов, но тебе нужно, чтобы другой был слабее тебя и в своей нужде имел меньше силы, в своей беде — меньше смелости, чем имеешь ты, и тогда ты поспешишь проявить участие и укрепишь изнемогшего, поднимешь того, кто упал, — о! всякий добрый и совершенный дар

нисходит свыше, и приносящий дар смотри, не имеет ли брат твой что-либо против тебя²⁹, так что твоё участие окажется просто платой, по праву ему причитающейся. И покуда другой нуждается в участии, а не в твоей персоне, будь сам меньше, чем твоё участие — так, чтобы оно было свыше и выше, чем ты сам; чтобы оно было участием, а не оскорблением; чтобы оно не было порождением твоего сердца, но было в нём свыше. — Или же ты одарён силой духа, какая редко бывает в человеке, твоя мысль проныцательно разыскивает истину, и ты умеешь пленять людей этой истиной в тебе, так что они рады пребывать в её нерасторжимой связи. Разве не можешь ты тогда отойти в сторону, чтобы они, познав истину посредством тебя, пребывали в ней сами, без твоей помощи? Так ли ты поступаешь? Мы не дерзаем говорить тебе то малое, что говорим простецу, мы лишь размышляем над тем, что имеет место и что могло бы произойти. О! Всякий добрый и совершенный дар нисходит свыше; и даже самое мудрое из всего, до чего сумел доискаться один человек, для другого всегда имеет сомнительную значимость, если, конечно, он не доискался до этого

---

²⁹ Мф 5:23-24.

точно таким же образом, как и первый. Чего же тогда ожидали люди, вверяя себя тебе при твоём попусшении этому, и чего ожидал ты сам, если ты искал в этом удовольствия? Ах, душу можно отяготить не только пищей и питием, но и мирской честью и людским восхищением. И что есть мирская честь и весь её деланный грим; и чего стоит та святость, в которую мир сам себя облекает, чтобы всерьёз искать от него чести?! И чего стоит людское восхищение, если оно сполна изливается на то, что безбожно и беспринципно, а праведному приходится столь же сполна от него отказаться?! И даже если оно порой и изливается на праведного, всё же сколь часто и тогда оно бывает дурным и праздным. Люди при этом как будто не хотят заботиться о самих себе; их заботит только то, чтобы было чем восхищаться. Тому, кем они восхищаются, такое их восхищение доставляет лишь печаль, если только его больше заботит их благо, нежели их восторги о нём. Поэтому если ты имеешь предложить людям некую истину, то постарайся уменьшить воздействие себя самого; стань сам ничем, отвергнись себя, предлагая людям твой дар, чтобы они не могли, обманувшись, принять тебя вместо дара и расточить свою

жизнь в таком обладании истиной, когда всё же они не будут ей обладать. Делая так, ты, конечно, будешь дающим, но будешь *меньше, чем даяние*; всякое же даяние доброе и совершенное нисходит свыше, даже если оно и приходит через тебя. — Или же ты совсем прост и поэтому не открываешь рта, не думая, будто твоё слово может кого-то наставить или кому-то помочь. О! простое слово простого человека творило в мире чудеса; напечатлялось в памяти мудрого, который при всей своей мудрости оказывался живущим в забвении этого слова; останавливало властвующего; обезоруживало насильника; потрясало умника; спасало отчаявшегося. И разве не так должно быть, когда твоё даяние — даяние благое, *а сам ты меньше своего даяния*.

Но вот слово апостола обращается к тому, чьей смиренной участью стало быть вынужденным принимать; и как всякое святое слово оно — благая весть для убогого, голос с Небес, зовущий его и вызывающий в нём мужество побеждать в том ужасном борении, когда человек борется с тем кто, скажем так, ему друг, и когда так трудно отличить друга от врага; вызывающий в нём чистоту сердца, с которой он способен свободно обратиться горé в благодарении

Богу всякий раз, когда его душе грозит быть пригнутой долу, оказавшись в долгу у другого человека. Или же то, что мы хвалим здесь, это простая неблагодарность? Быть может, слово апостола не утверждает равенства пред Богом, или же оно раскрывает какое-то несправедливое равенство, говоря, что всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, так что каждый, даёт ли он или принимает, по существу должен быть благодарен лишь Богу — ведь благодарить по праву можно лишь за благое, а всё благое приходит от одного только Бога? О! нет, это слово ничуть не желает упразднить благодарность, ведь так же, как для дающего позор знать о том, что он — дающий, или, по крайней мере, не стремиться стать невидимым во всех смыслах или хотя бы в высшем смысле суметь остаться невидимым, будучи на виду, — так и для принимающего позор не знать и не стремиться изо всех сил узнать, от кого он получает даяние. Но в этой борьбе за то, чтобы один сумел найти то, что другой сокрывает, оба будут едины в том, что найдут Бога, и когда Он будет найден, позор отнимется от обоих: для того, кто хотел остаться сокрытым, не будет позором, если его обнаружат, а для того, кто искал

своего благодетеля, не будет позором, если он не сумеет обнаружить его. Если же тот, кто принимает благодеяние, не отправляется, благодарный, искать благодетеля, ему не найти и Бога; и лишь в таком искании он находит Бога — когда не находит своего благодетеля; или когда находит его таким, каким тому и следует быть, и тот помогает ему найти Бога; или когда находит его таким, каким тому не следует быть, и, продолжая благодарно искать, находит Бога. Если же ты теряешь из вида земную благодарность с тем, чтобы каким-то сказочным образом найти со своим благодарением Бога, отрезвись, ведь если ты не желаешь воздать благодарность человеку, которого видишь, как ты сумеешь истинно благодарить Бога, Которого не видишь?³⁰ И пускай фарисей употребляет эту истину себе во зло, всё равно остаётся истинным то, что следует воздавать Богу честь за то, чем ты обязан грешному человеку; что нельзя так возвышаться над другим, чтобы тот не мог уже прийти к благодарению Бога, всё время натываясь только на тебя; что нельзя быть таким униженным, малодушным, ленивым, изнеженным, затерявшимся в земном, чтобы довольствоваться благо-

---

³⁰ Ср. 1 Ин 4:20.

дарностью человеку, который дал тебе то, чего ты жаждал; но при этом нельзя отрицать и того, что явно отречься от своего благодетеля, желая скрытно получать его дары, так же мерзко и пред Богом, и пред людьми, как бесчестить своих родителей, что это подлость, вменяющая даяния дающего в исключительную обиду себе в этой жизни. Мы восхваляем евангельского слепорождённого за то, что первым, на что он употребил дарованное ему зрение, было искание видеть, если возможно, своего благодетеля; мы восхваляем его за то, что суд мира был не в силах побудить его к тому, к чему он побудил Петра: отречься от своего благодетеля; мы восхваляем его за то, что он желал лучше быть презираем вместе со своим благодетелем, нежели быть в почёте, служа, быть может, инструментом в руках сильных, — но если бы его благодетель был таким же грешным человеком, как и мы все, а он ничего сверх сказанного не хотел бы сделать; если бы их связало в неразрывную дружбу благодеяние, а не общее благодарение Богу, Кому они воздавали бы честь, разве это не загубило бы то, что так прекрасно начиналось? Хотя Христос и принял поклонение слепорождённого, Он принял его не как воздаяние

за благодеяние, но как свидетельство веры, и их отношение таково, что никакой грешный человек не мог бы соблазниться притязать быть здесь тем, Кем был Христос. Само благодеяние Христос сделал насколько возможно сокрытым; ведь, сделав так, чтобы слепорождённый смог обрести зрение, Он отослал его от Себя, сказав: пойдя, умойся в источнике Силоам. Там слепорождённый прозрел, но рядом с собой не увидел Господа — потому, конечно, что его Благодетель желал остаться невидим, хотя Его благодеяние и состояло в том, что Он подарил слепорождённому зрение.

Сколь разным образом один человек может стать должным другому мы уже видели, когда говорили о тех, кому выпало счастье благотворить. Когда же ты оказываешься благодарен другому, слово апостола оберегает тебя от того, чтобы ты повредил своей душе, будучи вынужден принимать и желая благодарить человека. Быть может, в этом мире ты беден, и твоё место — у дверей богатого, твоя жизнь — подтверждение того, что человек может жить крохами, падающими со стола, и того, что порой эти крохи бросают ему, как собаке³¹. И ты при-

---

³¹ Ср. Мф 15:21-28.

нимаешь даяние, брошенное тебе; тебе тяжело быть принуждённым его принять, но ты не можешь обойтись без того, кто помог тебе лишь на мгновение; и вот тебе становится вновь столь же тяжело, сколь тяжело было быть вынужденным принимать. Прежде чем ты успел поднять свою склонённую голову, твой благодетель уже исчез, — и вовсе не потому, что он хотел остаться неизвестным и спешил сокрыться, но потому, что у него были совсем другие заботы. Ты посылал ему вслед слова благодарности, но они не достигали его, — не потому, что он, стыдясь, чувствовал себя меньше, чем его даяние, а потому, что он пропускал твои слова мимо ушей, ведь всё это было ему безразлично. И если бы даже твоё благодарение и достигло его, он сказал бы, наверное: это не стоит благодарности, — и он бы искренне так считал, при этом считая и твоё благодарение ничего не стоящим. О! но ведь всякое даяние благое и всякий дар совершенный нисходит свыше. Сильный в мире сем может довольствоваться и тем, что бедный служит ему, но бедный, который служит ему, силен — и ты восшёл в твоём благодарении к Богу, употребившему этого сильного как орудие, чтобы тебе помочь. — Или же твои обсто-

яательства мягче, у тебя есть скудные средства к жизни, ты живёшь в скромном довольстве в простом жилище у подножия дворца богатого; но ты всем этим обязан ему, и то, в чём ты можешь ему услужить, едва ли, как сам ты чувствуешь, способно это возместить; и ты тем больше желаешь принести ему благодарение. Порой ты видишь его; но его взгляд говорит тебе о том, сколь мало для него значит твоё благодарение, и о том, что он не желает себе такого воздаяния, но хочет иного. И тогда ты, пожалуй, предпочёл бы быть воробьём, небесной пташкой, которая только Бога может благодарить за своё пропитание; полевой лилией, которая только Бога может благодарить за то, что она так великолепно одета, — чтобы и тебе благодарить только Бога, благодарить Которого снова и снова есть радость паче всякия радости. О! но ведь всякое даяние благое и всякий дар совершенный исходит свыше. Если твой благодетель не внемлет твоему благодарению, взойди к Богу, от Которого нисшёл этот дар, но не упускай возможности благодарить своего благодетеля, делай для него то, что ты можешь, ведь это не мало, — позволь ему своим неправедным богатством обрести в твоём лице друга, который может принять

его в вечные обители³². — Или у тебя нет такой заботы, и тебе не приходится благодарить никого за земные средства или блага, ведь ты ими наделён; но твоя душа мятётся в смущении, и ты не в силах сам разрешить проблему, с которой тебе пришлось столкнуться, и которая затопила собой твою мысль и парализовала волю. И вот ты ищешь совета и укрепления у другого человека, чей ясный взгляд легко пронизал мрак, которым ты был окружён. И ты вновь обретаешь радость и довольство, твоя жизнь вновь идёт покойно и мирно, но ты признаешь устами и сердцем, что этим ты обязан ему. А он не желает принять твоё благодарение. Ты говоришь ему слова благодарности и видишь, что его голова озаботилась, конечно, один раз твоими обстоятельствами и проблемой, но сам ты не заботишь его, и потому тебе не сумеешь принести ему благодарение. О! но ведь всякое даяние благое и всякий дар совершенный нисходит свыше. Если человек желает быть не человеком, но словно бы природной силой, ты также мало сумеешь принести ему благодарение, как моряк ветру, который наполняет парус ему на пользу, или как стрелок тетиву, придающую движение стреле,

---

³² Ср. Лк 16:1-13.

поражающей цель. А потому не втягивай душу в земную заботу, но взойди с благодарением к Богу. И хотя ты не способен принести благодарение твоему благодетелю, оно всё же принадлежит ему, и ты его хранишь как вверенное тебе имущество, подобно тому, как хранят имущество умершего или того, кто уехал в далёкую страну³³, чтобы тот когда-нибудь мог, если захочет, принять его у того, кто честно его управил. — Или же ты обязан другому человеку, — о чём ни ты, ни он не можете забыть, — своим умением понимать, своим образованием, крепостью мысли, силой речи. И вот он полагает твою душу своим должником, не оставляя места никакому юбилейному году³⁴, когда ты мог бы вернуть себе своё владение. Твоё благодарение он, конечно, принимает, но не как то, что освобождает твою жизнь от обязанности перед ним. О, но ведь никакой человек не может дать что-то такое, что сам бы не получил, и высшее, что человек может дать другому, это, конечно, жизнь, но даже за неё отец учит сына благодарить Бога, Который её даровал и Который когда-то возьмёт её. Всякое даяние благое и всякий дар со-

---

³³ Ср. Мф 25:14-30.

³⁴ Ср. Лев 25

вершенный нисходит свыше, и хотя ученик не больше учителя³⁵, но если учитель любит его, он желает, чтобы ученик мог сам быть таким, как он.

«Блаженнее давать, нежели принимать». Это слово, выражающее присущее земной жизни различие, не отражает страстного человеческого мнение, что лучше, счастливее, прекраснее, желаннее иметь возможность давать, чем быть вынужденным принимать, и не берёт от этого мнения повод, но указывает на различие, которое есть для любящего сердца. Ведь тот, кто говорит, что иметь возможность давать — это лучше, счастливее, прекраснее, желаннее, — говорит не о том, как он распорядится этой выпавшей ему возможностью, и не о том, что он чувствует, верно употребляя её. Напротив, тот, кто познал, что блаженнее давать, нежели принимать, не только постиг присущее жизни различие, но и со своей стороны изгладил его, давая с радостью и находя блаженство в том, чтобы давать. Однако различие сохраняется, если тот, кто вынужден принимать, не приемлет равное блаженство. И разве не прилежит

---

³⁵ Мф 10:24.

ему это блаженство? Разве не должен он, испытанный в трудной борьбе, иметь равную награду; ведь поистине принимать есть нечто большее, чем давать, если, конечно, две этих доли рассматривать верным образом. Давайте же рассмотрим слово апостола, чтобы увидеть, не служит ли оно выражением равенства. Тот, кто даёт, признаёт, что он *меньше, чем даяние*; ведь слово апостола с радостью принимало от единственного добровольное признание этого или же принуждало его это признать. Тот, кто принимает, признаёт, что он *меньше, чем даяние*; ведь слово апостола делало признание этого условием для того, чтобы возвысить принимающего, и таковое признание во всём присутствующем ему смирении нередко можно слышать в мире. Но если и тот, кто даёт, и тот, кто принимает, меньше, чем даяние, то между ними возникает равенство — равенство как раз в их малости по отношению к даянию, ведь даяние нисходит свыше, а значит, не принадлежит и в то же время равным образом принадлежит обоим, принадлежа Богу. Несовершенство заключается поэтому не в том, что нуждающийся принимает дар, но в том, что богатый им владеет, каковое несовершенство он упраздняет, отдавая этот

дар; равенство же восстанавливается не потому, что теперь нуждающийся владеет этим даром, но потому, что, будучи подарен нуждающемуся, он перестаёт принадлежать богатому как собственность, но и нуждающемуся не принадлежит как собственность, ведь тот его принял как дар. Если богатый благодарит Бога за этот дар и за то, что ему посчастливилось прекрасно его отдать, то он благодарит и за дар, и за бедного; если бедный благодарит дающего за дар, а Бога за дающего, то он благодарит и Бога за дар; и так в благодарении Бога имеет место равенство — равенство в благодарении по отношению к дару. Понять это не составляет большого труда, и если порой это бывает затруднительно, то лишь потому, что земные дары и даяния, о которых мы на беду думаем прежде всего, помышляя о различии между тем, чтобы иметь возможность давать, и тем, чтобы быть вынужденным принимать, столь несовершенны в самих себе, и потому, как и всё несовершенное, способны производить лишь различия. Напротив, чем совершеннее даяние и дар, тем яснее и бесспорнее тотчас же являет себя и равенство. Но ведь дар, о котором мы говорим, что он нисходит свыше, благой и совершенный; а единственное благое

даяние и совершенный дар, который может дать человек, это любовь; и все люди во все времена признавали, что её жилище — на небесах, и она нисходит свыше. Если человек не желает принимать любовь как дар и даяние, пускай увидит он, что он тогда получит, но если он принимает её как дар и даяние, то и дающий, и принимающий не присутствуют как неравные, но оказываются сущностно и всецело равны по отношению к этому даянию так, что лишь для земного рассудка в его несовершенстве может двоиться то, что имеет один и тот же смысл. И чем более человек отлучает свою душу от погружения в несовершенное и ищет познать совершенное, тем более он усваивает понимание жизни, утешающее его при свете дня и не оставляющее его по приходе ночи, когда он лежит забытый в могиле, забыв всё то, что моль и ржа истребляют³⁶, забыв все изыски человеческой премудрости, но храня мысль, способную сделать для него это долгое время наполненным: мысль, не знающую ничего из заботивших его различий, но ведающую только равенство, которое — свыше; равенство в любви, которое пребывает и есть единственно пребывающее; равенство, не позволяющее ни-

---

³⁶ Мф 6:19-20.

кому, как говорит Павел, быть должником другого ни в чём, кроме взаимной любви³⁷.

---

³⁷ Рим 13:8.

IV. СТЯЖАТЬ СВОЮ ДУШУ В ТЕРПЕНИИ

---

*В терпении вашем
стяжите души ваши.*

Лк 21:19

огатая птица собою кичится, приходит с шумом и гамом; а бедная птица¹ — терпение ведь это бедная птица, и оно приходит, не красуясь внешним, но как веяние тихого ветра² и нетленная красота кроткого и молчаливого духа³. Терпение это искусство, которое бедно, но очень и очень долго⁴. Кто же, живя, на деле научился ему, у кого достало на

---

1 Слова из датской народной детской песни.

2 3 Цар 19:11-12.

3 1 Пет 3:4.

4 С. Кьеркегор перефразирует здесь известный афоризм Гиппократа: «Жизнь коротка, искусство долго».

это терпения? Кто на деле научил ему другого человека, ах, если только это был не тот, кто прекрасно научил другого терпению тем, что сам был крайне нетерпелив! Кто верно говорил о нём, не прибегая в нетерпении к торопливым выражениям и спешным оборотам? Кто верно слушал о нём, не заявляя вскоре, будто ему всё уже ясно и в терпении, и в беседе о нём, и он с нетерпением жаждет послушать о чём-то ещё, — совершенно не понимая, что терпения так не познать!

Стяжать свою душу в терпении, — разве это слово, которое всегда оказывается нехвата, не в силах тотчас же укротить всякую дерзкую жажду славного подвига, вдохновенного дела, сражения и борьбы, сулящих победителю великолепные награды; разве это слово не служит для взрослых тем же, чем для ребёнка голос отца, зовущий его от шумных игр, в которых он — царь и король, к тихому делу терпения; и разве оно не является тем более страшным, что желает охватить всю жизнь человека — безо всяких шуток, не так, как если бы оно лишь изредка звучало всерьёз. И если Сказавший это слово знал, какая в нём польза человеку, если Он, как это и было, говоря

его, понимал и что мерзость запустения будет пытаться, словно вихрь, оторвать жизнь от её глубочайшей почвы, побуждая как раз к видным подвигам и славным делам, — давайте же, когда нам кажется, будто это слово на деле не приносит никакой пользы и даже делает душу дряблой, хотя бы иметь терпение верить, что ошибка здесь в *нашем* неверном его понимании, и что именно в силу *нашей* ошибки оно выглядит столь скупым: не только не дарующим человеку его душу и мир как награду за усилие и борьбу, но и, напротив, отъемлющим у него и мир со всем его великолепием как то, чем ему никогда не следует стремиться завладеть, и даже самую его душу, чтобы он затем приобретал её в терпении.

Давайте же иметь терпение верить этому слову; терпение не откладывать размышление о нём до более подходящего времени; терпение не просить в силу нехватки терпения само это слово потерпеть; терпение разделить и вновь свести воедино то, что дано в нераздельном единстве.

«*Стяжать свою душу*». Выходит, человек не владеет своей душой. Не указан ли этим верный путь к блаженству, состоящий отнюдь

не в том, чтобы ценой своей души приобретать весь мир, но в том, чтобы пользоваться жизнью для приобретения души? Человек рождается нагим, он ничего с собой в мир не приносит; и независимо от того, находит ли он всё потребное для жизни стоящим наготове и дружелюбно предлагающим ему себя, или же ему приходится с трудом его разыскивать, всё же каждому человеку так или иначе приходится приобретать потребное ему для жизни. Если эта мысль и делает кого-то нетерпеливым и оттого ни на что негодным, то всё же лучшие люди умеют её постичь — постичь в том смысле, что свою жизнь нужно обрести, а для этого необходимо терпение. И они побуждают к терпению себя и других, потому что терпение это крепость души, нужная всякому для того, чтобы достичь желаемого в жизни. Странник, идущий к далёкой цели, не торопится в начале пути, но каждый вечер терпеливо устраивается на отдых, чтобы на завтра продолжить путь; — несущий тяжёлое бремя не надрывается изо всех сил вначале, но порой слагает с себя бремя и сам ложится рядом с ним, ожидая, пока у него появятся силы нести бремя дальше; — тот, кто терпеливо возделывает землю, ждёт дождя раннего и поздне-

го⁵, пока не получит урожай; — тот, кто приобретает себе пропитание торговлей, сидит со своим товаром и терпеливо ждёт, пока придёт покупатель и пока он отдаст за товар деньги; — тот, кто ловит птиц, ставя сети, ждёт целый день вечернего часа и тогда терпеливо неподвижно сидит при сетях, выжидая птицу; — тот, кто добывает себе пропитание со дна моря, сидит целый день терпеливо при своих снастях; — мать, желающая, чтобы её ребёнок всегда был её радостью, не хочет, чтобы он поскорее вырос, но терпеливо ждёт бессонными ночами и днями, полными забот; — желающий заслужить благосклонность людей, трудится рано и поздно, не упуская по нетерпению никакой возможности; — тот, кто хочет сказать людям о чём-то таком, что кажется им безразличным, не торопится выложить всё в самом начале или чуть позже, но продолжает говорить и терпеливо ждёт. Такое поведение понятно людям; они узнают себя в этом; им ясно, что это полезно и хорошо, и они дают себе труд этому научиться; они видят по жизни преимущество такого поведения перед диким, необузданным порывом, который ничего созидает, но лишь произво-

---

⁵ Иак 5:7

дит неразбериху и наносит ущерб. Потребное для жизни, о котором они говорят, лежит вне человека; терпение же потребно им для того, чтобы достигнуть желаемого. Человек приобретает при этом не терпение, но предмет своего желания. Множество самых разных потребных вещей приобретаются так, но является ли душа одной из них? И если да, то не мало ли сказать, что человек приходит в мир нагим, не владея ничем в мире, если он, приходя, не владеет даже своей собственной душой? И не способна ли мысль об этом сделать всякого нетерпеливым и неспособным жить; не внесёт ли она нетерпение в самую сердцевину его жизни? Чего ради человеку жить, если он всю жизнь обречён приобретать то, что является предпосылкой жизни в самой её основе; какой в этом смысл? — Вот ведь какую службу сослужило нам терпение: слово Евангелия, которое в своей краткости казалось таким напрасно пугающим, таким неважным, едва ли заслуживающим внимания, теперь в своей краткости выглядит исполненным такого значения, что скорее возникает искушение признать его неизъяснимым. Да и не страшно ли вступить на этот путь, на котором сразу же видишь цель, и видишь её постоянно, но никог-

да её не достигаешь, — в отличие от странника, в итоге приходящего к цели, и от несущего бремя, достигающего места назначения; на путь, на котором ты, скажем так, не сдвигаешься с места, — в отличие от странника, минующего то одно, то другое, и от несущего бремя, проходящего то одни, то другие места; на путь, на котором не видишь ничего нового, — в отличие от торговца, видящего то одного, то другого человека, и от птицелова или рыбака, улов которого разнится от раза к разу, — но видишь постоянно лишь самого себя; на путь, на котором, в отличие от желающего заслужить благосклонность людей, не слышишь то выражения восторга, то недовольные упрёки, то многоголосицу, то отдельные голоса, — но слышишь лишь один-единственный голос, перед истиной которого ты чуть ли не дрожишь, ведь если ты хоть раз услышал его, ты от него никогда уже не отделаешься ни во времени, ни в вечности; на путь, на котором, скажем так, ничего не приобретаешь: ни достигнутой цели, ни свободы от бременя, ни богатого урожая, ни денег, ни обильного улова, ни счастья ребёнка, ни людской благосклонности, ни пользы для людей, — но приобретаешь лишь самого себя, каковая

награда совсем ведь ничтожна, ведь и младенец, который умирает в мгновение рождения, владеет, как кажется, тем же; на путь, на котором не выигрываешь ничего такого, что можно было бы радостно разделить с другими, ведь здесь ты сам и есть твой выигрыш, — короче, на путь, на котором тебе постоянно может казаться, что ты обманулся в этом пути, как обманулся бы торговец, думая продать товар, если бы никто не стал его покупать, и в добавок ему сказали бы: ну вот, теперь ты узнал, что такое терпение, — или как обманулся бы рыбак, целый день рыбача в каком-то месте и ничего там не поймав. Не должен ли в мысли и речи произойти такой переворот, такое чудо из чудес, когда жизнь так изменится для человека, что видимое, бывшее для него самым надёжным, станет сомнительным, а духовное, разочаровывавшее его своей далёкостью, станет самым надёжным, бесконечно надёжнее видимого?

Но всё же: если человек имеет душу, зачем ему её приобретать, а если он не имеет ее, как ему возможно приобрести её, если одушевлённость является последней предпосылкой всякого приобретения, а значит и приобретения души? Но может ли существовать имущество,

которое было бы условием приобретения его же самого? Среди внешних вещей такого имущества нет. Ведь тот, кто имеет что-то внешним, уже не нуждается в его приобретении, да и не может его приобрести. Он может отдать то, что имеет, и попытаться затем приобрести его же; он может воспользоваться тем, что имеет, для того, чтобы приобрести нечто новое; но он не может одновременно что-то иметь и это же приобретать. Если и возможно говорить о чём-то таковом, его следует искать во внутреннем. Если его не найти во внешнем как таковом, то его не найти и во временном как таковом; ведь при ближайшем рассмотрении именно устройство временного не позволяет иметь что-то внешнее и одновременно приобретать его. В каждое данное мгновение нечто или есть, или не есть, и если оно есть, оно не может приобретаться, и если оно приобретается, оно не есть. Самопротиворечие, каковым было бы утверждать одновременно и то, и другое, не может быть во временном ни загадкой, ни разрешением загадки. Но и для вещей вечных того, о чём говорит это противоречивое утверждение, тоже не существует — не потому, что вечные вещи также или есть, или не есть, а потому что

они есть. Вечное — это не то, что или имеется, или приобретается; оно имеется, и так же мало может приобретаться, как и быть утрачено. Если где-то названное самопротиворечие и может иметь какой-то смысл, то только во внутреннем, самым обычным именовании которого является: душа. В душе нам нужно искать поэтому то, на поиск чего побудило нас выйти это слово: стяжать свою душу. Душа ведь это противоречие временного и вечного, и потому в ней возможно и иметь нечто, и приобретать его в одно и то же время. Более того, если душа есть такое противоречие, то в ней иметь нечто можно лишь, его приобретая, и приобретать, лишь имея. Это противоречие может быть выражено и иначе. Приходя в мир нагим, человек ничего не имеет, но приходя в мир с нагой душой, он всё же имеет душу, и как раз как то, что ему надлежит приобретать, имеет её не вовне себя, не как новую вещь, которая дана ему во владение. Если бы это не было так, если бы эта бессодержательная или кажущаяся выражением бессодержательности нагая душа не была бы уже душой, то душу было бы невозможно иметь или приобретать иначе, чем внешние вещи. Но и владение внешними вещами, и их приобрете-

ние в более глубоком смысле зыбко, поскольку то, что приобретается, может быть утрачено и не стать тем, что ты имеешь, и то, что ты имеешь, может быть утрачено и перестать быть приобретённым. Напротив, обладание душой не зыбко и подтверждается тем, что, что ты её приобретаешь, и приобретение души не зыбко и подтверждается тем, что ты заранее ей обладаешь.

Но всё же в том смысле, в каком тебе надлежит стяжать, приобрести твою душу, ты ей не владеешь. Кто же владеет ей тогда? Ведь если она должна быть приобретена как нечто уже существующее, — как то и есть, — то кто-то должен владеть ей, пусть даже она приобретается и не так, как внешние вещи, но так, что приобретающий её приобретает то, что принадлежит ему самому. Если приобретающий весь мир, как предполагается, владеет своей душой, не верно ли и обратное — что приобретающий душу владеет миром, и если ищущий приобрести весь мир постепенно отдаёт взамен свою душу, не должен ли и ищущий приобрести душу иметь что за неё отдать, и что тогда, если не мир? К тому, чего так ищут люди: владеть миром, — всякий был ближе всего в первое мгновение

своей жизни, когда его душа была растворена в мире и владела в себе им подобно тому, как владеет морем прибой, затопляя землю и не зная иного пульса, нежели пульс необъятного моря. Люди, правда, думают, что то владение, миром, о котором они говорят, это нечто совсем иное. Но они обманываются в этом. Ведь миром можно владеть лишь за счёт того, что он владеет тобой, и так владеет им как раз тот, кто покорила мир, а всякий, кто обладает им как-то иначе, обладает им как чем-то случайным, чем-то, что может оскудеть, умножиться, быть потеряно или обретоно при том, что само его обладание миром по существу никак не изменится. Ведь если потеря может уменьшить владения того, кто владеет миром, тогда и мир владеет им. Или это кажется какой-то казуистикой? Но не является ли скорее казуистикой отказ или нежелание того, кто служит миру, это понимать? Не лукавит ли мир, внушая человеку, что если тот им владеет, то это не означает, что мир владеет им; не стремится ли мир перехитрить человека и станет ли он предлагать себя, не зная заранее, что только больше выиграет от того, что человек добьётся обладания им? Человек не может владеть несовершенным как своей един-

ственной собственностью без того, чтобы и оно владело им, ведь когда человек хочет быть лишь внешним, мирским, временным, то мир и время безусловно оказываются могущественнее его. Поэтому человек поистине владеет чем-то внешним лишь тогда, когда он отказывается от этого, а значит он и владея, не владеет этим. Совершенным же человек способен владеть, лишь обретя при этом и себя самого, и владение совершенным обретается не в отказе, а, напротив, в углублении в него.

Итак, в первое мгновение жизни человек находится там, куда люди стремятся затем словно к чему-то замечательному: он растворён в жизни мира, и потому владеет миром, то есть, мир владеет им. Но в то же мгновение он уже отличен от всего мира, и он находит в себе упорство, которое не следует движениям жизни мира. Если он пожелает приобрести мир, ему нужно будет преодолеть в себе это беспокойство, чтобы вновь, подобно прибою, исчезнуть в жизни мира, покорив мир. Если же он пожелает приобрести душу, ему нужно будет позволить этому упорству становиться всё более внятным и в нём обрести свою душу, ведь его душа и есть то различие, каковое имеет здесь место: она есть

присущее жизни мира бесконечное в его различии с самим собой.

Когда он начинает приобретать свою душу, владеет ею мир. Но мир владеет ей не по праву, ведь душа принадлежит человеку. Это противоречие мир ловко обставляет, заявляя, что человек владеет миром. Приобретение человека тогда является законным, ведь он владеет своей собственностью. Но чьей собственностью является при этом его душа? Не собственностью мира, ведь незаконно приобретённое не является собственностью, но и не собственностью человека, ведь ему ещё только надлежит приобрести её. Значит у души должен быть какой-то ещё владелец. Этот владелец должен владеть его душой как справедливо ему причитающейся, но владеть ей непременно так, чтобы человек мог приобрести её как свою законную собственность. Этот владелец не может быть никем иным, нежели вечно Сущим, т.е. Самим Богом. Здесь обнаруживается противоречие, подобное тому, о котором мы говорили выше: невозможно владеть чем то и его же приобретать в одно и то же мгновение. Это невозможно ни для чего внешнего и временного. Но точно также ничто внешнее и временное не может принадлежать

одновременно нескольким владельцам, но принадлежит в одно и то же время кому-то одному. И если есть нечто, чем владеет мир, то никто иной уже этим не владеет; если человек и полагает, будто он этим владеет, то это владеет им; если же он действительно этим владеет, то лишь как тем, от чего он отказывается, и тем самым не владеет им, но и мир тогда этим не владеет. Внешнее и временное впервые становится, таким образом, тем, чем оно должно быть, когда им никто не владеет, то есть, когда оно становится безразличным. Вечное же тоже не может принадлежать многим; оно может принадлежать лишь одному по той же причине, по какой невозможно владеть им и в то же время его приобретать.

То, к чему люди тщетно стремятся с нетерпением как к высочайшему, не ведая на деле, чего они хотят; то, что ввергает в трепет свидетелей того, что кому-то это удалось: покорить мир и иметь его покорённым, — это то, с чего человек начинает, и что ему следует оставить; а значит это вовсе не дано как цель. Душа человека есть самопротиворечие между внешним и внутренним, временным и вечным. Она есть самопротиворечие, ведь она есть то, что она есть,

именно благодаря тому, что она в себе желает выразить противоречие. Душа человека поэтому в противоречии и есть самопротиворечие. Если бы она не была в противоречии, она растворилась бы в жизни мира, если бы она не была самопротиворечием, было бы невозможно движение. Она должна одновременно принадлежать человеку и приобретаться им; она принадлежит миру как незаконно ей владеющему, она принадлежит Богу как владеющему ей поистине, она принадлежит человеку как владеющему ей, то есть, владеющему ей так, что ему надлежит её приобретать. Он, таким образом, приобретает, если действительно приобретает, *свою душу от мира, у Бога, посредством себя самого.*

Так что желать приобрести мир есть лишь тщета и нетерпение, стремление стать тем несовершенным, чем ты уже был, отчаянное искание гарантировать себе то, чем ты уже был, при котором всё труднее и труднее становится высвободиться из этого. Приобрести же свою душу — это задача, побуждающая к борению со всем миром за то, чтобы оказаться у цели земного искания и владеть всем миром, дабы его отдать; борение, ставящее человека во внутреннее отношение к Богу; борение, обеща-

ящее тебе тебя самого в вечном ладу с Богом, обещающее тебе приобретение не чего-то из внешнего, каковым никто не может владеть по существу как в силу его несовершенства, так и в силу того, что всякий, сумевший на деле им завладеть, сам так или иначе оказывается должником, — но приобретение того, чем можно владеть по существу, что не принадлежит никакой другой душе в мире, что не делает тебя должником ни удачи, ни твари, ни случая, ни людей, ни друзей, ни врагов, ни мира — ведь ты, напротив, освобождаешь себя от своих мирских благ, отдавая миру принадлежащее ему. Ты оказываешься в долгу только у Бога, но это как раз не делает тебя должником, ведь Бог — единственное благо и Сам делает возможным быть у Него в долгу. Найдётся ли кто-либо столь нетерпеливый, что не сумеет даже уразуметь великолепие этого, пусть ему и не достаёт ещё терпения это приобрести?

«*В терпении*». Говорится не «с помощью» или «посредством» терпения, но «в терпении», и это указывает на особое отношение терпения как условия к тому, условием для чего оно является. Конечно, и торговец, и рыбак нуждаются в терпении, но они нуждаются

одновременно и во многом ином: в смекалке и опыте, товаре и снастях. Если они, не имея всего этого и не разбираясь в этом, сели бы и стали в терпении ждать, если бы они решили, что уметь терпеть достаточно для того, чтобы обрести себе пропитание и улов, они скоро поняли бы, что обманулись в этом. Напротив, если желающий приобрести свою душу не хочет понять, что обретая терпение, он обретает как раз то, в чём нуждается и что достойнее всех иных приобретений, он никогда не сумеет приобрести свою душу. Приобретение души есть, как это видно уже из сказанного, дело очень надёжное и очень хитро устроенное: чем больше мир обманывает тебя, тем больше ты можешь в этом выиграть. Условие этого приобретения одновременно является тем, что приобретается, и не зависит ни от чего внешнего. Поэтому условие, послужившее приобретению, и оказывается здесь самым приобретённым, тогда как торговец, продав товар, и рыбак, поймав рыбу, отлагает терпение в сторону как инструмент, чтобы порадоваться приобретённому.

Во внешнем терпение это нечто третье, привходящее, и, по-человечески говоря, лучше бы в нём вовсе не было нужды; порой его нужно

больше, порой меньше, ведь человек оказывается здесь в долгу у удачи, даже если его приобретения и незначительны. Только ища приобрести терпение, человек ни у кого не оказывается в долгу. Поэтому даже если люди и хвалят терпение во внешней жизни, в ней оно всегда является бременем. Так, странник берёт в руку палку. Он не отрицает, что это тяжесть, и что теперь он несёт ещё больше, но он рассчитывает на то, что палка так поможет ему в пути, что он больше выиграет от этого и легче одолеет путь. Если кто-то убедил бы его в том, что это не так, он не взял бы в дорогу палку; да и достигнув цели, он откладывает её в сторонку. Но если бы для человека, который ищет приобрести свою душу, необходимое для этого условие могло бы отделяться от того, условием для чего оно является, его положение оказалось бы самым шатким: ведь условием, делающим возможным приобрести душу, является обладание душой, поэтому если бы, приобретя свою душу, он утратил бы условие этого, он тем самым утратил бы и приобретённое.

Во внешнем терпение это условие, которое хвалят, покуда мир таков, как он есть, и поскольку опыт учит, что оно потребно в мире. Но оно

не может во внешнем обеспечить совершенную надёжность как единое на потребу; ведь порой, пожалуй, нетерпение здесь даёт больше и скорее помогает получить желаемое. Поскольку внешнее сомнительно в качестве блага, то и любое условие, способствующее его приобретению, тоже способно быть лишь сомнительным, ведь побочным следствием несовершенства является то, что оно не надёжно, и нет ничего, что прочно могло бы обеспечить его надёжность. Совершенное, напротив, может приобретаться с полной надёжностью, поскольку оно приобретается, лишь становясь внутри собственной предпосылки. Возможно, некий торговец, действуя нетерпеливо, быстро обогатился, а другой напрасно ждал прибыли с терпением, — ведь и сорное семя тоже растёт в нетерпении, но доброе семя растёт только в терпении. Но также в терпении растёт и тот, надёжности положения кого не могут повредить ни какое сомнение или опыт. «Он растёт в терпении». В этом слове, опять же, условие и обусловленное нераздельны, и слово само указывает одновременно на двойственность и единство. Растущий в терпении растёт ведь и продвигается; но что в нём тогда растёт? Терпение. В нём растёт терпение,

но посредством чего оно растёт? Посредством терпения. Слово, во-первых, указывает на то, в чём человек возрастает, подобно тому, как можно сказать, что некто возрастает в милосердии, в богатстве; во-вторых же, на то, посредством чего он возрастает, подобно тому, как можно сказать: посредством ума, посредством совета друзей или поддержки.

«*Стяжать свою душу в терпении*». Беря теперь это слово целиком и размышляя над тем, как следует его исполнять, мы видим, что первое, что для этого требуется, это терпение для того, чтобы понять, что ты не владеешь самим собой; терпение для того, чтобы понять, что стяжание своей души в терпении это делание терпения, и что поэтому ты не должен приковывать внимание к страданию, ведь это означало бы на самом деле расти в нетерпении. Слово подчёркивает это двойственным образом, в своей краткости содержит двойственное повторение. Оно увещевает стяжевать свою душу «в терпении», и оно же увещевает «стяжевать», приобретать её. Это слово содержит единственно увещевание к терпению. Оно не говорит: поймай свою душу, — как если бы это было делом мгновения, как если бы единство души

проносилось мимо и дело шло бы о том, чтобы поймать мгновение и душу, и от этого зависело бы, выиграет он или проиграет. Оно не говорит и: «спаси свою душу», — слова, которые Писание в других местах использует с присущей ему святой серьёзностью. Несомненно, тот, кто приобретает свою душу, также и спасает её. Но слова «спасти свою душу» не настраивают так на терпение и не исключают возможность думать, будто этого можно достичь с поспешностью. Когда же говорится о том, чтобы «стяжевать», «приобретать» свою душу, это сразу побуждает к тихому, но непрестанному деланию. Это становится ещё отчётливей понятно и воспринимается ещё серьёзнее при противопоставлении, когда мы вспоминаем, что сказано это в связи с жутким изображением грядущих бедствий, которым надлежит прийти на Иерусалим, когда словно бы весь мир будет предан погибели, и будут знамения на солнце, и луне и звёздах, и море восшумит, и силы небесные поколеблются. Вот, казалось бы, мгновение, в связи с которым нужно увещевать каждого спасти свою душу. Но звучит слово: «в терпении вашем стяжите души ваши». Может ли быть более высокое противопоставление, ведь раз-

ве это не час, который наставление описывает с небесным великолепием. Стихии разрушатся⁶, небеса совьются как свиток⁷, бездна гибели разверзнет свою пасть, дабы поглотить добычу. Всюду слышен крик отчаяния, даже неживая природа стонет, трепещет, — но верующий никуда не несётся в поисках спасения, и когда ничто не стоит твёрдо и даже гора, шатаясь, покидает место, где она стояла недвижно тысячи лет⁸, он остаётся мирен, он приобретает свою душу в терпении, тогда как люди издыхают от страха и ожидания грядущих бедствий⁹.

То, что здесь подчёркивается словом: «приобретайте», — ещё настойчивее подчёркивается прибавленным к нему словом: «в терпении», — так что вместе взятые эти слова суть словно бы образ такого приобретения, как предваряющего себя самое так же, как первое из этих слов идёт вперёд второго, и всё выражение целиком есть повторение. Здесь дело идёт не о том, чтобы нечто завоевывать, что-то преследовать и захватывать, но о том, чтобы становиться всё

---

⁶ 2 Пет. 3:10-12.

⁷ Евр. 1:11-12.

⁸ Апок. 6:12.

⁹ Лк 21:26.

более и более мирным, поскольку то, что надлежит приобрести, внутри тебя, и это приходится приобретать, покуда ты сам пребываешь вовне себя самого; поскольку то, что надлежит приобрести, есть в терпении и не спрятано в нём так, что тот, кто словно бы терпеливо обрывал лепестки терпения, находил бы его в самой сердцевине, но так, что это само терпение и есть — терпение, в каковом душа терпеливо внутренне спрядается, приобретая терпение и саму себя.

Так что если ты желаешь положить начало этому приобретению, нужно, чтобы ты имел терпение начать с того, чтобы поистине признать в себе, что это дело терпения. Если ты приступишь к этому как-то иначе, ты никогда не сумеешь это приобретение совершить, ведь в отличие от приобретения земных вещей, ради которого ты долгое время можешь оставаться без прибыли, здесь ты заведомо оказываешься в убытке, — по крайней мере, с видимой стороны. Поэтому положить начало этому приобретению можно только в терпении, тогда как вещи, возбуждающие нетерпение и подстрекающие интерес, сами напрашиваются быть приобретёнными. Что же тогда выигрывает при этом человек? Он обретает свою душу как она

есть. Но кажется ведь, что она и так есть у него с самого начала. Дело, однако, идёт здесь не о том, чтобы что-то прибавить к душе, но о том, чтобы нечто от неё отъять — нечто, чем она видимым образом владеет.

Но нет ли иного способа завладеть своей душой? Нельзя ли как-то выхватить её у той силы, которая незаконно ей владеет? Но посредством чего могла бы сделать это душа, если не посредством самой себя? Но при покуда она хочет завладеть собой, она собой не владеет; да и сила, у которой она хочет себя вырвать, сильнее её, раз эта сила сумела овладеть душой. Что же всегда служит оружием тому, кто слабее? Терпение. Но не должен ли он для того, чтобы иметь терпение, уже владеть своей душой? Вовсе нет; ведь терпение возникает при таком приобретении, при котором он не становится, как можно было бы подумать, всё сильнее и сильнее по мере своего усилия, но становится видимым образом всё слабее и слабее. Именно из того, что мир незаконно завладел его душой, следует, наряду с тем, что мир сильнее его, и то, что ему приходится становиться всё слабее и слабее по отношению к жизни мира. Если душа не была бы отличием от жизни мира, её невоз-

можно было бы приобретать; покуда же она принадлежит миру, её приобретение не может иметь никакой иной предпосылки, нежели эта ничего не говорящая: терпение, — каковое не просто есть, но становится.

В терпении примиряется душа со всеми её владельцами: с жизнью мира — так, что, страдая, приобретает себя от неё; с Богом — так, что, страдая, принимает себя от Него; с самой собой — так, что она сама хранит то, чем воздаёт и миру, и Богу, и никто не может у неё это отнять: хранит терпение. Силой душа ничего не может добиться, ведь ей владеет иная сила. Если бы душа могла быть неким иным образом свободна, она не была бы самопротиворечием в противоречии между внешним и внутренним, временным и вечным. Это самопротиворечие выражает здесь себя в том, что душа сильнее мира благодаря своей слабости, и что она слабее Бога благодаря своей крепости, и что она ничего не может приобрести — меньшим она может обманываться — кроме самой себя, и саму себя она может приобрести, лишь теряя.

«Но что тогда такое душа человека?» Если ты спрашиваешь так в нетерпении кого-то другого, ты едва ли найдёшь ответ, и ты на ложном

пути, пусть даже он и кажется верным. Ведь разве не является проявлением нетерпения, когда некто спешит разъяснить всем другим, что есть душа, а кто-то нетерпеливо ждёт этого разъяснения, — так что слушающий нетерпеливо подгоняет разъяснение говорящего, а затем вновь становится нетерпелив, поскольку оно не кажется ему достаточным? И разве не должен ты так и остаться в нетерпении, разве не в порядке вещей, и не счастье, что это в порядке вещей, что говорящий своими речами не сделает для тебя невозможным приобрести свою душу в терпении? И разве не следовало бы тебе с нетерпением отнестись к тому, что ты столь нетерпелив, и потрудиться над тем, чтобы, вкусив от плода нетерпения, научиться желанию положить начало с терпением.

Знать, что такое душа человека, что значит душа, — это нечто очень далёкое от того, чтобы начать приобретать свою душу в терпении, и такое знание показывает своё отличие от приобретения души тем, что оно вырастает на почве нетерпения. И даже если такое знание и может что-то значить, оно нередко обманывает человека точно так же, как это делает мир, так что человек думает владеть знанием, тогда как, на-

против, его знание владеет им.

«Но если человек должен приобрести свою собственную душу, он ведь должен знать её прежде, чем приступит к её приобретению». Конечно, это так: это так, поскольку тот, кто знает свою душу, ещё не приобрёл её; но верно и то, что он не знает её, если не приступает к её приобретению. Даже если он мог бы познать её целиком и полностью, прежде чем он приобрёл бы её в терпении, то и такое обладание ей в познании, подобно первому владению миром, служило бы лишь условием для того, чтобы он мог приобрести её в терпении. Поэтому всякое познание, которое не желает иметь отношения к приобретению, является неполным и недостаточным, ведь человек не знает при этом, как он сам становится; становится же он, приобретая свою душу, и сам оказывается вместе с тем недостаточным, ведь «ещё не открылось, что будем»¹⁰.

Познающий свою душу видит себя как в зеркале¹¹; но он, как говорит апостол Иаков, может забыть увиденное, и потому полезным и потребным оказывается то, что говорит апо-

---

¹⁰ 1 Ин 3:2.

¹¹ Иак 1:23-24.

стол дальше — что верно слушает слово тот, кто исполняет его¹². Покуда он лишь слушатель слова, он пребывает вне него, и когда проповедующий молчит, он ничего и не слышит; но если он исполняет слово, он непрестанно слышит то, в чём он непрестанно назидает сам себя. И всякое простое слушание слово бесконечно менее совершенно, чем его исполнение, не только потому, что исполнение — нечто более высокое, но и потому, что любое высказывание как в своей краткости, так и в своей пространности очень несовершенно о сравнении с точностью исполнения. Принимать познание собственной души за её приобретение — значит обманывать себя, ведь даже в величайшем своём совершенстве познание лишь намекает на то, что со всей определённой раскрывает себя в приобретении души.

Так что человек должен, конечно, иметь познание, чтобы приобрести душу, но познание само по себе не является её приобретением. Более того, человек, познавая, убеждается в том, что им владеет чуждая сила, и значит, он не владеет собой или, точнее, не приобрёл самого себя.

---

¹² Иак 1:25.

Поэтому если человек поистине познаёт свою душу, он познаёт её как нечто, что он может даже точно описать, но что при этом принадлежит не ему. Он может, конечно, желать ей обладать, но познание как таковое не способно помочь его в этом. И если это или любое другое познание не сопряжено с терпением, оно не является тем познанием, о котором говорит слово апостола, и это подтверждается тем, что терпение здесь не есть одновременно условие и обусловленное. Познающий обманулся бы подобно тому, как обманулся бы торговец, если бы, желая приобрести познание, он приобрёл бы терпение. Познающий, подобно страннику, откладывает терпение в сторону, когда достигает познания. Поэтому тот, кто желает иметь терпение лишь для того, чтобы познать свою душу, тот не желает приобретать свою душу в терпении.

Тот, кто желает приобрести свою душу в терпении, познаёт, что его душа не принадлежит ему, что есть сила, от которой он должен её приобрести, сила, у которой он должен её приобрести, и что он должен приобрести её сам. И с терпением он не расстанется никогда, даже и тогда, когда он приобрёл душу, ведь он

приобретал не что иное, как терпение, и если бы он расстался с терпением, он бы расстался с приобретённым; тем более не расстанется он с ним, когда кажется, что он обманулся в своём стремлении, ведь он знает, что если это и вправду так, то только из-за того, что у него не было настоящего терпения, то есть, что причина этого — нетерпение. Поэтому приобретает ли он терпение в страшное мгновение решения, или же долго приобретает его, он приобретает свою душу в терпении, перейдёт ли он в то же мгновение в жизнь вечную, или же, начиная с этого мгновения, будет всякое мгновение сам переводить себя в вечность.

И если нетерпение чувства пожелает изобразить ему это приобретение, он знает, что это обман; ведь оно хочет обойтись без терпения, тогда как это приобретение и есть терпение. Если нетерпение познания пожелает обеспечить ему это приобретение, и даже обеспечить его во всём его многообразии, он знает, что это обман; ведь оно хочет упразднить терпение, тогда как душу возможно приобрести лишь в терпении, и терпение — не нечто многообразное, но нечто простое и единое. Если побуждение желает взять это приобретение силой, он

знает, что это обман, потому что оно и терпение хочет взять силой. Если минувшее желает напугать его своими кошмарами, а грядущее — ожиданием страшного, если и весь мир хочет смутить его своими угрозами, если время, служа миру, грозит сделать мучение долгим и тяготу безмерной, или если время не угрожает так, но лукаво даёт ему понять, что оно не смежает глаз и тогда, когда он спит, — он знает, что это обман: не угрозы и не то, что эти угрозы могут стать действительностью, но обманом является стремление выставить терпение чем-то лишним и побудить человека, если он хоть как-то приступил к деланию терпения, думать, будто он взялся за непосильное, и раскаиваться в этом; обманом является стремление отдельно от терпения представить ему приобретение души, каковая обретается в терпении, когда всё в мире берёт своё вплоть до последнего кодранта¹³.

Но не спросить ли нам: «Не изобразил ли уже кто-нибудь верно эту борьбу?», — как если бы всякое такое изображение не было несовершенно, и как если бы оно не было всегда чем-то иным, чем приобретение, стяжевание? Как если бы оно не подстрекало говорящего не-

---

¹³ Ср. Мф 5:26.

терпеливо живописать страдания, а слушающего — нетерпеливо слушать и нетерпеливо жаждать новых речей независимо от того, находит ли он услышанное искусно сказанным, — за что говорящий должен был бы воздать ему благодарность, если только это не было проявлением совершенной бездумности слушающего, — или же, находит его сказанным слишком просто, и говорящему не за что его благодарить? Но ведь тот, кто полагает, будто многообразное и многое поможет ему приобрести душу, совершенно таков же, как тот, кто полагает, будто простое затормозит его, — тогда как лишь простое помогает в этом. И разве всё изображённое не является чем-то таким, что мир и время могут взять себе, не будучи в силах взять терпение и то, что в терпении приобретается, ведь и в мгновение смерти человек в терпении приобретает свою душу для вечного, если он в терпении встречает смерть!

Сёрен Кьеркегор

Девять бесед 1843 года

Перевод с датского *А.В. Лызлов*
Художественное оформление, верстка
Т.В. Лызлова

Отпечатано в ООО «ТПК «РЕКОРД».
119180, г. Москва, ул. Б. Полянка,
д 7/10, стр. 3.

Формат 70x100/32
Объем 10 п.л.
Тираж 600 экз.